

РОДНОЕ СЛОВО

ДЛЯ

ДѢТЕЙ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ВТОРАЯ ПОСЛѢ АЗБУКИ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

СЪ КАРТИНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

СОСТАВИЛЪ

К. УШИНСКІЙ.



Изданіе *тринадцатое.*



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. М. Котомина. Невск. просп., д. № 18.

1871.

рег
49171(082)
у-945

104380
174563

си

РОДНОЕ СЛОВО

ДРУЖИНА МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

240385. Рег. № 2011

Доволнено ценсурю. С.-Петербургъ. 2 сентября 1871 года.

ИЗДАТЕЛЬСТВО



3
2
1

РОДНОЕ СЛОВО.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

О Т Д Ъ Л Ь I.

ВОКРУГЪ ДА ОКОЛО.

Въ школѣ и дома

Въ школѣ.

• Братъ пришёлъ домой изъ школы.

„Что у васъ тамъ дѣлается?“ спросила его маленькая сестра.

И братъ разсказалъ сестрѣ всё, что дѣлается въ школѣ:

Учитель сидитъ на стулѣ, за столомъ. Ученики сидятъ на скамейкахъ. Возлѣ учителя стоитъ большая классная доска. На классной доскѣ пишутъ мѣломъ. Передъ учениками лежатъ грифельныя доски. На грифельныхъ доскахъ пишутъ грифелемъ. Учитель учитъ. Ученики учатся. Учитель спрашиваетъ: ученики отвѣчаютъ. Одни ученики пишутъ, другіе читаютъ, третіе рисуютъ.

То-ли дѣлается въ вашей школѣ? Разскажите.

Годъ II.

т. с. ч. 18
271—295-я

За грамотнаго двухъ не грамотныхъ даютъ, да и то не берутъ.

Всё гули да гули—анъ въ лапти и обули.



Что нарисовано на этой картинкѣ?

Дѣтскія очки.

Говоритъ мальчикъ отцу: „купи мнѣ, тятя, очки: я хочу по твоему книжки читать.“

— Хорошо, отвѣчалъ отецъ: я куплю тебѣ очки, только дѣтскія—и купилъ мальчику азбуку.

По складамъ—такъ не грамотѣй.

Эко диво! поглядишь—чистѣхонько, погладишь—гладѣхонько; а станешь читать—вездѣ задѣвается.

Пѣтухъ и жемчужное зерно.

Навозну кучу разрывая, пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно и говоритъ: „Куда оно? Какая вещь пустая! Не глупо-ль, что его высоко такъ цѣнить? А я бы, право, былъ гораздо болѣе радъ зерну ячменному: оно не столь хоть видно, да сытно“.

Приглашеніе къ школѣ.

Дѣти, въ школу собирайтесь! Пѣтушокъ пропѣлъ давно. Попроворнѣй одѣвайтесь! смотрите солнышко въ окно.

Человѣкъ, и звѣрь, и пташка—всѣ берѣтся за дѣла; съ ношей тащится букашка; за медкомъ летитъ пчела.

Ясно поле, веселье лугъ; лѣсъ проснулся и шумитъ; дятель носомъ: тукъ да тукъ! звонко иволга кричитъ.

Рыбаки ужъ тащутъ сѣти; на лугу коса звенитъ... Помолясь, за книгу дѣти! Богъ лѣниться не велитъ.

Утренніе лучи.

Выплыло на небо красное солнышко и стало разсылать повсюду свои золотые лучи—будить землю.

Первый лучъ полетѣлъ и попалъ на жаворонка. Встрепенулся жаворонокъ, выпорхнулъ изъ гнѣздышка, поднялся высоко, высоко, и запѣлъ свою серебряную пѣсенку: „Ахъ, какъ хорошо въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ! какъ хорошо! какъ привольно!“

Второй лучъ попалъ на зайчика. Передёрнулъ ушами зайчикъ и весело запрыгалъ по росистому лугу: побѣждалъ онъ добывать себѣ сочной травки на завтракъ.

Третий лучъ попалъ въ курятникъ. Пѣтухъ захлопалъ крыльями и запѣлъ: ку-ку-реку! Куры слетѣли съ нашествей, закудахтали, стали разгребать соръ и червяковъ искать.

Четвертый лучъ попалъ въ улей. Выползла пчёлка изъ восковой кельи, сѣла на окошечко, расправила крылья и—зумъ-зумъ-зумъ! полетѣла собирать медокъ съ душистыхъ цвѣтовъ.

Пятый лучъ попалъ въ дѣтскую, на постельку къ маленькому лѣнтяю: рѣжетъ ему прямо въ глаза, а онъ повернулся на другой бокъ и опять заснулъ.

Всякой вещи свое мѣсто.

Серезжа, какъ проснется, такъ и начнетъ свои вещи розыскивать: одинъ чулокъ у него на стуль, другой подъ столомъ; одинъ сапогъ подъ кроватью, а другого и въ комнатѣ нѣтъ. Возится Серезжа всякое утро, возится... и опоздаетъ въ классъ.

Классная доска.

Классная доска сдѣлана столяромъ изъ дерева и выкрашена черною краскою. Она имѣетъ четырехугольную форму, стоитъ на раздвижныхъ ножкахъ, или ви-

силь на стѣнѣ. Классная доска всегда остается въ классѣ. На ней пишутъ мѣломъ.

Такая-ли у васъ классная доска? Сравните.

Грифельная доска.

Грифельная доска высѣчена каменщиками изъ шифернаго камня; а столяръ обдѣлалъ камень въ деревянную рамку. Грифельныя доски лежатъ на скамьяхъ, передъ учениками. Ученики уносятъ свои доски домой. На грифельной доскѣ пишутъ грифелемъ.

Такова ли ваша грифельная доска? Сравните грифельную доску съ классною.

Худо тому, кто добра не дѣлаетъ никому.

„Гришенька! одолжи мнѣ на минутку карандаша;“
а Гриша въ отвѣтъ:—„носи свой; мой мнѣ самому нуженъ.“

„Гриша! помоги мнѣ уложить книги въ сумку;“
а Гриша въ отвѣтъ:—„книги твои; самъ ихъ и укладывай.“

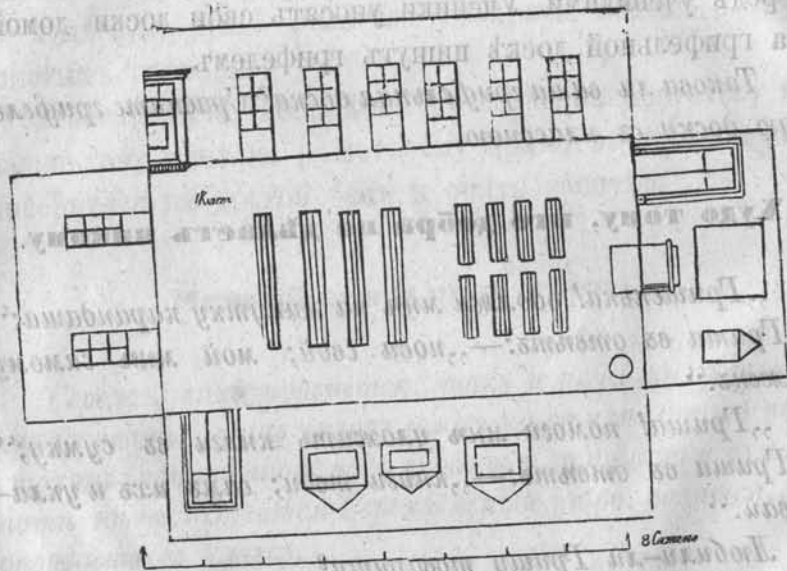
Любили-ли Гришу товарищи?

Нашъ классъ.

Нашъ классъ помѣщается въ большой комнатѣ. Въ этой комнатѣ есть полъ, потолокъ и четыре стѣны: двѣ покороче и двѣ подлиннѣе. Потолокъ выштукату-

ренъ; полъ выкрашенъ желтою краскою: стѣны обиты синими обоями. Въ стѣнахъ продѣланы двери и окна: въ окна проходитъ свѣтъ, а въ двери входятъ люди. Въ одномъ углу комнаты виситъ образъ, въ другомъ — стоитъ круглая печка, въ третьемъ — шкафъ для учебныхъ вещей, а въ четвертомъ — классная доска. Посреди комнаты скамейки для учениковъ. Передъ скамейками — столъ и стулъ для учителя.

Планъ класса.



Таковъ-ли вашъ классъ? Сравните. Начертите планъ вашего класса.

Красна птица перьямъ: человекъ ученьямъ. — Неучась, и лаптя не сплетишь. — Одной пчелкѣ Богъ сроду открылъ науку. — Наука не пиво: въ ротъ не вольешь.

Кончилъ дѣло, гуляй смѣло.

За уроками давно у окна дитя сидитъ, и давно уже въ окно солнце мальчика манитъ: „Не довольно-ли учиться? Не пора-ли порѣзвиться?“ А мальчикъ-то солнцу въ отвѣтъ: „Нѣтъ, ясное солнышко, нѣтъ! Теперь мнѣ гулянье не въ прокъ; дай, прежде окончу урокъ.“

Мальчикъ пишетъ и читаетъ; а на вѣткѣ, за окномъ, птичка громко распѣваетъ, и поѣтъ всё объ одномъ: „Не довольно-ли учиться? Не пора ли-порѣзвиться?“ А мальчикъ-то птичкѣ въ отвѣтъ: „Нѣтъ, милая пташечка, нѣтъ! Теперь мнѣ гулянье не въ прокъ; дай, прежде окончу урокъ“.

Мальчикъ всё сидитъ за книгой и въ окно уже не глядитъ; а ему давно изъ сада вишня красная твердитъ: „Не довольно-ли учиться? Не пора-ли порѣзвиться?“ А мальчикъ-то вишнѣ въ отвѣтъ: „Нѣтъ, красная вишенька, нѣтъ! Теперь мнѣ гулянье не въ прокъ; дай, прежде окончу урокъ.“

Кончилъ мальчикъ! въ шляпѣ дѣло! книги въ столикъ положилъ; прыгнулъ въ садъ и крикнулъ смѣло: „Ну-ка, кто меня манилъ?“ Ему солнышко смѣется; ему пташечка поѣтъ; ему вишенька, краснѣя, свои вѣтки подаётъ.

Дома.

„А гдѣ же лучше“, спрашиваетъ сестра брата: „дома или въ школѣ?“

— Не дурно и въ школѣ, отвѣчаетъ братъ: а дома всё же лучше. Дома отецъ и мать, братья и сёстры. Отецъ работаетъ, мать хозяйничаетъ; кухарка стряпаетъ, а дѣти учатся или играютъ. Дома мнѣ всё знакомо: и столы, и стулья, и шкафы. Я бѣгаю по всѣмъ комнатамъ. Загляну и въ кабинетъ къ папашѣ, и въ спальню къ мамашѣ, и въ залу, и въ гостиную, и въ кухню, гдѣ передъ обѣдомъ такъ пріятно пахнетъ, и въ кладовую, гдѣ на полкахъ много хорошихъ вещей. Дома утромъ мы завтракаемъ, въ полдень обѣдаемъ, вечеромъ ужинаемъ, а ночью спимъ сладко въ нашихъ кроваткахъ.

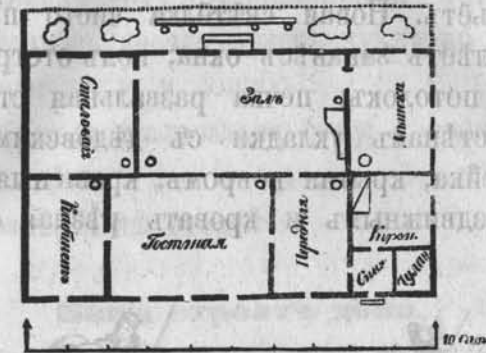
Что вы дѣлаете дома? Разкажите и сравните.

Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. На свѣтъ все сыщешь, кромѣ отца и матери.— Дитя хоть криво, да отцу, матери мило.

Каковъ нашъ домъ.

У насъ домъ небольшой, деревянный, на каменномъ фундаментѣ и съ желѣзною крышею. Нашъ домъ въ одинъ этажъ, и въ нёмъ всего семь комнатъ: гостинная, столовая, спальня, кабинетъ, дѣтская, передняя и кухня, Возлѣ кухни маленькая кладовая. Внизу, подъ домомъ, есть у насъ погребъ, гдѣ сберегаютъ зимою плоды и овощи. На верху дома, подъ крышею, чердакъ; тамъ я видѣлъ печныя трубы. На чердакѣ сушатъ бѣлье.

Планъ дома.



Таковъ ли вашъ домъ? Разкажите и сравните.

И з б а.

Небо въ часъ дозора	Только за работой
Обходя, луна	Молодая дочь
Свѣтитъ сквозь узоры	Борется съ дремотой
Мерзлаго окна.	Во всю долгу ночь,
Вечеръ зимній длится:	И лучина блѣдно
Дѣдушка въ избѣ,	Передъ ней горитъ
На печи ложится,	Все въ избушкѣ бѣдной
И ужь спитъ себѣ.	Тишиной томить;
Помоляся Богу,	Лишь стучитъ догучно
Улеглася мать;	Болтовня одна
Дѣти понемногу	Прялки однозвучной
Стали засыпать.	Да веретена.

Внутренность избы.

Въ низенькой свѣтлѣкѣ съ створчатымъ окномъ свѣтится лампадка въ сумракѣ ночномъ; слабый ого-

нечекъ то совсѣмъ замрѣть, то дрожащимъ свѣтомъ стѣны обольѣтъ. Новая свѣтѣлка чисто прибрана; въ темнотѣ блѣбѣтъ занавѣсъ окна; полъ отструганъ гладко; ровень потолокъ; печка развальная стала въ уголъ. По стѣнамъ укладки съ дѣдовскимъ добромъ; узкая скамейка, крытая ковромъ; крашенныя пяльцы съ стуломъ раздвижнымъ и кровать рѣзная съ пологомъ цвѣтнымъ.



Что здѣсь нарисовано? Разскажите.

Сила не право.

Прибѣжалъ Митя въ садъ, выхватилъ у своей маленькой сестры, Тани, куклу и поскакалъ съ куклою

по саду, верхомъ на палочкѣ. Таня стояла и плакала.

Выбѣжалъ изъ дому старшій братъ Мити, Серѣжа. Серѣжѣ показалось весело возить куклу по саду, и онъ отнял у Мити куклу и лошадь.

Митя побѣжалъ жаловаться отцу; а отецъ сидѣлъ у окна и всё видѣлъ.

Что сказалъ Митѣ отецъ?

Какъ строить дома.

1.

Деревянные дома строятъ плотники изъ бревень. Каменные дома кладутъ каменщики изъ кирпичей и изъ тѣсаннаго камня. Прежде всего кладутъ фундаментъ. На фундаментъ выводятъ стѣны. Въ стѣнахъ оставляютъ отверстія для дверей и оконъ. Когда стѣны выведены, то кладутъ на нихъ балки; въ балки укрѣпляютъ стропила; на стропилахъ стелютъ крышу. Крыши бываютъ покатыя, чтобы дождь на нихъ не задерживался. Крыши дѣлаются или изъ желѣза, или изъ тѣса, или изъ соломы. Гдѣ вы видѣли соломенные крыши?

2.

Снаружи домъ готовъ; но внутри его все ещё работы много. Надобно настлатъ полы и потолки, поставить печи, вывести трубы, навѣсить двери, вставить окна. Стѣны обиваютъ обоями. Когда домъ готовъ, вносятъ

въ него иконы, мебель, посуду; зовутъ священника, служатъ молебень, и тогда начинаютъ въ домѣ жить да поживать, да добро наживать

Разскажете по порядку, какъ строятъ домъ?

Тепло въ избѣ какъ самъ Богъ живетъ.—Своя хатка—родная матка.—Дворъ колыцомъ, три жердины концы съ концомъ, три кола вбито, три хворостины завито, небомъ покрыто, свѣтомъ обгорожено.

ЗАГАДКИ: 1) *Стоитъ бычище, проклеваны бочища.—* 2) *Что ни гость, то постелька.—* 3) *Два стоятъ, два лежатъ, пятый ходитъ, шестой водитъ, седьмой пьсенки поетъ.—* 4) *По снямъ и такъ и сякъ, а въ избу никакъ.—* 5) *Зимой все жретъ, а лѣтомъ спитъ; тѣло тепло, а крови нѣтъ.—* 6) *Спрое сукно тянется въ окно.—* 7) *Стоитъ теремъ, въ теремъ ящикъ, въ ящикъ мучка, въ мучкѣ жучка.*

Наша семья.

Наша семья не мала. Есть у меня отецъ и мать, двое братьевъ и двѣ сестры: я — самый старшій. Есть у насъ еще старушка-бабушка: она ужь изъ дому выходитъ рѣдко, только въ церковь; очень насъ любить и балуетъ.

Отецъ мой много трудится: его трудами кормится

и одѣвается вся семья. „Что бы мы безъ него дѣлали?“ говоритъ намъ часто мамаша.

Мамаша хозяйничаетъ: она заказываетъ обѣдъ и ужинъ, ходитъ въ погребъ и кладовую. Ужь какъ я люблю съ ней въ кладовую ходить! Цѣлый день мамаша о насъ хлопочетъ. Она шьетъ дѣвочкамъ платьица, а мальчикамъ — рубашки. Она учитъ насъ молиться, и всякого-то перекрестить, когда уложитъ насъ въ постельки.

Была ещё у меня маленькая сестрица, да её снесли на кладбище, положили подъ зеленый холмикъ. Мамаша до сихъ поръ плачетъ о маленькой Лизѣ.

Изъ кого состоитъ ваша семья? Сравните то, что сказали, съ тѣмъ, что прочли.

На что и кладъ, когда въ семьѣ ладъ.—Вся семья вмѣстѣ, такъ и душа на мѣстѣ.

Пятая заповѣдь.

Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будеши на земли.

Мать и дѣти.

„Что ты, мама, безпрестанно

О сестрицѣ всё твердишь?

Въ лучшемъ мѣрѣ наша Лиза—

Ты сама намъ говоришь».

— Ахъ, я знаю, въ лучшемъ мѣрѣ!
 Но въ томъ мѣрѣ нѣтъ луговъ,
 Ни цвѣтовъ, ни травъ душистыхъ,
 Ни весѣлыхъ мотыльковъ.

«Мама, мама! въ Божьемъ небѣ,
 Божьи ангелы поютъ,
 Ходятъ розовыя зори,
 Ночи звѣздныя плывутъ».

— Но у бѣдной нѣтъ тамъ мамы,
 Кто смотрѣлъ бы изъ окна,
 Какъ цвѣтами, съ мотыльками
 Въ полѣ рѣзвится она.

При солнышкѣ тепло, при матери добро.

Забѣжалъ Коля къ сосѣду и увидаль, что у него въ домѣ не хорошо: дѣти грязны, въ изорванныхъ рубашенкахъ, съ неразчѣсанными головками. Меньшія валяются по грязному полу, двое другихъ дерутся, а старшенькій лежитъ боленъ и некому за нимъ присмотрѣть. Вспомнилъ тутъ Коля, что у сосѣда недавно жена умерла, вспомнилъ и свою мать, побѣжалъ домой и крѣпко обнялъ родимую.

Что дѣлаетъ мать для своихъ дѣтей?

Лѣкарство.

Захворала мать Тани и докторъ прописалъ больной горькаго лекарства. Видитъ дѣвочка, что мать пьетъ съ трудомъ, и говоритъ ей: „Милая мама! дай я выпью лекарство за тебя.“

Колыбельная пѣсня.

Спи, дитя мое, усни! Вѣтра спрашиваетъ мать:
 Сладкій сонъ къ себѣ мани! «Гдѣ изволишь пропадать?
 Въ няньки я тебѣ взяла Али звѣзды воевалъ?
 Вѣтеръ, солнце и орла. Али волны все гонялъ?»
 Улетѣлъ орелъ домой; — «Негонялъ я волнъ морскихъ,
 Солнце скрылось подъ горой; Звѣздъ не трогалъ золотыхъ,
 Вѣтеръ послѣ трѣхъ ночей. Я дитя оберегалъ,
 Мчится къ матери своей. Колыбелочку качалъ.»

Родимому.

Пойду-ль я, пойду-ль я	Запрягу, запрягу
По своимъ, по новымъ сѣнямъ;	Своего ворона коня,
Гляну-ль я, гляну-ль я	Пошлю я, пошлю я
По всемъ, по милымъ гостямъ;	Своего слугу вѣрнаго,
Все-ль мои; все-ль мои	Своего друга милаго;
Милые гости съѣхались?	Привезу, привезу
Нѣтъ мово, нѣтъ мово,	Батюшку родимаго;
Моего гостя милаго,	Сустрѣну, сустрѣну
Батюшки родимаго.	Посередь широка двора;
Или мнѣ, или мнѣ	Посажу, посажу
Запречь было нечего?	Въ конецъ дубова стола;
Или мнѣ, или мнѣ	Поднесу, поднесу
Послать было некого?	Чару зелена вина.

Какъ Богъ до людей—такъ отецъ до дѣтей.

Дѣдушка.

Сильно одрахлѣлъ дѣдушка. Плохо онъ видѣлъ,



плохо слышалъ; руки и ноги у него дрожали отъ старости: несётъ ложку ко рту—и супъ расплескиваетъ.

Не понравилось это сыну и невѣсткѣ: перестали они отца съ собой за столъ сажать, запрятали его за печь и стали кормить изъ глиняной чашки. Задрожали руки у старика, чашка упала и разбилась. Пуще прежняго разозлились сынъ и невѣстка: стали они кормить отца изъ старой деревянной миски.

У старикова сына былъ свой маленькій сыночекъ. Сидитъ разъ мальчикъ на полу и складываетъ что-то изъ щепочекъ.

„Что ты дѣлаешь, дитятко?“ спросила у него мать.—Коробочку, отвѣчаетъ дитя: вотъ какъ вы съ тятенькой состарѣетесь, я и буду васъ изъ деревянной коробочки кормить.

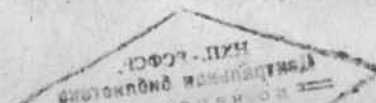
Переглянулись отецъ съ матерью и покраснѣли.

Полно съ тѣхъ поръ старика за печь прятать, изъ деревянной чашки кормить.

Подсади на печь дѣдушку: тебя внуки подсадятъ. Уважай старика, самъ будешь старъ.

Пища и питье.

Безъ пищи человекъ умеръ бы отъ голода; безъ питья умеръ бы отъ жажды. Человекъ употребляетъ въ пищу растенія, мясо животныхъ и соль; пьётъ онъ воду, квасъ, чай, кофе, вино, пиво. Самая не-



обходимая пища—хлѣбъ. Самое необходимое, здоровое питье—чистая вода.

Что вы пьдете и что пьете?

Ржаной хлѣбъ всему голова. — Только ангелы съ неба не просятъ хлѣба. — Каковъ ни есть, а хочеть псть. — Мельница сильна водой, а человекъ пдой. — Хлѣбъ да вода молодецкая пди.

Хлѣбъ.

Хлѣбъ пекутъ или сами хозяева, или хлѣбники. Пекутъ хлѣбъ изъ тѣста.

Тѣсто мѣсятъ изъ муки, воды и дрожжей. Муку мелеть мельникъ на мельницѣ изъ хлѣбныхъ зѣренъ. Хлѣбныя зѣрна созрѣваютъ на поляхъ, въ колосьяхъ хлѣбныхъ растеній. Поля обрабатываются крестьянами. Крестьяне пахутъ поле и сѣютъ хлѣбъ; но Богъ его раститъ. Богъ посылаетъ лѣто, дождь, тепло и ясное солнце.

Изъ чего, кѣмъ и какъ дѣлается хлѣбъ?

Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесъ.

Дадутъ хлѣбца, дадутъ и дльца. — Проиметъ голодъ, появится и голосъ. — Голодный французъ и воронъ радъ. — Нива — Божья ладонь: всѣхъ кормитъ.

240385
104780
174413

*Калачъ прѣтся, а хлѣбъ никогда.—Гречневая каша—
матушка наша, а хлѣбецъ ржаной—отецъ нашъ родной.*

Вода.

Безъ воды не можетъ жить самое маленькое насѣ-
комое, не можетъ расти самая маленькая травка.

Въ безводныхъ мѣстахъ видѣнъ только камень да
песокъ. Такія мѣста называются пустынями. Вода на-
ходится въ колодцахъ, рѣкахъ, озерахъ и моряхъ. Въ
моряхъ вода горькосоленая; въ рѣкахъ и озерахъ —
прѣсная. Хорошая вода прозрачна, не имѣетъ ни за-
паха, ни вкуса. Отъ жару вода кипитъ и превращается
въ паръ; отъ холода замерзаетъ и дѣлается льдомъ.

Какую воду вы пьете? Гдѣ еще бываетъ вода?

*Хлѣбъ-батюшка, водица—матушка.—Покуда есть
хлѣбъ да вода, все не бѣда.—Безъ хлѣба и у воды худо
жить.—Вода и мельницу ломаетъ.—Жди горя съ моря,
бѣды отъ воды.—Съ огнемъ не шути и воду не вѣр.—
Сти, царь-огонь! говоритъ царица-водица.*

Мельница.

Кипитъ вода, реветъ ручьемъ; А брызги вверхъ огнемъ ле-
На мельницѣ и стукъ, и громъ; тятъ;
Колеса-то въ водѣ шумятъ, Отъ пѣны-то бугоръ стоитъ;

Что мостъ живой, весь полъ На камни рожь дождѣмъ течетъ,
дрожитъ. Подъ жерновомъ муку родитъ;
Шумитъ вода, рукавъ трясётъ, Идетъ мука, въ глаза пылитъ.

Одежда.

Одежду шьютъ изъ холста, изъ сукна, изъ различ-
ныхъ матерій и изъ кожи.

Изъ холста шьютъ бѣлье. Холстъ ткуть изъ ни-
токъ. Нитки прядутъ изъ пеньки или изо льна. Ленъ и
пенька растутъ на поляхъ и огородахъ.

Ситецъ ткуть также изъ нитокъ. Нитки для ситца
прядутъ изъ хлопчатой бумаги. Хлопчатая бумага ра-
стетъ на кустахъ, въ тепломъ краю.

Сукно и шерстяныя матеріи дѣлаютъ изъ шерстя-
ныхъ нитокъ на фабрикахъ. Шерстяныя нитки прядутъ
изъ шерсти. Шерсть стригутъ съ овецъ.

Шелковыя матеріи ткуть изъ шелку. Шелкъ дѣла-
ютъ шелковичные червяки.

Сапоги, башмаки и калоши шьютъ сапожники изъ
кожи. Сапожный товаръ выдѣлываютъ кожевники изъ
лошадиныхъ, воловьихъ, бараньихъ и козловыхъ кожъ.

Шубы шьютъ шубники изъ мѣховъ; мѣха выдѣлы-
ваютъ скорняки изъ шкуръ пушныхъ звѣрей: медвѣдей,
лисицъ, куницъ. Тулупы дѣлаютъ изъ бараньихъ и ове-
чьихъ шкуръ.

*Во что вы одѣты? Изъ чего и кѣмъ сдѣлана ваша
одежда?*

Утка въ юбку, курочка въ сапожкахъ, селезень въ се-
режкахъ, корова въ рогозахъ, да всего дороже. — Есть шуба
и на волкъ, да прищита. — Шапочка въ двѣ денежки, и
та на бекрень.

Какъ рубашка въ полѣ выросла.

I.

Видѣла Таня, какъ отецъ ея горстями разбрасы-
валъ по полю маленькія блестящія зѣрна, и спраши-
ваетъ: „Что ты, тятя, дѣлаешь?“ — А вотъ сѣю ленокъ,
дочка: выростетъ рубашка тебѣ и Васюткѣ. — Задума-
лась Таня: никогда она не видала, чтобы рубашки въ
полѣ росли.

Недѣли черезъ двѣ покрылась полоска зелёною шел-
ковистою травкою, и подумала Таня: хорошо, если бы
у меня была такая рубашечка! — Раза два мать и сѣ-
стры Тани приходили полоску полоть и всякій разъ го-
ворили дѣвчкѣ: „славная у тебя рубашечка будетъ!“
Прошло еще нѣсколько недѣль: травка на полоскѣ под-
нялась, и на ней показались голубые цвѣточки. „У братца
Васи такіе глазки, подумала Таня; но рубашечекъ та-
кихъ я ни на комъ не видала.“

Когда цвѣточки опали, то на мѣсто ихъ показались
зелѣныя головки. Когда головки забурѣли и подсохли,
мать и сѣстры Тани повыдергали весь лёнъ съ кор-
немъ, навязали снопиковъ и поставили ихъ на полѣ про-
сохнуть.

II.

Когда лёнъ просохъ, то стали у него головки отрѣ-
зывать; а потомъ потопили въ рѣчкѣ безголовые пучки
и ещё камнемъ сверху навалили, чтобы не всплыть.

Печально смотрѣла Таня, какъ ея рубашечку топятъ;
а сѣстры тутъ ей опять сказали: „славная у тебя, Таня,
рубашка будетъ!“

Недѣли черезъ двѣ вынули лёнъ изъ рѣчки, просу-
шили и стали колотить сначала доскою на гумнѣ, по-
томъ *трепаломъ* на дворѣ, такъ-что отъ бѣднаго льна
летѣла *кострика* во все стороны. Вытрепавши, стали
лёнъ чесать желѣзнымъ гребнемъ, пока онъ сдѣлался
мягкимъ и шелковистымъ. „Славная у тебя рубашка бу-
детъ!“ опять сказали Танѣ сѣстры. Но Таня подумала:
„гдѣ же тутъ рубашка? это похоже на волоски Васи,
а не на рубашку.“

III.

Настали длинныя зимніе вечера. Сѣстры Тани на-
дѣли лёнъ на гребни и стали изъ него нитки прясть.
„Это нитки!“ думаетъ Таня: „а гдѣ же рубашечка?“

Прошла зима, весна и лѣто — настала осень. Отецъ
установилъ въ избѣ *кросна*, натянулъ на нихъ *основу*
и началъ ткать. Забѣгаль проворно *челмочокъ* между
нитками, и тутъ уже Таня сама увидала, какъ изъ ни-
токъ выходитъ холстъ.

Когда холстъ былъ готовъ, стали его на морозѣ морозить, по снѣгу разстилатъ; а весной разстилали его по травѣ на солнышкѣ и взбрызгивали водою. Сдѣлался холстъ изъ сѣраго бѣлымъ, какъ кипѣнь.

Настала опять зима. Накроила изъ холста мать рубашекъ; принялись сѣстры рубашки шить, и къ Рождеству надѣли на Таню и Васю новыя, бѣлыя, какъ снѣгъ, рубашечки.

Изъ чего и кѣмъ сдѣлана ваша рубашка?

ЗАГАДКА: *Били меня колотили, во всѣ чины производили, на престолъ съ царемъ посадили.*

Сиротка Ваня.

Сиротой остался Ваня, сиротою круглымъ. Некому сиротиночку кормить-поить; некому сиротиночку обуять-одѣть. У сиротки головка нечесаная; у сиротки рубашка невымытая. Кто его, бѣднаго, приголубить? Кто его на ночь перекрестить, въ тёплую постельку уложить? Кто его, малаго, отъ худа укроетъ, уму-разуму научить?

Что бы сдѣлали для Вани его родители, еслибъ они были живы?

Тогда сиротъ и праздникъ, когда бѣлую рубашку дадутъ. — У кого есть матка, у того голова гладка. —

За сиротою самъ Богъ съ калитою. — Не строй церкви — пристрой сироту!

Столъ и стулъ.

Столъ сдѣланъ столяромъ изъ дерева. У стола есть верхняя доска, ящикъ и ножки. Доски у столовъ бываютъ круглыя и четырехугольныя.

Стулья дѣлаются столяромъ изъ дерева. У стула есть спинка, сидѣнье и ножки. Сидѣнье бываетъ простое деревянное, плетѣное изъ соломы, или мягкое, обитое какою-нибудь матеріею.



Сравните столъ со стуломъ. Сравните столъ и стулъ на картинкѣ съ тѣми, что стоятъ у васъ въ классѣ.

ЗАГАДКА: *Подъ одной шляпой четыре брата стоятъ.*

Посуда.

Посуда бываетъ деревянная, глиняная, стеклянная, жестяная, желѣзная, мѣдная.

Изъ дерева дѣлаютъ миски, ушаты, вѣдра, бочки.

Миски вырѣзываютъ рѣзчики; вѣдра, ушаты и бочки набиваются бочары.

Изъ простой глины горшечники лѣпятъ горшки, кувшины, простыя тарелки и миски. Изъ фарфоровой глины дѣлаютъ на фабрикахъ чашки, чайники, блюда и хорошия тарелки.

Изъ стекла дѣлаютъ на стеклянныхъ заводахъ стаканы, бутылки, графины.

Изъ желѣза, чугуна и жести дѣлаютъ котлы, чугуны, ковши, кофейники.

Изъ мѣди мѣдникъ дѣлаетъ самовары и кастрюли. Мѣдную посуду лудильщики покрываютъ полудою. Безъ полуды на мѣдной посудѣ появляется ядовитая зелень.

Изъ чего дѣлается посуда? Какая посуда и кѣмъ дѣлается изъ дерева? Изъ глины? Изъ стекла? Изъ желѣза? Чугуна? Жести? Мѣди?

ЗАГАДКИ: 1) Самъ дубовый, поясъ вязовый, носъ липовый.—2) Родился на кружалъ, росъ—вертѣлся, живучи парился, живучи жарился; старъ сталъ, пеленаться сталъ; померъ—выкинули въ поле: тамъ меня зверь не ѣстъ и птица не клюетъ.—3) Новая посудина, а вся въ дырахъ.—4) Что безъ рукъ, безъ ногъ на печь лазитъ и выше дерева растетъ?—5) Утужи уши, а головы нѣту.—6) Три ноги, два уха, а шестое брюхо.—7) Два братца пошли въ воду купаться.—8) Утка въ моръ, хвостъ на горъ.

Горшокъ котлу не товарищъ.

Кухарка мыла на рѣкѣ глиняный горшокъ и чугунный котёлъ, вымыла да и позабыла. Котёлъ и горшокъ обрадовались случаю, сговорились путешествовать вмѣстѣ и поплыли по рѣкѣ. Но недолго они вмѣстѣ плавали: глиняный горшокъ стукнулся о чугунный котёлъ и разбился.

Какъ оукнется, тать и откликнется.

Подружилась лиса съ журавлёмъ и зоветъ его къ себѣ въ гости: „Приходи куманёкъ, приходи, дорогой! Ужь вотъ-какъ тебя угошу!“

Пришелъ журавль на званый обѣдъ; а лиса наварила манной каши, размазала по тарелкѣ и подчуетъ журавля: „Кушай, куманёкъ, кушай, голубчикъ! Сама стряпала.“ Журавль хлопъ—хлопъ! носомъ по тарелкѣ: стучаль, стучаль—ничего не попадаетъ. А лиса лижетъ себѣ да лижетъ кашу, такъ всю сама и скушала. Съѣла лиса кашу и говоритъ: „Не обезсудь, куманёкъ! больше подчивать нечѣмъ.“

—Спасибо, кума, и на этомъ—отвѣчаетъ журавль: приходи завтра ко мнѣ.

На другой день приходитъ лиса къ журавлю, а журавль наготовилъ крошки, наклалъ въ высокій кувшинъ съ узкимъ горлышкомъ, поставилъ на столъ и подчуетъ: „Кушай, кумушка, кушай,—милая! Право больше подчивать нечѣмъ.“ Вертится лиса вокругъ кув-

пина: и такъ зайдѣтъ, и этакъ, и лизнѣтъ-то кувшинъ, и понюхаетъ — всё ничего не достанетъ. А журавль стоитъ на своихъ высокихъ ногахъ да длиннымъ носомъ изъ кувшина окрошку таскаетъ: клеваль да клеваль, пока всё съѣлъ: „Ну, не обезсудь, кумушка, больше угощать нечѣмъ.“ Пошла лиса домой, не солоно хлѣбавши. На этомъ у нихъ и дружба съ журавлѣмъ кончилась.

Братецъ Иванушка и сестрица Алёнушка.

Идутъ двое сиротъ: братецъ Иванушка съ сестрицей Алёнушкой, въ дальнѣйшій путь, по открытому полю; а жаръ-то, жаръ ихъ донимаетъ. Захотѣлось Иванушкѣ пить. „Сестрица Алёнушка, я пить хочу.“ — Подожди, братецъ: до колодца дойдѣмъ. —

А солнце высоко, Жаръ донимаетъ,
Колодець далѣко; Потъ выступаетъ,
Стоитъ лошадиное копытце,
Полно водицы.

„Сестрица Алёнушка! хлѣбну я изъ копытца.“
— Не пей, братецъ, жеребѣночкомъ станешь. Вздохнулъ Иванушка — и опять пошли. Идутъ —

А солнце высоко, Жаръ донимаетъ,
Колодець далѣко; Потъ выступаетъ.
Стоитъ коровье копытце,
Полно водицы.

„Сестрица Алёнушка! хлѣбну я изъ копытца.“ —
Не пей, братецъ, телѣночкомъ скинешься — и пошли они дальше. Идутъ —

А солнце высоко, Жаръ донимаетъ,
Колодець далѣко; Потъ выступаетъ.
Стоитъ баранье копытце,
Полно водицы.

Не спросился уже у Алёнушки братецъ: поотсталъ немного, схватилъ копытце и выпилъ до дна.

II.

Оглянулась Алёнушка, зовѣтъ братца; а вмѣсто Иванушки бѣжитъ къ ней бѣленькой барашекъ. Догадалась Алёнушка, что это за бѣлый барашекъ, и горько заплакала. Но дѣлать нечего — пошли дальше Алёнушка съ барашкомъ.

Идутъ они, а на встрѣчу имъ ѣдетъ баринъ: „Продай барашка, красная дѣвица!“ Алёнушка отвѣчаетъ: „Нѣтъ, баринъ, этотъ барашекъ не продажный; это не настоящій барашекъ, а мой братецъ родимый.“

Баринъ взялъ ихъ обоихъ и повѣзъ къ себѣ; потомъ на Алёнушкѣ женился, а барашка берѣгъ и холить. Жили они очень счастливо. Добрые, на нихъ глядя, радовались; а злые — завидовали. Больше всѣхъ завидовала сосѣдка, старая вѣдьма: думала она, что баринъ женится на ея дочери, да не по ея вышло.

Вотъ задумала вѣдьма Алёнушку извести и стала её подстерегать. Пошла разъ Алёнушка гулять; а вѣдь-

ма схватила её, навязала ей тяжёлый камень на шею и бросила в рѣку. Дочку же свою обернула Алёнушкой и послала в барскіе хоромы. Никто её и не распознал: самъ баринъ обманулся. Одинъ барашекъ всё зналъ: не ѣсть онъ, не пѣть, ходитъ по берегу да жалобно кричить.

III.

Услышала новая барыня, какъ кричить барашекъ, и говорить барину: „вели барашка зарѣзать.“ Удивился баринъ: „какъ это, жена такъ любила барашка, а то вдругъ велитъ его рѣзать!“ Однако согласился, и велѣла вѣдьмина дочь наточить ножи, разложить костры и нагрѣть котлы. Провѣдалъ барашекъ, что ему не долго жить: лёгъ на бережку у рѣки и причитываетъ:

«Алёнушка, сестрица моя?

Меня хотятъ зарѣзать;

Костры владутъ высокіе,

Котлы грѣютъ чугунные,

Ножи точатъ булатные.»

А Алёнушка изъ-подъ воды братцу въ отвѣтъ:

«Ахъ, братецъ мой, Иванушка!

Тяжелъ камень шею перетеръ,

Шелкова трава на рукахъ свилась,

Желты пески на грудь легли.»

Баринъ былъ неподалѣку; услыхалъ, какъ Алёнушка съ братцемъ переговариваются, и сталъ своихъ людей звать.

«Собирайтесь вы, люди дворовые,
Закидайте неводъ шелковые!»

Собрались люди, закинули неводъ и вытащили Алёнушку. Отрѣзали камень, окунули её въ чистую воду и обтерли полотенцемъ. Ожила Алёнушка и стала ещё краше прежняго. Бросилась она барашка обнимать, а барашекъ сталъ уже Иванушкой. Зажили они тогда втроемъ лучше прежняго; а вѣдьмину дочь слуги мѣтлами со двора прогнали.

Комнатныя животныя.



Бишка.

„А ну-ка, Бишка, прочти, что въ книжкѣ написано!“

Ласкается когъ, выгибается, хвостикомъ виляетъ, глазки закрываетъ, пѣсенку поётъ; а попалась мышка — не прогнѣвайся! Глазки-то большіе, лапки что стальныя, зубки-то кривые, когти выпускные!

Сравните кошку съ собакой.



Ученый котъ.

У лукоморья дубъ зелёный,
Златая цѣпь на дубѣ томъ.

И днёмъ, и ночью котъ учёный

Всё ходитъ по цѣпи кругомъ.

Идѣть на право — пѣснь заводитъ.

На лѣво — сказку говорить.



Двѣ мышки.

Молодая мышка сказала старой: „Какъ золъ и скупъ нашъ хозяинъ! завелъ котовъ, наставилъ вездѣ мышеловокъ и всячески хочетъ насъ извести. А много-ли намъ нужно? Кусочекъ салной свѣчки, корочка хлѣбца, два-три зернышка — вотъ я и сыта“.

— Правда твоя, отвѣтила старая мышь: каждой изъ насъ нужно немного, да насъ-то много.

Скороговорка. Шли сорокъ мышей, несли сорокъ грошей; двѣ мыши поплоче несли по два гроша.

— Мышка! мышка! на тебѣ зубокъ; возьми себѣ костяной, дай мнѣ желѣзный.

Мышки.

Собрались мышки у своей норки, старья и малыя. Глазки у нихъ чёрненькіе, лапки у нихъ маленькія, остренькіе зубки, сѣренькія шубки, ушки къ верху торчатъ, хвостища по землѣ волочатся.



Собрались мышки, подпольныя воровки, думашку ду-

маютъ, совѣтъ держать: „какъ бы намъ, мышкамъ, су- харь въ норку протащить?“

Охъ, берегитесь, мышки! вашъ пріятель, Вася, не- далёко. Онъ васъ очень любитъ, лапкой приголубить; хвостики вамъ помнётъ, шубочки вамъ порвётъ.

Сравните кошку съ мышкой.

На мышку и кошка звѣрь.

„Сосѣдка! слышала-ль ты добрую молву“—вбѣжавши, крысѣ мышь сказала: „вѣдь кошка, говорятъ, попала въ когти льву? Вотъ отдохнуть и намъ пора настала.“— „Не радуйся, мой свѣтъ“, ей крыса говорить въ отвѣтъ, „и не надѣйся по пустому! Коль до когтей у нихъ дой- дётъ, то вѣрно льву не быть живому: сильнѣе кошки звѣря нѣтъ“.

Не все то золото, что блеститъ.



Быль домъ, гдѣ подь ок- номъ и чижъ, и соловей ви- сѣли и пѣли. Лишь только соловей, бывало, запоётъ, сынъ маленькій отцу прохо- ду не даётъ: всё птичку по- казать къ нему онъ приступаетъ, что этакъ хорошо поётъ. Отецъ, обоихъ слывъ, мальчишкѣ подаётъ. „Ну, го- ворить, узнай, мой свѣтъ, которая тебя такъ много забав-

ляетъ?“ Тотчасъ на чижику малютка указаль; „вотъ, ба- тюшка, она!“ сказалъ!

Сравните чижику съ мышкой.

Заднимъ умомъ вѣрнопкъ.

Перепелъ въ клеткѣ пѣлъ только по ночамъ. „От- чего ты не поешь днемъ!“ спросила у него летучая мышь.

— Прежде я пѣлъ по утрамъ, да меня поймали— отвѣчалъ перепелъ.

— „Недурно, если бы ты подумалъ объ этомъ прежде, чѣмъ тебя поймали“, сказала летучая мышь.

Птичка.

Вчера я отворилъ темницу Она исчезла, утопая
Воздушной плѣнницы моей; Въ сіяньи голубаго дня,
Я роцамъ возвратилъ пѣвицу, И такъ запѣла, улетаю,
Я возвратилъ свободу ей. Какъ-бы молилась за меня.

Шлутинка котъ.

I.

Жили-были на одномъ дворѣ котъ, козѣль, да ба- ранъ. Жили они дружно: сѣна клокъ и тотъ попо- ламъ; а коли вилы въ бокъ, такъ одному коту Васекѣ. Онъ такой воръ и разбойникъ: гдѣ что плохо лежитъ, туда и глядитъ. Вотъ идётъ разъ котишко-мурлышко, сѣрый лобишко; идётъ да таково жалостно плачетъ.

Спрашиваютъ кота козѣль да барань: „Котикъ-котокъ, сѣренькій лобокъ! о чемъ ты плачешь, на трехъ ногахъ скачешь?“ Отвѣчаетъ имъ Вася: „Какъ мнѣ не плакать! Била меня баба, била; уши выдирала, ноги поломала, да еще и удавку на меня припасала.“ — А за что же на тебя такая бѣда пришла? спрашиваютъ козѣль да барань. „Эхъ-эхъ! За то, что нечаянно сметанку слизалъ“. — По дѣломъ вору и мука, говоритъ козѣль: не воруй сметаны!

Вотъ котъ опять плачетъ: „Била меня баба, била; била-приговаривала: придетъ ко мнѣ зять, гдѣ сметаны будетъ взять? Поневолѣ придется козла да барана рѣзать.“ Заревѣли тутъ козѣль да барань. „Ахъ ты сѣрый ты котъ! безтолковый твой лобъ! За что ты насъ-то сгубилъ?“

Стали они судить, да радить, какъ бы имъ бѣды великой избыть—и порѣшили тутъ же: всемъ троимъ бѣжать. Подстерегли, какъ хозяйка не затворила воротъ и ушли.

II.

Долго бѣжали котъ, козѣль да барань по доламъ, по горамъ, по сынучимъ пескамъ; пристали и порѣшили заночевать на скошенномъ лугу; а на томъ лугу стога, что города, стоятъ.

Ночь была тѣмная, холодная: гдѣ огня добыть? А котиска-мурлышка ужъ достала берѣсты, обернулъ козлу рога и велѣлъ ему съ бараномъ лбами стукнуться.

Стукнулись козѣль съ бараномъ, искры изъ глазъ посыпались; берѣсточка такъ и запылала.

„Ладно, молвилъ сѣрый котъ, теперъ обогрѣмся!“ да, не долго думавши, и зажгѣтъ цѣлый стогъ сѣна.

Не успѣли они еще порядкомъ обогрѣться, какъ жалуетъ къ нимъ незванный гость — мужичокъ-сѣрячокъ, Михайло Потапычъ Топтыгинъ. „Пустите, говоритъ, братцы, обогрѣться да отдохнуть; что-то мнѣ не можется“. — Добро пожаловать, мужичокъ-сѣрячокъ! говоритъ котикъ: откуда идѣшь? „Ходилъ на пчельникъ, говоритъ медвѣдь, пчѣлокъ провѣдать, да подрался съ мужиками! оттого и хворость прикинулась.“

Вотъ стали они все вмѣстѣ ночью коротать: козѣль да барань у огня, мурлышка на стогъ влѣзъ, а медвѣдь подъ стогъ забился.

III.

Заснулъ медвѣдь; козѣль да барань дремлютъ: одинъ мурлыка не спитъ и все видитъ. И видитъ онъ: идутъ семь волковъ сѣрыхъ, одинъ бѣлый—и прямо къ огню: „Фу-фу! Что за народъ такой!“ говоритъ бѣлый волкъ козлу да барану, „давайте-ка силу пробовать“. Заблеяли тутъ со страху козѣль да барань; а котиска, сѣрый лобиска, повѣлъ такую рѣчь: „Ахъ ты бѣлый волкъ, надъ волками князь! не гнѣви ты нашего старшаго: онъ, помилуй Богъ, сердитъ! Какъ расходится—никому не сдобровать. Аль не видишь у него борода: въ ней-то и вся сила; бородой онъ всехъ звѣрей по-

бываетъ, рогами только кожу сьмааетъ. Лучше подойдите да честию попросите: хотимъ-де поиграть съ твоимъ меньшимъ братцемъ, что подь стогомъ спить.“ Волки на томъ козлу кланялись; обступили Мишу и ну заигрывать. Вотъ Миша крѣпился-крѣпился, да какъ хватигъ въ каждую лапу по волку, такъ запѣли они Лазаря. Выбрались волки изъ подь стога еле живы, и поджавъ хвостъ—давай Богъ ноги!

Козѣль же да баранъ, пока медвѣдь съ волками расправлялся, подхватили мурлышку на спину и поскорѣе домой: „Полно, говорятъ, безъ пути таскаться, еще не такую бѣду наживѣмъ.“

Старикъ и старушка были рады-радѣхоньки, что козѣль съ бараномъ домой воротились; а котишку-мурлышку еще за плутни выдрали.

Конюшня, скотный дворъ и птичникъ.

Лошадка.

Конь храпигъ, ушми прядѣтъ, глазами поводитъ, удила грызѣтъ, шею, словно лебедь, гнѣтъ, копытомъ землю роѣтъ. Грива на шеѣ волной, сзади хвостъ трубой, межъ ушей—чѣлка, на ногахъ—щѣтка; шерсть серебромъ отливааетъ. Во рту удила, на спинѣ сѣдло, стремена золотыя, подковки стальные.

— Садись и пошѣль! за тридевятъ земель, въ тридесятое царство!

Конь бѣжить, земля дрожитъ, изорта пѣна, изъ ноздей паръ валить.

СКОРОГОВОРКА.
Отъ топота копытъ пылъ по полю несѣтся.



Конь.

Какъ у нашихъ у воротъ
Стоить озеро воды.

Ой люли, ой люли!

Стоить озеро воды.

Молодецъ коня поиль

Къ воротечкамъ приводиль.

Ой люли, ой люли!

Къ воротечкамъ приводиль.

Къ веревкѣ привязаль,

Красной дѣвѣ приказаль.

Ой люли, ой люли!

Красной дѣвѣ приказаль.

Красна дѣвица душа!

Сбереги добра коня,

Ой люли, ой люли!

Сбереги добра коня.

Сбереги добра коня,

Коня тысячнаго.

Ой люли, ой люли!

Коня тысячнаго.

Не сорваль бы повода,

Не сломаль бы удила.

Ой люли, ой люли!

Не сломаль бы удила.

Печальный конь.

Что ты ржешь, мой конь ре- Отвѣчаетъ конь печальный:
 тивый? — «Оттого я присмирѣлъ,
 Что ты шею опустил? Что я слышу топотъ дальній,
 Не потряхиваешь гривой, Трубный звукъ и пѣнье стрѣль;
 Не грызешь своихъ удилъ? Оттого я ржу, что въ полѣ
 Али я тебя не хожу? Ужъ не долго мнѣ гулять,
 Али ѣшь овса не вволю? Проживать въ красѣ и холѣ,
 Али сбруя не красна? Светлой сбруей щеголять,—
 Аль поводья не шелковы? Что ужъ скоро врагъ суровый
 Не серебряны подеовы, Сбрую всю мою возьмётъ,
 Не злачены стремяна? И серебряны подковы
 Съ легкихъ ногъ моихъ сдерётъ.

Загадка. Четыре дѣда назадъ бородами.

Коровка.



Некрасива коровка,
 да молочко даётъ. Лобъ
 у ней широкъ, уши въ
 сторону; во рту зубовъ
 недочётъ, за то рожища
 большіе; хребетъ — острѣмъ,
 хвостъ — помеломъ,
 бока оттопырились,
 копыта двойныя. Она
 травушку рвётъ, жвачку жуётъ,
 пойло пьётъ, мычитъ и ре-

вѣтъ, хозяйку зовётъ: „Выходи, хозяйюшка; выноси по-
 дойничекъ, чистый утиральничекъ! Я дѣточкамъ молочка
 принесла, густыхъ сливочекъ.“

Сравните корову съ лошадыю.

Не гони коня кнутомъ, а гони коня овсомъ. — Добръ конь, да копыта отряхиваетъ. — Волкъ налогомъ беретъ, конь урывомъ. — У коровы на языкъ молоко.

Споръ животныхъ.

Корова, лошадь и собака заспорили между собою, кого изъ нихъ хозяинъ больше любить.

— Конечно меня, говоритъ лошадь: я ему соху и борону таскаю, дрова изъ лѣсу вожу; самъ онъ на мнѣ въ городъ ѣздитъ: пропаль бы онъ безъ меня совѣмъ.

— Нѣтъ, хозяинъ любить больше меня, — говоритъ корова: я всю его семью молокомъ кормлю.

— Нѣтъ, меня, ворчитъ собака: я его добро стерегу. Подслушалъ хозяинъ этотъ споръ и говоритъ: „перестаньте спорить по пустому: всё вы мнѣ нужны, и каждый изъ васъ хорошъ на своёмъ мѣстѣ.“

Какую пользу приноситъ людямъ лошадь? корова? собака? кошка?

Козель.

Идѣтъ козель мохнатый, идѣтъ бородатый, рожищами помахиваетъ, бородищей потряхиваетъ, копытками

постукиваетъ; идётъ, блеётъ, козь и козлятокъ зовётъ.



А козочки съ козлятами въ садъ ушли, травку щиплютъ, кору гложутъ, молодые прищепы портятъ, молочко дѣткамъ копятъ; я козлятки, малые ребятки, молочка насосались, на заборъ взобрались, рожками передрались.

Погодите, уже придетъ бородатый хозяинъ, — всемъ вамъ порядокъ дастъ.

Сравните козла съ собакой и коровой.

Лиса и козель.

Бѣжала лиса, на воронъ зазѣвалась — и попала въ колодезь. Воды въ колодезь было немного: утонуть нельзя, да и выскочить — тоже. Сидитъ лиса, горюетъ. Идётъ козель, умная голова; идётъ, бородицей трясётъ, рожками мотааетъ; заглянулъ, отъ нечего дѣлать, въ колодезь, увидалъ тамъ лису и спрашиваетъ:

„Что ты тамъ, лисанька, подѣлываешь?“

— Отдыхаю, голубчикъ, отвѣчаетъ лиса: тамъ наверху жарко, такъ я сюда забралась. Ужь какъ здѣсь прохладно да хорошо! Водицы холодненькой — сколько хочешь.

А козлу давно пить хочется. „Хороша ли вода-то?“ спрашиваетъ козель.

— Отличная! — отвѣчаетъ лиса: чистая, холодная! Прыгай сюда, коли хочешь; здѣсь обоимъ намъ мѣсто будетъ.

Прыгнулъ съ-дуру козель, чуть лисы не задавилъ; а она ему:

— Эхъ, бородатый дурень! и прыгнуть-то не умѣлъ — всю обрызгалъ.

Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вонъ изъ колодца.

Чуть было не пропалъ козель съ голоду въ колодезь; насилу-то его отыскали и за рога вытащили.

Овца.

Говорять, что овечка глупа, и я думаю, что это правда. На пожаръ овцы сами кидаются въ огонь: а за видя волка, стоятъ на мѣстѣ и глупо постукиваютъ копытками. Но на что людямъ овечій умъ! Имъ нужна овечья шерсть на чулки и сукно, сало на мыло и свѣчи, кожа на сапоги и башмаки, мясо на жаркое.

Сравните овцу съ козломъ.

Ягненокъ въ волчьей шкурѣ.

Ягненокъ, съ-дуру надѣвши волчью шкуру, пошелъ по стаду въ ней гулять: Ягненокъ лишь хотѣлъ пощего-



лять. Но псы, увидѣвши повѣсу, подумали, что волкъ пришелъ изъ лѣсу: вскочили, кинулись къ нему, свалили съ ногъ, и прежде, чѣмъ опомниться онъ могъ, чуть по клочкамъ его не расхватили. По счастью пастухи, узнавъ его, отбили. Но побывать у псовъ не шутка на зубахъ: бѣдняжка, отъ такой тревоги, насилила доволонъ въ овчарню ноги.

Хаврошка.



Грязна наша хавроньюшка, грязна и обжорлива: всё жрётъ, всё мнётъ, объ углы чешется; лужу найдётъ — какъ въ перину прётъ, хрюкаетъ, нѣжится.

Рыло у хавроньюшки не нарядное: въ землю носомъ упирается, ротъ до ушей; а уши, словно тряпки болтаются; на каждой ногѣ по четыре копыта, а ходить — спотыкается. Хвостъ у хавроньюшки винтомъ, хребетъ — горбомъ; на хребтѣ щетина торчитъ. Жрётъ она за троихъ, толстѣетъ за пятерыхъ; за то её хозяйюшки холятъ, кормятъ, помоями поятъ; а вломится въ огородъ — полѣномъ прогоняютъ.

Сравните овцу съ свиньей.

Свинья только рыло просунуть, и вся прользетъ. — Ничего не болитъ, а все стонетъ.

Скороговорка. Рыла свинья тупорыла, бѣлорыла, полдвора рыломъ изрыла.

Пѣтушокъ съ семьей.

Ходить по двору пѣтушокъ: на головѣ красный гребешокъ, подъ носомъ красная борода. Носъ у Пети доломъ, хвостъ у Пети колесомъ; на хвостѣ узоры, на ногахъ шпоры. Лапами Петя кучу разгребаетъ, курочекъ съ цыплятами созываетъ:



„Курочки — хохлатушки! хлопотуньи — хозяйюшки! пестренькія — рябинькія! чѣрненькія — бѣленькія! соби-райтесь съ цыплятами, съ малыми ребятками: я вамъ зѣрнышко припасъ!“

Курочки съ цыплятками собрались, разкудахтались; зѣрнышкомъ не подѣлились — передрались.

Петя-пѣтушокъ безпорядковъ не любитъ — сейчасъ семью помирилъ: ту за хохоль, того за вихорь, самъ зѣрнышко съѣлъ, на плетень взлетѣлъ, крыльями зама-халь, во всё горло заоралъ: ку-ку-ре-ку!

Сравните пѣтуха съ кошкой и съ курицею.

Уточка.

Сидитъ Вася на бережку; смотритъ онъ, какъ уточки въ прудѣ кувыркаются: широкіе носики въ воду

прячуть, жёлтыя лапки на солнышкѣ сушатъ. Приказали Васѣ утокѣ стеречь; а онѣ на воду ушли — и



старыя и малыя: какъ ихъ теперь домой загнать? Вотъ и сталъ Вася утокѣ кликать: „ути, ути-вточки! прожоры — тараторочки! носики широкіе, лапочки перепончатыя! полно вамъ червячковъ таскать, травку щипать, тину глотать, зобы набивать — пора вамъ домой идти!“

Уточки Васю послушались, на берегъ вышли; домой идутъ, съ ноги на ногу переваливаются.

Сравните утку съ курицею.

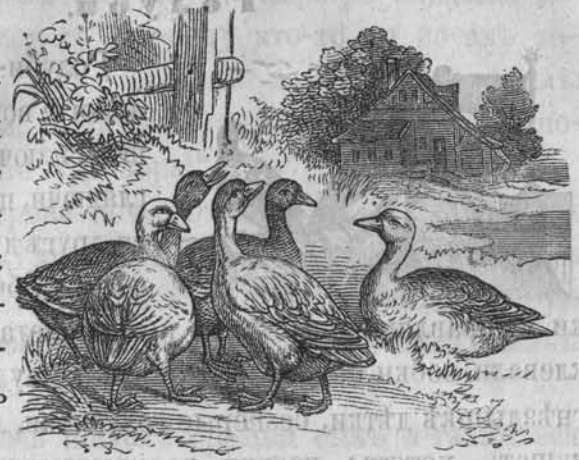
Бѣлыя лебедушки и сѣрыя гуси.

Изъ за лѣсу, лѣсу тѣмнаго	По гусиному кричати,
Вылетало стадо лебединое,	— Стали её щипать и рвать,
А другое гусиное.	А лебедушка просити:
Отставала лебедушка	— Не щипите, гуси сѣрые!
Прочь отъ стада лебединого;	Не сама я залетѣла къ
Приставала лебедушка	вамъ,
Что ко стаду да сѣрыхъ гусей.	Не своею я волею,
Не умѣла лебедушка	Занесло меня погодою.

Гуси.

Вышла хозяйшка и манить гусей домой: „теги-теги-теги! гуси бѣлыя, гуси сѣрыя, ступайте домой!“

А гуси шеи длинныя вытянули, лапы красныя растопырили, крыльями машутъ, носы раскрываютъ: „га-га-га! Не хотимъ мы домой идти! намъ и здѣсь хорошо.“



Видитъ хозяйка, что добромъ отъ гусей ничего не добьешься: взяла длинную хворостину и погнала ихъ домой.

Сравните гуся съ курицею и уткою.

Гусь и журавль.

Плаваешь гусь по пруду и громко разговариваетъ самъ съ собою: „Какая я, право, удивительная птица! И хожу-то я по землѣ, и плаваю-то по водѣ, и летаю по воздуху: нѣтъ другой такой птицы на свѣтѣ! Я всёмъ птицамъ царь!“

Подслушала гуся журавль и говоритъ ему: „Прямой ты гусь, глупая птица! Ну можешь-ли ты плавать, какъ щука, бѣгать какъ олень, или летать, какъ орелъ? Лучше знать что-нибудь одно, да хорошо, чѣмъ всё, да плохо.“

Г о л у б и .



Голуби-голубочки, мохноногіе воркуночки, на крышѣ сидючи, другъ на друга гляючи, цѣлуются, милуются, другъ другомъ любятся, носики обчищаютъ, перышки выправляютъ. Вотъ по полю полетали, пшенички поклевали, зобки понабили, дѣткамъ кашу приготовили; а въ гнѣздышкѣ дѣтки, беспѣрые голубятки, лежатъ — пищать, кушать хотятъ: носики раскрываютъ, мягкой кашки поджидаютъ.

Сравните голубя съ курицею.

Не смѣйся чужой бѣдѣ — своя на градѣ.

Чижа захлопнула злодѣйка-западня: бѣдняжка въ ней и рвался, и метался; а голубь молодой надъ нимъ же издѣвался. „Не стыдно-ль“, говоритъ, „среди бѣла дня попался! Не провели бы такъ меня; за это я ручаюсь смѣло.“ Анъ смотришь, тутъ же самъ запутался въ силокъ! И дѣло! Вперѣдъ чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ.

Сивка-бурка.

I.

Было у старика трое сыновей: двое умныхъ, а третій — Иванушка-дурачѣкъ: день и ночь дурачѣкъ на печи валяется.

Посѣялъ старикъ пшеницу, и выросла пшеница богатая, да повадился ту пшеницу кто-то по ночамъ толочь и травить. Вотъ старикъ и говоритъ дѣтямъ: „Милыя мои дѣти, стерегите пшеницу каждую ночь, поочередно: поймите мнѣ вора!“

Приходитъ первая ночь. Отправился старшій сынъ пшеницу стеречь, да захотѣлось ему спать: забрался онъ на сѣноваль и проспалъ до утра. Приходитъ утромъ домой и говоритъ: „всю ночь-де не спалъ, иззябъ, а вора не видалъ.“

На вторую ночь пошѣлъ средній сынъ и также всю ночь проспалъ на сѣновалѣ.

На третью ночь приходитъ чередъ дураку идти. Взялъ онъ арканъ и пошелъ. Пришелъ на межу и сѣлъ на камень: сидитъ, не спитъ, вора дожидается.

Въ самую полночь прискакалъ въ пшеницу разношерстный конь: одна шерстинка золотая, другая — серебрянная: бѣжитъ — земля дрожитъ, изъ ушей дымъ столбомъ валилъ, изъ ноздрей пламя пышетъ. И сталъ тотъ конь пшеницу ѣсть: не столько ѣсть, сколько топчетъ.

Подкрался дуракъ на четверенькахъ къ коню и разомъ накинулъ ему на шею арканъ. Рванулся конь изо всѣхъ силъ — не тутъ-то было! Дуракъ уперся, арканъ шею давитъ. И сталъ тутъ конь дурака молить: „отпусти ты меня, Иванушка, а я тебѣ великую со службу службу“. — Хорошо, отвѣчаетъ Иванушка-дурачѣкъ: да какъ я тебя потомъ найду — „Выйди за око-

лицу, говорить конь, свисни три раза и крикни: „сивка-бурка, вѣщій каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой!—я тутъ и буду.“ Отпустилъ коня Иванушка-дурачекъ и взялъ съ него слово—пшеницы больше не ѣсть и не топтать.

Пришелъ Иванушка домой. „Ну что, дуракъ, видѣлъ?“ спрашиваютъ братья. — „Поймалъ я, говорить Иванушка, разношерстнаго коня; пообѣщался онъ больше не ходить въ пшеницу—вотъ я его и отпустилъ.“ Посмѣялись вволю братья надъ дуракомъ; но только ужъ съ этой ночи никто пшеницы не трогалъ.

2.

Скоро послѣ этого стали по деревнямъ и городамъ бирючи отъ царя ходить, кличь кликать: „Собирайтесь-де, бояре и дворяне, купцы и мѣщане и простые крестьяне, всѣ къ царю на праздникъ, на три дня; берите съ собою лучшихъ коней; и кто на своемъ конѣ до царевнина терема доскочитъ и съ царевниной руки перстень сниметъ, за того царь царевну замужъ отдастъ.“

Стали собираться на праздникъ и Иванушкины братья: не то, чтобы ужъ самимъ скакать, а хотъ на другихъ посмотрѣть. Просится и Иванушка съ ними. „Куда тебѣ, дуракъ, говорятъ братья: людей, что-ли, хочешь пугать? Сиди себѣ на печи, да золу пересыпай.“

Уѣхали братья; а Иванушка-дурачекъ взялъ у невѣстокъ лукошко и пошелъ грибы брать. Вышелъ Ива-

нушка въ поле, лукошко бросилъ, свиснулъ три раза и крикнулъ: „сивка-бурка, вѣщій каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой!“ Конь сбѣжить, земля дрожить, изъ ушей пламя, изъ ноздрей дымъ столбомъ валить; прибѣжалъ—и сталъ передъ Иванушкой, какъ вкопанный. „Ну, говорить конь: влѣзай мнѣ, Иванушка, въ правое ухо, а въ лѣвое вылѣзай.“ Влѣзъ Иванушка коню въ правое ухо, въ лѣвое вылѣзъ—и сталъ такимъ молодцомъ, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать.

Сѣлъ тогда Иванушка на коня и поскакалъ на праздникъ къ царю. Прискакалъ на площадь передъ дворцомъ—видитъ народу видимо не видимо; а въ высокомъ терему, у окна, царевна сидитъ: на рукѣ перстень—цѣны нѣтъ; собою—красавица изъ красавиць. Никто до нея скакать и не думаетъ: никому нѣтъ охоты навѣрняка шею ломать. Ударилъ тутъ Иванушка своего коня по крутымъ бедрамъ: осерчалъ конь, прыгнулъ—только на три вѣнца до царевнина окна не допрыгнулъ. Удивился народъ, а Иванушка повернулъ коня и поскакалъ назадъ; братья его не скоро посторонились, такъ онъ ихъ шёлковой плёткой хлеснулъ. Кричить народъ: „держи! держи его!“—а Иванушкинъ ужъ и слѣдъ простылъ.

Выѣхалъ Иванъ изъ города, слѣзъ съ коня, влѣзъ къ нему въ лѣвое ухо, въ правое вылѣзъ, и сталъ опять прежнимъ Иванушкой, дурачкомъ. Отпустилъ Иванушка коня; набралъ лукошко мухоморовъ и принёсъ домой:

„Вотъ вамъ, хозяйшкы, грибовъ!“ говоритъ. Разсердился тутъ невѣстки на Ивана: „Что ты, дуракъ, за грибы принёсъ? Развѣ тебѣ одному ихъ ѣсть.“ Усмѣхнулся Иванъ и опять залѣгъ на печь.

Пришли братья домой и рассказываютъ отцу, какъ они въ городѣ были и что видѣли; а Иванушка лежитъ на печи, да подсмѣивается.

3.

На другой день старшіе братья опять на праздникъ поѣхали, а Иванушка взялъ лукошко и пошѣлъ за грибами. Вышелъ въ поле, свиснулъ, гаркнулъ: „Сивка-бурка, вѣщій каурка! Стань передо мной, какъ листъ передъ травой!“ Прибѣжалъ конь и сталъ передъ Иванушкой, какъ вкопанный. Перерядился опять Иванъ и поскакалъ на площадь. Видитъ на площади народу еще больше прежняго; всѣ на царевну любятъся, а прыгать никто и не думаетъ: кому охота шею ломать? Ударилъ тутъ Иванушка своего коня по крутымъ бедрамъ: осерчалъ конь, прыгнулъ—и только на два вѣнца до царевнина окна не досталъ. Поворотилъ Иванушка коня, хлеснулъ братьевъ, чтобъ посторонились, и ускакалъ.

Приходятъ братья домой; а Иванушка ужъ на печи лежитъ, слушаетъ, что братья рассказываютъ, и посмѣивается.

Натретій день опять братья поѣхали на праздникъ; прискакалъ и Иванушка. Стегнуеъ онъ своего коня плѣткой. Осерчалъ конь пуще прежняго: прыгнулъ и—досталъ до окна. Иванушка поцѣловалъ царевну въ сахарныя уста, схватилъ съ ея пальца дорогой перстень, повернулъ коня и ускакалъ, не позабывши братьевъ плѣткой огрѣть. Тутъ ужъ и царь, и царевна стали кричать: „держи! держи его!“—а Иванушкинъ и слѣдъ простылъ.

Пришѣлъ Иванушка домой: одна рука тряпкой обмотана. „Что это у тебя такое?“ спрашиваютъ Ивана невѣстки.—Да вотъ, говоритъ, искавши грибовъ, сучкомъ накололся—и полѣзъ Иванъ на печь. Пришли братья; стали рассказывать, что и какъ было: а Иванушкѣ на печи захотѣлось на перстенёкъ посмотрѣть: какъ приподнялъ онъ тряпку, избу всю такъ и осіяло. „Перестань, дуракъ, съ огнёмъ баловать!“ крикнули на него братья: „еще избу сожжѣшь; пора тебя, дурака, совсѣмъ изъ дому прогнать!“

Дня черезъ три идетъ отъ царя кличь, чтобы весь народъ, сколько ни есть въ его царствѣ, собирался къ нему на пиръ и чтобы никто не смѣлъ дома оставаться; а кто царскимъ пиромъ побрезгаетъ—тому голову съ плечъ.

Нечего тутъ дѣлать: пошелъ на пиръ самъ старикъ со своей семьей. Пришли, за столы дубовые посадились; пьютъ и ѣдятъ, рѣчи гуторятъ. Въ концѣ

пира стала царевна мѣдомъ изъ своихъ рукъ гостей об-
носить. Обошла всѣхъ, подходитъ къ Иванушкѣ по-
слѣдному; а на дуракѣ-то платьишко худое, весь въ
сажѣ, волосы дыбомъ, одна рука грязной тряпкой за-
вязана... просто страсть! „Зачѣмъ это у тебя, моло-
децъ, рука обвязана?“ спрашиваетъ царевна: „развяжи-
ка!“ Развязалъ Иванушка руку; а на пальцѣ царев-
нинъ перстень — такъ всѣхъ и осіялъ. Взяла тогда ца-
ревна дурака за руку, подвела къ отцу и говоритъ:
„вотъ, батюшка, мой суженый.“

Обмыли слуги Иванушку, причесали, одѣли въ цар-
ское платье, и сталъ онъ такимъ молодцомъ, что отецъ
и братья глядятъ — и глазамъ своимъ не вѣрятъ. Сы-
грали свадьбу царевны съ Иванушкой и сдѣлали пиръ
на весь мѣръ. Я тамъ былъ, мѣдъ, вино пилъ; по усамъ
текло, а въ ротъ не попало.

Огородъ и садъ.

Огородъ.

Огороды бываютъ возлѣ домовъ и обносятся забо-
ромъ или плетнѣмъ. Огородъ обрабатываютъ сами хо-
зяева или огородники; его сильно удобряютъ навозомъ.
На огородѣ копаютъ грядки, на грядкахъ сѣютъ и са-
дятъ огородные овощи. Для гороха и бобовъ ставятъ
тычинки и вѣшаютъ пугалы. Огороду вредятъ черви,
воробы, куры и домашній скотъ. Въ засуху грядки по-

ливаютъ. Огородные овощи идутъ въ пользу людямъ,
а остатки — домашнему скоту.

Весна говоритъ: гнило!

А лѣто: мило, лишь-бы былъ!

Мужикъ и медвѣдь.

Подружился медвѣдь съ мужикомъ и вздумали они
вмѣстѣ рѣпу сѣять. Мужикъ сказалъ: „мнѣ корешокъ;
а тебѣ, Миша, вершокъ“. Выросла славная рѣпа: му-
жикъ взялъ себѣ корешки, а Мишѣ отдалъ вершки. По-
ворчалъ Миша, да дѣлать нечего.

На другой годъ говоритъ мужикъ медвѣдю: „давай
опять вмѣстѣ сѣять“. — Давай! только теперь ты себѣ
бери вершки, а мнѣ отдай корешки, уговаривается Миша.
„Ладно!“ говоритъ сговорчивый мужикъ: „пусть будетъ
по твоему,“ и посѣялъ пшеницу. Хорошая пшеница уро-
дилась; мужикъ получилъ вершки, а Миша корешки.

Съ тѣхъ поръ у медвѣдя съ мужикомъ и дружба врозь.

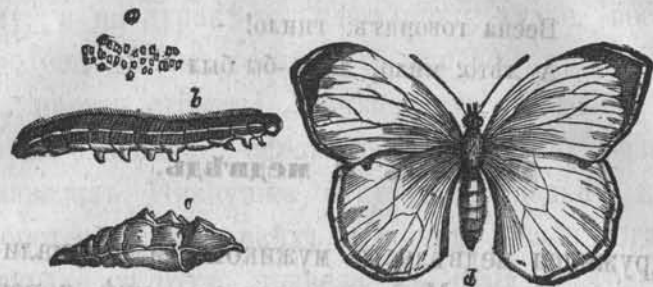
Что подьятъ у рѣпы? у моркови? у картофеля? у
капусты? у мака? у ржи?

Капустная бабочка.

Мальчикъ поймалъ на огородѣ бѣленькую бабочку и
принёсъ къ отцу.

„Это вредная бабочка,“ сказалъ отецъ: „если ихъ
разведётся много, то пропадетъ наша капуста.“

— Неужели эта бабочка такая жадная? спрашивает мальчикъ.



„Не самая бабочка, а ея *гусеница*, отвѣчалъ отецъ; бабочка эта нанесётъ крохотныхъ яичекъ; и изъ яичекъ выползутъ червячки: ихъ-то и зовутъ гусеницами. Гусеница очень обжорлива: она только и дѣлаетъ, что ѣсть да растётъ. Когда она выростетъ, то сдѣлается *куколкой*. Куколка ни ѣсть, ни пѣтъ; лежитъ безъ движенія; а потомъ вылетитъ изъ нея бабочка, такая-же, какъ вотъ эта. Такъ превращается всякая бабочка: изъ яичка въ гусеницу, изъ гусеницы въ куколку, изъ куколки въ бабочку; а бабочка нанесётъ яичекъ и замрётъ гдѣ-нибудь на листѣ.“

Разсказать по порядку превращенія бабочки.

С а д ъ.

Сады разводятся возлѣ домовъ и обносятся заборами или рѣшетками. Въ садахъ растутъ плодовые деревья, ягодные кусты и садовые цвѣты. Бываютъ въ садахъ и простыя красивыя деревья; хороши и тѣни-

стыя липовыя аллеи и бесѣдки. Дорожки въ саду усыпаютъ пескомъ. За садомъ смотритъ или самъ хозяинъ, или садовникъ. Садамъ вредятъ птицы, гусеницы и домашній скотъ. Кроты взрываютъ дорожки и портятъ клумбы.

Сравните садъ съ огородомъ.

С а д ъ.

Зеленѣйся, зеленѣйся,	Ко мнѣ гости дорогіе.
Мой зеленый садъ;	Сударь батюшка родимый
Разцвѣтайте, разцвѣтайте,	Будетъ по саду ходити,
Мои алые цвѣточки!	Спѣлы ягоды щипати,
Поспѣвайте, поспѣвайте,	Меня младу похваляти,
Вкусны ягоды скорѣй!	Что гораздо садъ садити,
Ко мнѣ будутъ, ко мнѣ будутъ,	Что гораздо поливати,
Отъ морозу укрывати.	

Какія бываютъ растенія.

Изъ растеній мы знаемъ: деревья, кусты, хлѣбныя растенія, овощи, грибы и травы.

У дерева одинъ толстый стволъ, много сучьевъ и вѣтокъ. На вѣткахъ или листья, или колючія иглы — *швои*.

У куста не одинъ стволъ, а нѣсколько тоненькихъ стволовъ.

У хлѣбныхъ растеній, вмѣсто стебельковъ, пустыя соломенки, наверху колоски съ зѣрнышками.

У травы — тоненькій стебелекъ. У гриба нѣтъ ни

листьявъ, ни вѣтокъ; только сверху шляпка, а снизу— корень.

У однихъ овощей мы ѣдимъ стручья и зѣрна, что въ стручьяхъ; у другихъ—корни; у третьихъ листья.

Какія вы знаете деревья? кусты? хлѣбныя растенія? травы? грибы? овощи? цветы?

Пѣсенки цвѣтвъ.

Р о з а.

Зовутъ меня люди	Хоть кустъ мой зеленый
Царицей цвѣтовъ,	Васъ ранить готовъ...
За цвѣтъ и за запахъ	Но кто-жь не проститъ мнѣ
Моихъ лепестковъ.	Колючихъ шиповъ?

Л и л и я.

Въ моей бѣлой чашкѣ	И листикъ мой длинень,
Для всѣхъ ароматы,	Но я не спѣсива:
И пыль золотая	И бабочкѣ пестрой,
Для пчелки мохнатой;	Жучку, муравью,
И стебель мой строень,	И всякой букашкѣ
Головка красива,	Приютъ я даю.

Р е з е д а.

Мой кустикъ не пышенъ,	За то вы найдёте
И цвѣтъ не богатъ;	Вездѣ резеду:
Но издали слышенъ	И въ скромномъ букетѣ,
Мой всѣмъ ароматъ.	И въ царскомъ саду.

Р о з а.

И по красотѣ, и по запаху розу называютъ царицею цвѣтовъ. Она растётъ на кустахъ. Корни у розо-

ваго куста длинные, крѣпкіе; коричневый стволъ и зелёные молодые побѣги покрыты колючими шипами. Листокъ на розовомъ кустѣ кругловатый съ острыми зубчиками. Цвѣты розы бываютъ бѣлые, пунцовые, розовые, жёлтые; но всегда одного цвѣта. У полныхъ розъ множество лепестковъ, сложенныхъ какъ шаръ.

Некрасиво да спасибо.

Простенькій, бѣленькій цвѣточекъ земляники выглядывалъ скромно изъ травы; а пышный тюльпанъ гордо покачивалъ надъ нимъ своею пестрою головою. Прошло дней десять: на мѣсть бѣленькаго цвѣточка заахла душистая ягода, а на мѣсть гордаго тюльпана торчалъ увядшій стебель.

Тюльпанъ.

Тюльпанъ очень красивый садовой цвѣтокъ, но безъ запаха. Онъ вырастаетъ изъ луковицы. Луковица пускаетъ въ землю тонкіе корешки, точно ниточки; а вверхъ выгоняетъ длинные, гладкіе листья и круглый стебель. На стеблѣ раскрывается цвѣтокъ, похожій на колокольчикъ. Тюльпаны бываютъ жолтые, красные и пѣстрые.

Сравните тюльпанъ съ земляникой и съ розой.

Съ кѣмъ поведешься, отъ того наберешься.

Простой цвѣточекъ дикій попалъ въ одинъ букетъ съ гвоздикой. И что же? Отъ нея душистымъ сталъ и самъ. Хорошее знакомство—въ прибыль намъ.

Исторія одной яблоньки.

1.

Росла въ лѣсу дикая яблоня; осенью упало съ нея кислое яблоко. Птицы склевали ябеоко, поклевали и зёрнышки. Одно только зёрнышко спряталось въ землю и осталось.

Зиму пролежало зёрнышко подъ снѣгомъ, а весной, когда солнышко пригрѣло мокрую землю, зерно стало проростать: пустило внизъ корешёкъ, а кверху выгнало два первые листка. Изъ-промежъ листочковъ выбѣжалъ стебелёкъ съ почкой, а изъ почки, наверху, вышли зелёные листики. Почка за почкой, листикъ за листикомъ, вѣточка за вѣточкой—и лѣтъ черезъ пять хорошенькая яблонька стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ упало зёрнышко.

Пришѣлъ въ лѣсъ садовникъ съ заступомъ, увидалъ яблоньку и говоритъ: „вотъ хорошее дерево; оно мнѣ пригодится.“ Задрожала яблонька, когда садовникъ сталъ её выкапывать, и думаетъ: „пропала я совсѣмъ!“ Но садовникъ выкопалъ яблоньку осторожно, корешковъ не повредилъ, перенёсъ её въ садъ и посадилъ въ хорошую землю.

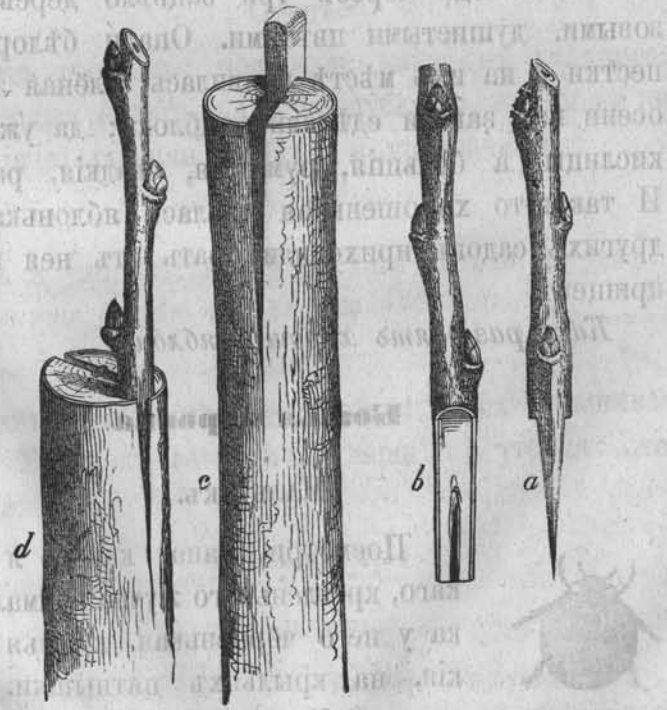
2.

Загордилась яблонька въ саду: „должно быть, я рѣдкое дерево,“ думаетъ она, „когда меня изъ лѣсу въ садъ перенесли,“ и свысока поглядываетъ вокругъ

на некрасивые пеньки, завязанные тряпочками: не знала она, что попала въ школу.

На другой годъ пришѣлъ садовникъ съ кривымъ ножомъ и сталъ яблоньку рѣзать. Задрожала яблонька и думаетъ: „ну, теперь-то я совсѣмъ пропала“.

Срѣзалъ садовникъ всю зеленую верхушку деревца, оставилъ одинъ пенёкъ, да и тотъ еще расщепилъ сверху; въ трещину воткнулъ садовникъ молодой побѣгъ отъ хорошей яблони; закрылъ рану замазкой,



обвязалъ тряпочною, обставилъ новую прищепу кольш-ками и ушёлъ.

3.

Прихворнула яблонька; но была она молода и силь-на, скоро поправилась и срослась съ чужой вѣточкой. Пьеть вѣточка соки сильной яблоньки и растѣтъ бы-стро: выкидываетъ почку за почкою, листокъ за лист-комъ; выгоняетъ побѣгъ за побѣгомъ, вѣточку за вѣ-точкой, и года черезъ три зацвѣло деревцо бѣлоро-зовыми, душистыми цвѣтами. Опали бѣлорозовые ле-пестки и на ихъ мѣстѣ появилась зелёная завязь, а къ осени изъ завязи сдѣлались яблоки; да ужъ не дикія кислицы, а большія, румяныя, сладкія, рассыпчатыя! И такая-то хорошенькая удалась яблонька, что изъ другихъ садовъ приходили брать отъ нея побѣги для прищепъ.

Какъ разводятъ хорошія яблони?

Божья коровка.

Мальчикъ.

Посмотри, папа, какого я хорошень-каго, кругленькаго жучка поймалъ. Голов-ка у него чѣрненькая, крылья краснен-кія, на крыльяхъ пятнышки. Да живъ ли онъ? Что-то не шевелится.



Отецъ.

Живъ, а только прикинулся мертвымъ: сложилъ свои шесть ножекъ, спряталъ усики и ждетъ, чтобъ ты бросилъ его на траву. Это—*божья коровка*, очень полез-ный жучёкъ. Онъ, а еще больше его гусеница, истреб-ляютъ множество вредныхъ зеленоватыхъ насѣкомыхъ, что кучами живутъ на листьяхъ и портятъ растенія.

Дитя.

Посмотри папа, жучекъ очнулся и взлѣзъ мнѣ на палець. Куда-то онъ ползетъ дальше?

Отецъ.

А вотъ увидишь: посмотри, какъ онъ раздвигаетъ свои твердыя надкрылья и распускаетъ изъ-подъ нихъ настоящія крылышки — лёгкія и прозрачныя.

Сынъ.

Вотъ и улетѣлъ: какой же онъ хитрый жучекъ!
Сравните божью коровку съ бабочкою.

Летитъ жукъ да шумитъ: „убью!“ Гусь спрашиваетъ: „кого?“ Те иенокъ говоритъ: „меня!“ а уточка: „такъ-такъ-такъ!“

Мотылекъ.

Мальчикъ.

Разскажи, мотылекъ,
Чѣмъ живѣшь ты, дружокъ?
Какъ тебѣ не устатъ
День-деньской всё порхать?

Дѣдъ былъ человекъ смиренный, и дочь его, Машенька— тоже дѣвочка смиренная, работающая, красавица.

Не влюбилась мачиха Машеньки и пристала къ дѣду: „Не хочу съ Машкой жить! Вези её въ лѣсъ, въ землянку; пусть тамъ прядётъ—больше нарядётъ“.



Совсѣмъ заѣла мужика злая баба; нечего тому дѣлать: запрѣтъ онъ телѣгу, посадилъ Машу и повѣзъ въ лѣсъ. Ъхали, ѣхали и нашли они въ лѣсу землянку. Жаль старику дочери, да дѣлать нечего! Даль онъ ей огниво, кремешѣкъ, труту и мѣшечекъ крупъ, и говоритъ: „огонѣкъ, Маша, не переводи, кашку вари, избушку припри, а сама сиди да пряди; завтра я приѣ-

ду тебя провѣдать.“ Попрошался старикъ съ дочерью и поѣхалъ домой.

Осталась Маша одна, весь день пряла; а какъ пришла ночь, затопила печурку и заварила кашу. Только что каша закипаетъ стала, какъ вылѣзла изъ-подъ полу мышка и говоритъ: „дай мнѣ, красная дѣвица, ложечку кашки“. Машенька до сыта мышку накормила; а мышка поблагодарила ее и спряталась.

Пужинала Маша и сѣла опять прядь. Вдругъ, въ самую полночь, вломился медвѣдь въ избу и говоритъ Машѣ: „А ну-ка, дѣвушка, туши огонь, давай въ жмурки играть! Вотъ тебѣ серебряный колокольчикъ: бѣгай да звони, а я буду тебя ловить“.

Испугалась Маша, не знаетъ, что ей дѣлать; а мышка вылѣзла изъ-подъ полу, вбѣжала дѣвчкѣ на плечо, да въ ухо и шепчетъ: „Не бойся, Маша, туши огонь, полѣзай сама подъ печь, а колокольчикъ мнѣ отдай.“ Машенька такъ и сдѣлала.

Сталъ медвѣдь въ жмурки играть: никакъ мышки поймать не можетъ; а та бѣгаетъ да колокольчикомъ звонитъ. Ловиль медвѣдь, ловиль разозлился, заревѣлъ и сталъ полѣньямаи во всѣ углы швырять: перебилъ всѣ горшки и миски, а въ мышку не попалъ. Присталъ, наконецъ, медвѣдь и говоритъ: „Мастерица ты, дѣвушка, въ жмурки играть! За это пришлю тебѣ утромъ стадо коней да возъ добра“, и ушѣлъ.

II.

Поутру баба сама посылает дѣда въ лѣсъ: „поѣзжай, посмотри, много ли твоя Машутка напярала!“

Уѣхаль старикъ; а баба сѣла у окна и дожидается, что вотъ-де пріѣдетъ дѣдъ и Машуткины косточки въ мѣшкѣ привезётъ.

Сидитъ баба часъ, другой, слышитъ что-то по дорогѣ изъ лѣсу тарахтитъ, а шавка изъ-подъ лавки: „Тяфъ-тяфъ-тяфъ! Со старикомъ дочка ѣдетъ, стадо коней гонить, возъ добра везётъ“. Крикнула баба на собачку: „врѣшь ты, шавка: это въ кузовѣ Машуткины косточки гремятъ!“ Но заскрипѣли ворота, кони на дворъ вбѣжали; а Маша съ отцомъ сидятъ на возу — полонъ возъ добра! Почернѣла тутъ баба отъ злости и говоритъ: „Эка невидаль какая! Вези мою дочку въ лѣсъ: моя Наташка не твоей Машкѣ чета — два стада коней пригонить, два воза серебра привезётъ“.

III.

На другой день дѣдъ отвѣзъ бабину дочь въ землянку и снарядилъ её всѣмъ, какъ и свою. Наташа развела огонь и заварила кашу. Мышка выплянула изъ-подъ полу и проситъ: „красная дѣвица, дай мнѣ ложечку кашки“. А Наташа какъ крикнетъ: „ишь ты, гадина какая! еще кашки захотѣла!“ и швырнула въ мышку полѣномъ. Мышка убѣжала, а Наташа сѣла, всю кашу сама пріѣла и легла спать.

Въ самую полночь вломился медвѣдь въ избу: „А ну-ка, дѣвушка, давай въ жмурки играть! Вотъ тебѣ колокольчикъ: бѣгай да звони, а я буду тебя ловить.“ Взяла Наташа колокольчикъ и стала бѣгать, да куда! — колѣна трясутся, рука дрожить, колокольчикъ безъ толку звонить; а мышка изъ-подъ полу отзывается: „злой Наташкѣ избитой быть!“

На утро баба посылаетъ старика въ лѣсъ: „поѣзжай, говорить, гони коней, вези серебро“.

Уѣхаль старикъ, а баба сѣла у воротъ и дожидается. Вотъ затарахтѣло по дорогѣ изъ лѣсу, а собака изъ-подъ воротъ: „Тяфъ-тяфъ-тяфъ! Хозяйкина дочка ѣдетъ, охаетъ да кричитъ; а пустой возъ тарахтитъ“. Швырнула баба въ собачку полѣномъ: „врѣшь ты, шавка! это серебро въ сундукахъ звенитъ“.

Подѣхаль старикъ съ Наташкой и насилу-то её съ пустого воза сняли. Завыла тутъ злая мачиха, да дѣлать нечего; а Машенька скоро потомъ за хорошаго молодца за мужъ вышла.

На улицѣ и на дорогѣ.

Приглашеніе на улицу.

По лугамъ вода разливалась,

По садамъ пташки разлетались;

Одна пташка тамъ осталася,

Раскричалася.

Она по перушкамъ—перепелушка,
 А по голосу—красна дѣвушка;
 Она звала братца играть на улицу,

На широкую:
 Братецъ миленькій! лебедь бѣленькій!
 Ты пойдѣ со мной играть на улицу,
 На широкую.

Ты, братъ, съ гуслими; я съ ладоными,
 Съ перебоями!

Наша улица.

Улица, гдѣ стоитъ наша школа, очень длинна. Она идетъ отъ заставы до площади, гдѣ стоитъ соборъ. Въ ней выходитъ много переулковъ. Дома на улицѣ стоятъ по обѣ стороны рядами; у домовъ идутъ тротуары со столбиками, а по срединѣ каменная мостовая. На нашей улицѣ много вывѣсокъ: есть вывѣска булочника, портного и сапожника; есть нѣсколько магазиновъ и лавокъ.

Такова ли ваша улица?

Двѣ бочки.

Двѣ бочки ѣхали: одна съ виномъ, другая—пустая. Вотъ первая себѣ безъ шуму и шажкомъ плетѣтся, другая въ скачъ несѣтся. Отъ ней по мостовой и стукотня, и громъ, и пыль столбомъ. Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страху жмѣтся, ее слышавши издалека. Но какъ та бочка ни громка, а польза въ ней не такъ какъ въ первой, велика.

Худое колесо громче скрипитъ.



Булочникъ.

Люблю я ходить мимо булочной: тамъ, за окномъ, лежатъ румяныя булки, вкусныя крендели и сухари. Но жарко, должно быть, булочнику возиться около огромной печи.

Я знаю, что булки пекутъ изъ пшеничной муки. Муку разводятъ водою, прибавляютъ дрожжей и ставятъ тѣсто въ квашнѣ куда-нибудь въ тѣплое мѣсто. Когда тѣсто подыметъ, тогда начинаютъ его мѣсить и лѣпятъ изъ него булки и крендели; потомъ кладутъ ихъ на желѣзный листъ и ставятъ въ вытопленную печь, гдѣ нѣтъ уже ни огня, ни угольевъ.

Много работы булочнику, и работаетъ онъ по ночамъ, чтобы утромъ были готовы къ чаю свѣжія булки.
Разскажите по порядку, изъ чего и какъ дѣлаютъ булки.

Какъ Митѣ сшили сюртукъ.

Отецъ захотѣлъ сшить Митѣ суконный сюртучёкъ. Пришѣлъ портной и снялъ съ Мити мѣрку. Воротясь домой, портной развернулъ штуку сукна и нарисовалъ на нёмъ мѣломъ части сюртука: спинку, грудь, полы, рукава, воротникъ, лацканы и обшлага. Потомъ взялъ онъ большія ножницы, выкроилъ всё эти части и отдалъ въ мастерскую, гдѣ на лавкахъ сидѣли и шили работники. Работники стали пришивать одну часть сюртука къ другой и разглаживали швы утюгомъ. Черезъ недѣлю всё было сшито, петли обмѣтаны, пуговицы пришиты; подкладка подложена. Тогда работникъ вычистилъ сюртукъ и отнёсъ его хозяину, а хозяинъ отнёсъ Митѣ. Сюртукъ былъ, какъ разъ, въ пору. Митинъ отецъ заплатилъ портному за матерiаль, за прикладъ и за работу; а сыну сказалъ: „носи на здоровье, да береги! сюртукъ стоитъ не дешево.“

Назовите всѣ части сюртука. Кто и какъ его сшилъ?

Сапожникъ.

Сапожникъ снимаетъ мѣрку съ ноги. По этой мѣркѣ дѣлаетъ онъ изъ дерева колодку. Острымъ ножёмъ выкроить онъ изъ кожи верхъ сапога и голенище, замочить ихъ въ водѣ и прибить гвоздиками на колодку. Когда кожа высохнетъ на колодкѣ, то приметъ форму сапога, и тогда сапожникъ снимаетъ сапогъ съ

колодки и пришиваетъ къ нему подошву. Подошву выкраиваетъ сапожникъ изъ толстой бычачьей кожи. Шьётъ сапожникъ не иглой, а шиломъ: проколетъ шиломъ дырочку и продѣнетъ въ нее *дратву*. Дратва дѣлается изъ крѣпкихъ нитокъ, просмоленныхъ смолою. Чтобы дратву удобнѣе было вдѣвать, къ ней привязываютъ твёрдую свиную щетину.

Пришивъ подошву, сапожникъ придѣлываетъ каблукъ и вбиваетъ въ него гвоздики; потомъ пришиваетъ къ голенищамъ ушки, чернитъ сапоги, чиститъ ихъ ваксою и несётъ тому, кто заказывалъ.

Назовите всѣ части сапога; расскажите, изъ чего и какъ его сшили.

Загадка. Сквозь быка и барана свинья лёнъ волочить.

Ремесло не коромысло, плечъ не оттянетъ, а само прокормитъ.—Ладни плеть—однова въ день петь.—У портного и локоть на отлетѣ.—Крой да пѣсни пой, шить станешь—наплачешься.—Безъ клинъевъ кафтана не сошьешь.

Въ дорогѣ.

По дорогѣ зимней, скучной
Тройка борзая бѣжитъ;
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.
Ни огня, ни чёрной хаты:
Глушь и снѣгъ... На встрѣчу мнѣ



Только версты полосаты
Попадаютса одиѣ.

Загадка. Самъ не видитъ, не слышитъ, другимъ указываетъ; нѣмъ и глухъ, а счётъ ведётъ.

Тише ѣдешь, дальше будешь.

Катитъ баринъ въ своей бричкѣ, на тройкѣ, во всю мочь и спрашиваетъ у встрѣчнаго мужика: „далеко ли до города?“ Посмотрѣлъ мужичокъ на колёса и говорить: „а какъ тише, баринъ, поѣдешь, то къ ночи доѣдешь“. Разсердился баринъ на глушій отвѣтъ и велѣлъ кучеру погонять лошадей. Не проѣхалъ баринъ и трёхъ верстъ, какъ колесо переднее разлетѣлось; а желѣзная ось съ размаху въѣхала въ землю и лопнула пополамъ. Къ счастью, не подалеку отъ дороги была кузница: кое-какъ дотащили туда бричку и чинили ее цѣлый день. Только на другой день къ ночи попалъ баринъ въ городъ.

Куй желѣзо, пока горячо.

Большая печь въ кузницѣ называется *горномъ*. Въ горнѣ много горячихъ угольевъ, а съ боку придѣланъ большой *мѣхъ*. Помощникъ кузнеца раздуваетъ мѣхомъ уголь, чтобы жарче горѣли.

Кузнецъ беретъ полосу желѣза и кладетъ ее въ горнъ. Желѣзо раскаляется, краснѣетъ, потомъ бѣлѣетъ и дѣ-

лается мягкимъ. Кузнецъ беретъ желѣзо изъ горна большими щипцами, кладетъ его на желѣзную наковальню: и начинаетъ ковать тяжѣлымъ молотомъ, что кому нужно подкову, гвоздь, топоръ, желѣзную ось... На кузнецѣ кожаный передникъ, потому что отъ раскалённаго желѣза сыплются искры.

Кузницу устраиваютъ возлѣ города и покрываютъ дѣрномъ, чтобы она не загорѣлась отъ искры.

Какъ куютъ желѣзо и что изъ него дѣлаютъ?

Не огонь желѣзо калитъ, а мѣхъ. — У кузнеца — что стукъ, то гривна.



Какъ человекъ ѣздитъ по землѣ.

Ходитъ человекъ, хоть и не то, чтобы очень тихо, а всё же не далѣко бы онъ ушелъ на своихъ на двоихъ.

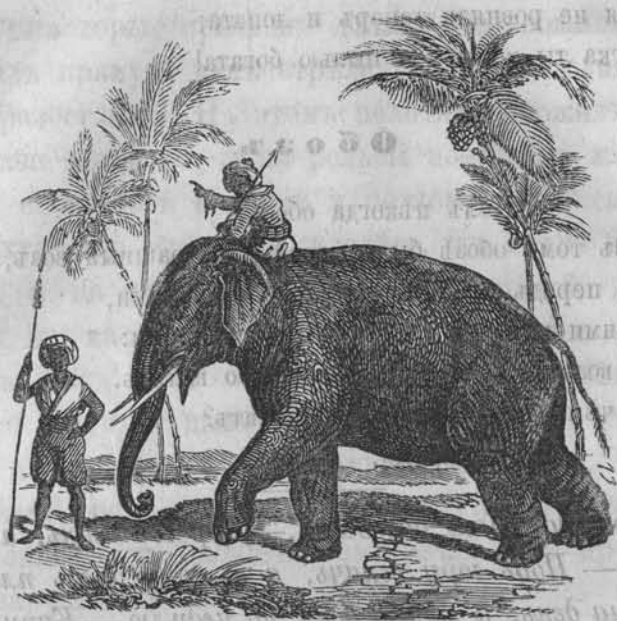
Но не даромъ Богъ далъ человѣку разумъ. Видитъ человѣкъ, что лошадка на своихъ четырехъ бѣгаетъ скорѣе его, и сумѣлъ взлѣзть къ ней на спину: сѣдло приладилъ, узду въ ротъ всунулъ; а потомъ придумалъ телѣги на колѣсахъ и сани на полозьяхъ — и вотъ, не уставая самъ, сталъ уѣзжать въ день вѣрстъ по сту и больше; заставилъ лошадку и пахать, и боронить, и обозы возить.



Да и съ одной-ли лошадыю совладалъ человѣкъ? Покорилъ онъ своей волѣ и сильнаго вола съ могучей шеей, и длинноногаго верблюда съ жирными горбами, и лёгкаго оленя съ вѣтвистыми рогами. Мало этого! взлѣзъ человѣкъ на спину громадному слону и, сидя на немъ какъ муха, поколачиваетъ его въ голову молоточкомъ и ѣдетъ, куда угодно.

Замѣтилъ человѣкъ, что по ровной дорогѣ колесо ровнѣе катится и ѣхать легче, и сталъ ровнять большія почтовые дороги, прокладывая шоссе.

Какъ вздытъ люди по землѣ?



Шоссе и проселокъ.

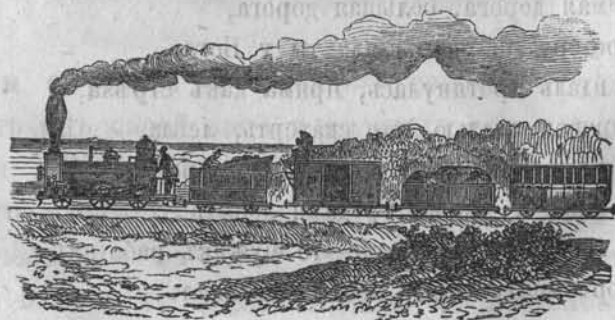
Прямая дорога, большая дорога,
Простору не мало взяла ты у Бога.
Ты вдаль протянулась, пряма какъ стрѣла;
Широкою гладью, что скатерть, легла,
Ты камнемъ убита, жестка для коньта,
Ты мѣрена мѣрой, трудами добыта!
Въ тебѣ, что ни шагъ—то мужикъ работаль,
Прорѣзываль горы, мосты настилаль.
А съ каменной рядомъ, поодаль немножко,
Окольная вѣтса, живая дорожка.
Дорожка, дорожка, куда ты ведёшь?
Безъ званья-ли ты, иль со званьемъ слывёшь?
Идёшь, колесишь ты, не зная разбору.
По рвамъ, по долинамъ, черезъ рѣчку и гору.

Тебя не ровняли топоръ и лопата;
Мягка ты копыту и пылью богата!

Обозъ.

Шёлъ нѣкогда обозъ;
А въ томъ обозѣ былъ такой пристрашный возъ,
Что передъ прочими казался онъ возами,
Какими кажутся слоны предъ комарами:
Не возикъ и не возъ, возище то валитъ.
Но чѣмъ сей баринъ-возъ набитъ?
— Да пузырями.

*Языкъ до Кіева доводитъ. — Дорогой пять, а прямо
десять. — Подъ гору вскачь, а въ гору хоть плачь. —
Бдешь на день, а хлѣба бери на недѣлю. — Купи, денегъ
не жалѣй, со мной ѣздитъ веселѣй.*



Какъ ѣздить безъ лошадей.

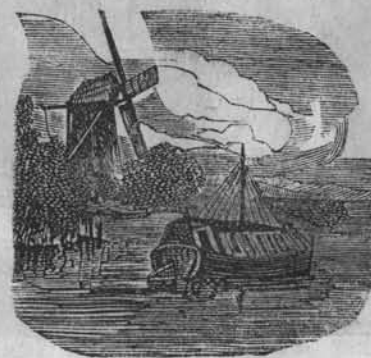
Тихо показалось человѣку ѣздить на долгихъ и на почтовыхъ, по простой дорогѣ и по шоссе: сталъ онъ думушку думать и выдумалъ *железную дорогу*. Про-

копалъ онъ горы, сравнялъ долины, проложилъ мосты и сдѣлалъ прямую, какъ стрѣла, дорожку, словно *полотно* разостлалъ. На этомъ полотнѣ положилъ чугунныя колеи — *рельсы*, а на рельсы поставилъ желѣзную машину съ трубою, котломъ и печкою, точно самоваръ. Въ печку дрова или уголь кладѣтъ, въ котлѣ воду кипятить, а на парахъ катитъ безъ лошадей, да такъ, что ни на какой лошади его не догонишь, вѣреть по 50 въ часъ, по 1000 въ сутки. Катитъ желѣзная машина по *чугуннѣ*, пыхтитъ, свиститъ, устали не знаетъ, только дрова и воду по станціямъ забираетъ. Тащитъ она цѣлый рядъ *вагоновъ*: въ однихъ вагонахъ сотни людей сидятъ, въ окошечки смотрятъ; а въ другихъ — что товару наложено — страсть!

Чугунка.

Полотно, а не дорожка; Мчитъ стрѣлой, не то, что тянетъ,
Конь не конь, сороконожка Не запнѣтся, не устанетъ,
По дорожкѣ той ползѣтъ; Только съ присвистомъ пыхтитъ,
Весь обозъ одинъ везѣтъ. Въ часъ полсотни уватитъ.

Какъ ѣздятъ по землѣ безъ лошадей?



Какъ человекъ ѣздитъ по водѣ.

Плавать человекъ не очень гораздъ: какъ ни учится, а плаваетъ всё хуже рака, не то, что рыбы. «Это дѣло не ладно!» подумалъ человекъ: выдолбилъ изъ дерева лодку, вырѣзалъ весельце—и поѣхалъ.

Надоѣло человекъ весломъ махать: машешь-машешь, пристанешь,—а все не далеко уѣхалъ. Какъ тутъ быть? И подумалъ человекъ: зачѣмъ это вѣтеръ даромъ по свѣту гуляетъ, по дорогѣ пыль подымаетъ, по морю волны, по небу облака гоняетъ? Дай-ка я заставлю его себя возить! Взялъ человекъ полотно, натянулъ на мачту, сдѣлалъ парусъ—и потащилъ вѣтеръ маленькую лодку и огромный корабль.

Запрѣгъ-то человекъ вѣтра, запрѣгъ; да нѣту кну-



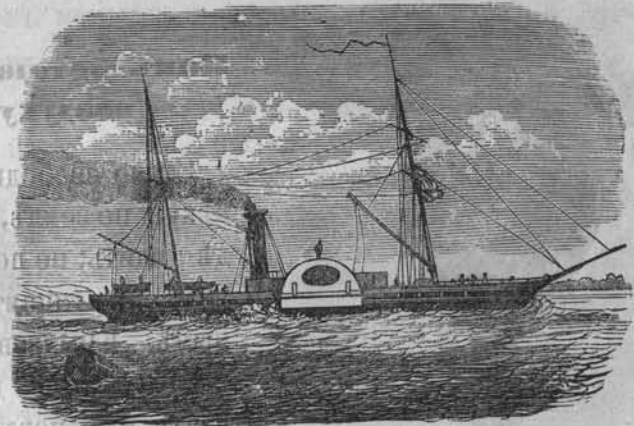
тика, чтобъ вѣтеръ погонять; нѣту узды, чтобъ сдержать; нѣтъ возжей, чтобъ управлять.

Корабль.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ,
На раздутыхъ парусахъ.

Какъ придумалъ человекъ ѣздить по водѣ?

Вола—добрая лошадка: все свезетъ.—Ето на морѣ не бывалъ, тотъ и страху не видалъ.



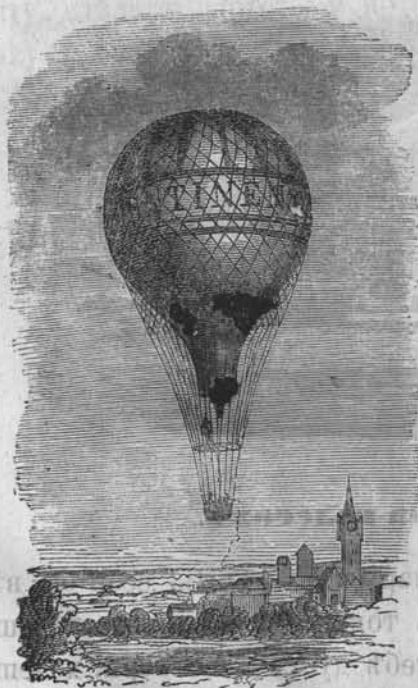
Шоводъ на колесахъ.

Хорошо было-бы на парусахъ ѣздить, если-бы вѣтеръ насъ слушался; да въ томъ-то и бѣда, что хочешь ты ѣхать на югъ, а онъ тебѣ дуетъ на сѣверъ; хочешь ты ѣхать сегодня, а онъ говоритъ тебѣ: „погоди до-

завтрева! сегодня я спать хочу;“ — хочешь ъхать по-тихоньку, а онъ корабль твой какъ щепку кидаетъ, къ верху дномъ переворачиваетъ.

„Нѣтъ, это не ладно!“ сказалъ человѣкъ: „парь хоть тише вѣтра возить, за то послушнѣе.“ Придѣлалъ человѣкъ къ кораблю колёса, заставилъ парь тѣ колёса вертѣть и поѣхалъ по морю, словно по суху—на колёсахъ. Топить себѣ на кораблѣ печку, воду въ котлѣ кипятить, дымъ въ трубу выпускаетъ, а на парахъ ѣдетъ, и противъ теченія, и противъ вѣтра,—куда хочетъ.

Какую пользу приносятъ пароходы?



Какъ летаютъ по воздуху?

Стало свободно человѣку и по землѣ, и по водѣ ѣздить; но позавидовалъ онъ птицамъ небеснымъ. Крыльевъ Богъ человѣку не далъ — взять ихъ негдѣ; а не дурно бы по воздуху летать: не нужно тамъ ни шоссе дѣлать, ни полотна настилать — всюду дорога широкая. Сталъ человѣкъ учить-

ся, да думать: выдумалъ *воздушный шаръ*, привѣсилъ къ шару лодочку и полетѣлъ выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго, выше орла быстрокрылаго. Одна бѣда—неугомонный вѣтеръ обижаетъ человѣка въ воздухѣ ещё хуже, чѣмъ на морѣ: носить его куда ему, вѣтру, вздумается, а не куда человѣку хочется, и не можетъ человѣкъ до сихъ поръ на воздухѣ съ вѣтромъ справиться.

Село и деревня.

Въ селѣ и деревнѣ много крестьянскихъ дворовъ. Въ селѣ дворовъ больше и есть церкви; въ деревнѣ дворовъ меньше и церкви нѣтъ. Жители деревни ходятъ въ церковь въ ближайшее село. Улицъ въ селѣ и деревнѣ немного и тѣ немощёныя; избы бревенчатыя; инныя съ тесовыми, инныя съ соломенными крышами. Въ деревнѣ есть овины, гумна, скотные дворы, огороды и сады. Заборы попадаются рѣдко, а чаще плетни. На улицѣ въ деревнѣ встрѣтишь у крестьянъ телѣги, сохи и бороны, а зимою — дровни и розвальни. Жители деревень и сѣлъ, по большей части, занимаются земледѣлемъ и скотоводствомъ; но есть богатыя *промышленныя сѣла*, гдѣ много *фабрикъ*.

Новоселовка и Михайловка.

Гулюшки, голубокъ, Мимо терема летать,
Мой сизенькій воркунокъ! Ворковалъ;

Къ окну прилетѣлъ,	Молодушки косыя.
Послушалъ;	А въ теремѣ говорятъ:
Что въ теремѣ говорятъ,	Михайловку всё хвалятъ,
Во высокомъ гуторятъ;	Михайловка—слобода
А въ теремѣ говорятъ,	Малиною заросла,
Новосѣловку всё корятъ;	Балиною зацвѣла;
Новосѣловка—слобода	Тамъ есть кому поиграть,
Крапивою заросла,	Тамъ есть кому поплясать;
Полыномъ зацвѣла;	Тамъ дѣвушки въ баш-
Тамъ некому поиграть,	мачкахъ,
Тамъ некому поплясать;	Молодушки въ ходоч-
Тамъ дѣвушки босыя,	кахъ.

Сравните Новоселовку съ Михайловкой.



Городъ

Въ каждомъ уѣздѣ сѣль и деревень много, а уѣздный городъ одинъ. Въ городѣ деревянные или каменные дома крыты тѣсомъ или желѣзомъ: нѣтъ ни гуменъ, ни овиновъ, а магазины да лавки; между домами

не плетни, а заборы или хорошія рѣшѣтки. Въ большомъ городѣ улицы мощены камнемъ, а по бокамъ улицъ тротуары. Въ городѣ нѣсколько площадей, улицъ и переулковъ. На улицахъ попадаются на встрѣчу дрожки, кареты, коляски, а зимою — городскія сани. Церквей въ городѣ нѣсколько, и одна называется соборною. Жители города занимаются ремѣслами, торговлею и службою. Вокругъ иныхъ городовъ много фабрикъ, простыхъ и паровыхъ съ высокими трубами.

Города бываютъ разные: *защитныя, уѣздныя, губернскіе* и *столичныя*.

Въ Россіи двѣ столицы: Петербургъ и Москва. Въ Петербургѣ живётъ Государь.

Сравните городъ съ деревней. Какіе бываютъ города?

Чудный работникъ.

Скрипъ машинъ неугомонный;
Веретень, колёсъ мильоны;
Всѣ скрежещутъ и визжать,
И не люди ихъ вертять.
Какъ по щучьему велѣнью,
Паръ приводитъ всё въ движенье,
Паръ молотитъ, паръ и тчѣтъ,
Шерсть, бумагу, лёнъ прядётъ;
И монету выбиваетъ;
Лѣсъ пилитъ, гранитъ хрусталь;
Масло бѣтъ, шлифуетъ сталь.

Ярмарка.

Флагъ поднятъ, ярмарка открыта. Народомъ площадь вся покрыта; глядятъ изъ лавокъ кушаки и разноцвѣтные платки, и разноцвѣтная серпанка; тутъ груды чашекъ и горшковъ, корчагъ, боченковъ, кувшиновъ; тамъ—лыки, вѣдра и ушаты, лотки, подойники, лопаты.

Веселый говоръ, крикъ торговли, пискъ дудокъ, пѣсни мужиковъ, и ранний звонъ колоколовъ — все въ гулъ слилось. Межъ тѣмъ оглобли приподнялись по верхъ воевъ, какъ лѣсъ безъ вѣтокъ и листовъ.

Куплей да продажей торгъ стоитъ. — Ваши деньги, намъ товаръ. — Чего мало, то дорого; чего много, то дешево. — На базаръ ѣхать — съ собой цѣны не возить. — Торгуей правдою — больше барыша будетъ.

Зимнее утро въ столицѣ.

Встаётъ; купецъ идётъ, разнощикъ;
 На биржу тянется извозчикъ;
 Съ кувшиномъ охтанка слѣзаетъ,
 Подъ ней слѣгъ утренній хруститъ.
 Проснулся утра шумъ приятный;
 Открыты ставни; трубный дымъ
 Столбомъ восходитъ голубымъ;
 И хлѣбникъ — нѣмецъ акуратный —
 Въ бумажномъ колпакѣ, не разъ
 Ужъ отворяетъ свой *васъ-исъ-дасъ*.

Змѣй и цыганъ.**I.**

Въ старые годы повадился въ одну деревнюшку змѣй летать, людей пожирать: всѣхъ переѣлъ, одинъ мужикъ остался.

Шёлъ мимо этой деревни цыганъ, и захотѣлъ на ночлегъ пристать. Въ какую избу не заглянетъ — пусто! Зашелъ, наконецъ, въ послѣднюю избушку: сидитъ тамъ да плачетъ остальной мужичекъ. „Ты зачѣмъ сюда, цыганъ? спрашиваетъ мужичокъ: видно жизнь тебѣ надоѣла.“ — „А что? „Да вѣдь повадился сюда змѣй летать: всѣхъ поѣлъ; а завтра прилетитъ — меня сожретъ и тебѣ не сдобровать: разомъ двухъ съѣстъ.“ — „А, можетъ, подавится, — отвѣчалъ цыганъ; ляжемъ-ка спать: утро вечера мудренѣе.“

Переночевали. Утромъ поднялся вдругъ вихрь: затряслась изба и прилетаетъ змѣй: „Ага, говоритъ: прибыль есть! оставилъ одного мужика, а нашёлъ двухъ — будетъ чемъ позавтракать.“ — Будто и въ правду съѣшь спрашиваетъ цыганъ. „Да таки съѣмъ.“ — Врѣшь: подавишься! „Чтожь, ты развѣ сильнѣе меня?“ — „Еще бы? отвѣчаетъ цыганъ: чай самъ знаешь, что у меня силы больше твоей.“ „А ну, давай, попробуемъ, кто кого сильнѣе.“ — Давай.

Змѣй взялъ жерновъ и говоритъ: „Смотри: я этотъ камень одной рукой раздавлю“, стиснулъ жерновъ въ

горсти такъ, что тотъ весь въ песокъ разсыпался — только искры брызнули. „Эко диво! говоритъ цыганъ: а ты такъ сожми камень, чтобъ изъ него вода потекла.“ Взялъ съ полки узелокъ творогу и ну давить: сыворотка и потекла. „Что, видѣлъ? У кого силы больше?“ — Правда твоя, говоритъ змѣй: рука у тебя сильнѣе; а вотъ, попробуемъ, кто крѣпче свиснетъ. „Ну свисти!“ Змѣй какъ свиснулъ — со всѣхъ деревъ листь осыпался. „Хорошо, братъ, свистишь, говоритъ цыганъ: а вс не по моему; завяжи-ка напередъ свои бельмы, а то я какъ свисну, то онѣ у тебя изо лба повискочатъ.“ Завязалъ змѣй платкомъ глаза и говоритъ: „А ну-ка, свисти?“ Цыганъ взялъ дубину, да какъ свиснетъ змѣя по башкѣ, такъ что тотъ во всё горло заоралъ: „Полно, полно, братъ цыганъ! не свисти больше, и съ одного разу глаза чуть на лобъ не вылѣзли.“ — Какъ знаешь, говоритъ цыганъ а я еще готовъ разокъ - другой свиснуть. „Нѣтъ, не надо; не хочу больше спорить, отвѣчаетъ змѣй; давай лучше побратаемся,“ — и побратались цыганъ со змѣемъ.

Н.

Говоритъ змѣй цыгану: „Ступай, братъ, на степь, тамъ пасется стадо воловъ: выбери самага жирнаго и волоки сюда на обѣдъ.“ Пошолъ цыганъ на степь, нашёлъ гуртъ воловъ: давай ихъ ловить, другъ съ дружкой за хвосты связывать. Ждалъ-ждалъ змѣй — не дождался; побѣжалъ самъ: „Что такъ долго?“ — А вотъ по-

годи, навяжу штукъ сорокъ да заразы и поволоку, чтобы на цѣлый мѣсяць хватило. „Экой ты какой! говоритъ змѣй: нѣшто намъ здѣсь вѣкъ вѣковать — будетъ съ насъ и одного“. Ухватилъ змѣй самага жирнаго вола за хвостъ, сдёрнулъ шкуру, взвалилъ и шкуру, и мясо на плечи, и потащилъ домой. „Какъ же, братъ, говоритъ цыганъ: я столько штукъ навязалъ — неужели же бросить?“ — Ну, брось.

Пришли въ избу, наклали два котла мяса, а воды нѣтъ. — На, тебѣ, воловью шкуру, говоритъ змѣй: набери полную воды и принеси сюда. Потащилъ цыганъ къ колодцу воловью шкуру: еле-еле порожнюю тащить: пришелъ, и давай колодець кругомъ окапывать. Змѣй ждалъ-ждалъ — не дождался, побѣжалъ самъ. „Что ты дѣлаешь?“ Да вотъ, отвѣчаетъ цыганъ: хочу колодець кругомъ окопать и въ избу перетащить, чтобы не нужно было всякій разъ по воду ходить. „Экой ты какой! много затѣваешь,“ сказалъ змѣй, набралъ полную шкуру воды и понёсъ домой.

Есть и мясо, и вода, да дровъ нѣтъ, и говоритъ змѣй цыгану: „Сходи, братъ въ лѣсъ, выбери сухой дубъ и волоки сюда.“ Пошелъ цыганъ въ лѣсъ: началъ лыки драть да веревки вить. Ждалъ-ждалъ змѣй — не дождался, опять бѣжитъ: „Что ты здѣсь дѣлаешь?“ — Да вотъ, отвѣчаетъ цыганъ: хочу заразы дубовъ двадцать зацѣпить веревкой и тащить всё съ кореньями, чтобъ надолго дровъ хватило. „Экой ты, право! говоритъ змѣй: всё по-

своему дѣлаешь“, вырвалъ съ корнемъ самый толстый дубъ и поволокъ въ избу.

Наварилъ змѣй говядины и зоветъ цыгана обѣдать; а цыганъ надулся и говоритъ: „не хочу!“ Вотъ змѣй сожралъ самъ цѣлаго вола и сталъ цыгана спрашивать: „скажи, братъ, за что ты сердился?“—А за то, отвѣчаетъ цыганъ: всё что я ни сдѣлаю—всё не такъ, всё не по твоему. „Ну, не сердись, помиримся.“—Боли хочешь со мной мириться, говоритъ цыганъ: поѣдемъ ко мнѣ въ гости. „Изволь, братъ, поѣдемъ!“

Змѣй досталъ повозку, запрягъ тройку, что ни есть лучшихъ коней, и поѣхали вдвоемъ въ цыганскій таборъ. Стали подъѣзжать; а цыганята увидали отца, бѣгутъ къ нему на встрѣчу, голые, черные, да во все горло кричатъ: „Батюшка пріѣхалъ! змѣя привезъ!“ Змѣй испугался и спрашиваетъ у цыгана: „это кто?“—А это мои дѣти, отвѣчаетъ цыганъ, чай голодны теперь; смотри, какъ за тебя примутся! Змѣй съ повозки да бѣжать, и оставилъ цыгану и повозку, и лошадей.

ОТДѢЛЪ П.

ВРЕМЕНА ГОДА.

З и м а .

Что сдѣлала зима?

Гдѣ сладкій попогъ	Подъ ледяной
Густыхъ лѣсовъ,	Своей корою
Потоковъ ропотъ,	Ручей нѣмѣть,
Цвѣты луговъ?	Все цѣпенѣть,
Деревья голы;	Лишь вѣтеръ злой,
Коверъ зимы	Бушуй, воетъ
Покрывъ холмы,	И небо кроетъ
Луга и доли.	Съдою мглой.

ЗАГАДКА: Зимой грьетъ, весной тлѣетъ, лѣтомъ умираетъ, осенью оживаетъ.

Прозапы старухи зимы.

Разозлилася старуха зима: задумала она всякое дыханіе со свѣта сжить. Прежде всего стала она до птицъ добираться: надоѣли ей онѣ своимъ крикомъ и пискомъ.

Подула зима холодомъ, посорвала листья съ лѣсовъ и дубравъ и разметала ихъ по дорогамъ. Некуда пти-

цамъ дѣваться: стали онѣ стайками собираться; думушку думать. Собрались, покричали и полетѣли за высокія горы, за синія моря, въ тёплыя страны. Остался воробей и тотъ подъ стреху забился.

Видитъ зима, что птиць ей не догнать: накинута на звѣрей. Запорошила снѣгомъ поле, завалила сугробами лѣса: одѣла деревья ледяной корою и посылаетъ морозъ за морозомъ. Идутъ морозы одинъ другаго злѣе, съ елки на елку перепрыгиваютъ, потрескиваютъ да пощелкиваютъ, звѣрей пугаютъ. Не испугалися звѣри; у однихъ шубы тёплыя, другія въ глубокія норы спрятались; бѣлка въ дуплѣ орѣшки грызетъ; медвѣдь въ берлогѣ лапу сосетъ; зайныка, прыгаючи, грѣется; а лошадки, коровки, овечки давнымъ-давно въ теплыхъ хлѣвахъ готовое сѣно жуютъ, тёплое пойло пьютъ.

Пуще злится зима—до рыбъ она добирается; посылаетъ морозъ за морозомъ, одинъ другаго лютѣе. Морозцы бойко бѣгутъ, молотками громко постукиваютъ: безъ клиньевъ, безъ подклинковъ по озерамъ, по рѣкамъ мосты строятъ. Замерзли рѣки и озѣра, да только сверху; а рыба вся въ глубь ушла; подъ ледяной кровлей ей еще теплѣе.

Ну, постой-же, думаетъ зима; дойму я людей—и шлѣтъ морозъ за морозомъ, одинъ другаго злѣе. Заволокли морозы узорами оконницы въ окнахъ; стучать и въ стѣны, и въ двери, такъ что бревна лопаются. А люди затопили печки, пекутъ себѣ блины горячіе, да надъ зимою посмѣиваются. Случится кому за дровами въ лѣсъ ѣхать, надѣнетъ онъ тулупъ, валенки, рукави

цы тёплыя, да какъ примется топоромъ махать, даже потъ прошибетъ. По дорогамъ, будто зимѣ на смѣхъ, обозы потянулись; отъ лошадей царь валитъ; извошники ногами потопываютъ, рукавицами похлопываютъ, плечами передергиваютъ, морозцы похваливаютъ.

Обиднѣе всего показалось зимѣ, что даже малые ребята—и тѣ ея не боятся! катаются себѣ на конькахъ да на салазкахъ, въ снѣжки играютъ, бабъ лѣпятъ, горы строятъ, водой поливаютъ, да еще морозъ кличутъ: „приди-ка подсобить!“ Шипнетъ зима со злости одного мальчугана за ухо, другаго за носъ, даже побѣлѣютъ; а мальчикъ схватитъ снѣгу, давай тереть—и разгорится у него лицо, какъ огонь.

Видитъ зима, что ни чѣмъ ей не взять: заплакала со злости. Со стрехъ зимнія слѣзы закапали... видно весна недалеко!

Что сдѣлала зима съ птицами? съ звѣрями? съ рыбами? съ людьми?

ЗАГАДКИ: 1) Летитъ молчитъ, сидитъ молчитъ, а помретъ да сгніетъ, такъ и зареветъ. — 2) Старикъ у воротъ, тепло уволокъ; самъ не бѣжитъ, стоятъ не велитъ.

Маленький музичекъ.

Однажды, въ студёную зимнюю пору я изъ лѣсу вышелъ; былъ сильный морозъ. Гляжу, поднимается медленно въ гору лошадка, везущая хворосту возъ. И, шествуя важно, въ спокойствіи чинномъ, лошадку ведётъ подь уздцы мужичокъ въ большихъ сапогахъ, въ полушубкѣ овчинномъ, въ большихъ рукавицахъ, а самъ съ ноготокъ. — Здорово, товарищъ! — „Ступай себѣ мимо!“ — Ужь больно ты грозенъ, какъ я погляжу! Откуда дровишки? — „Изъ лѣсу, вѣстимо! Отецъ, слышишь, рубить а я отвожу.“

Зайка.

Зайнька у елочки попрыгиваетъ,

Лапочкой объ лапочку покалачиваетъ:

* * *

«Экіе морозцы, прости Господи, стоятъ!

Елочки отъ холода потрескиваютъ.

* * *

Елочки отъ холода потрескиваютъ,

Лапочки отъ холода совсѣмъ свело.

* * *

Вотъ кабы мнѣ, зайгѣ, мужичонкомъ быть,

Вотъ кабы мнѣ, зайкѣ, да въ лапоткахъ ходить;

* * *

Жить бы мнѣ да грѣться въ избушечкѣ
Со своею хозяйшкой сѣренькой.

* * *

Пирогы мнѣ ѣсть, да всё съ вапусткою,
Пирогы бы со сладкою морковкою.

* * *

На полатахъ зимушку пролѣживать,
По морозцу въ саночкахъ покатывать.»

*Телга хлѣбъ въ домъ возитъ, а сани на базаръ. —
Что лѣтомъ ногой, то зимою рукой. — Лѣто проле-
жишь, зимой съ сумой побъжишь. — Береги носъ въ боль-
шой морозъ. — Что мужику дается: бѣжитъ да грѣется.*

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

23 декабря.

Завтра рождественскій сочельникъ, и сегодня распустили нашу школу. На силу-то мы досидѣли послѣдній урокъ! Я такъ бѣжалъ домой, что потерялъ было книгу. До 8-го января мы свободны. Эта первая треть учебнаго года — самая длинная. Надо поправить нашу ледяную гору: она совсѣмъ развалилась; надобно бы устроить кукольный театръ маленькимъ братьямъ и сестрамъ: я объ этомъ позабочусь.

24 декабря.

„Кутья стоитъ на покути, а узваръ пошелъ на базаръ,“ сказала намъ сегодня няня. Кутья, точно, стояла

въ переднемъ углу, подъ образами, на стѣнѣ; да и узварь съ базару воротился; и оказался очень вкуснымъ. Мамаша рассказала мнѣ, зачѣмъ кутью ставятъ на сѣно. Вечеромъ была страшная мятель; но это не помѣшало мальчикамъ и дѣвочкамъ прійти колядовать. Охъ, какъ воетъ въ трубы! Какъ жутко должно быть теперь въ открытомъ полѣ!

Такъ ли вы провели рождественскій сочельникъ?

Мятель.

Въ чистомъ полѣ въ полночь, завываетъ, гудѣтъ, завываетъ—несется мятелица; бѣлымъ снѣжнымъ столбомъ по дорогѣ идѣтъ, по слѣдамъ растилается-стелется.

„Ну, захаль въ сугробъ! Видно, здѣсь ночевать; ну, Савраско, потрогивай, маленький! Вовсе сбились съ тобой; захотѣлося спать; понабилося снѣгу за валенки.“

„Что тамъ? Словно-ка гдѣ колокольчикъ звенить; огоньки тамо, что-ль, зажигаются! А хозяйка-то ждетъ, а мальчишка-то спитъ. Что ему! знай, по печи валется.“

Въ чистомъ полѣ, въ полночь, завываетъ-гудѣтъ, завываетъ-несется мятелица; бѣлымъ снѣжнымъ столбомъ по дорогѣ идѣтъ, по слѣдамъ растилается-стелется.

Не то снѣгъ, что мететъ, а что сверху идетъ.— Спитъ да дуэтъ: что-то будетъ?

Коляда подь Рождество.

Коляда, коляда!	Коляду святую
Пришла коляда	По всѣмъ по дворамъ.
Наканунъ Рождества.	По проулочкамъ.
Мы ходили, мы искали	Нашли коляду
У Петрова двора;	
Петровъ-то дворъ, желѣзный тынь.	
Среди двора три терема стоятъ:	
Въ первомъ терему—свѣтель мѣсяць;	
Въ другомъ терему—красно солнце;	
А въ третьемъ терему—части звѣзды.	
Свѣтель мѣсяць—Петръ сударь	
Свѣтъ-Ивановичъ!	
Красно солнце—Марья Павловна!	
Части звѣздочки—ихъ дѣтушки!	
Здравствуй, хозяйинъ съ хозяйшкой,	
На долгіе вѣка, на многія лѣта!	



Расскажите все, что здѣсь нарисовано.
Годъ II.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

25 декабря.

Когда мы проснулись сегодня, метель уже утихла и солнце свѣтило ярко. У нашихъ кроватокъ лежали подарки: я получилъ книгу съ картинками и краски, Вѣра и Надя—новыя куклы, Костя—лошадку, а Воля—барабанщика, и барабанилъ Воля до тѣхъ поръ, пока у барабанщика руки перестали подыматься.

Послѣ обѣдни, куда насъ не взяли по случаю холода, приходилъ къ намъ священникъ съ причтомъ: они пѣли, какъ родился Спаситель, какъ появилась на небѣ новая звѣзда, какъ пѣли ангелы и какъ мудрецы съ востока приходили поклониться божественному младенцу. Видно, тамъ, гдѣ родился Спаситель, не было такъ холодно, какъ у насъ, если пастухи ночевали въ полѣ.



Вечеромъ къ намъ приносили звѣзду и вертепъ. Красивую звѣзду сдѣлалъ дядечка! Вертепъ тоже очень удался: страшная смерть ловко срубила голову злему Ироду. И подѣломъ ему—не преслѣдуй Христа, не убивай младенцевъ!

Такъ ли вы провели Рождество?

Зимній вечеръ.

Буря мглою небо кроетъ, вихри снѣжные крутя; то, какъ звѣрь, она завоюетъ, то заплачетъ, какъ дитя; то по кровлѣ обветшалой вдругъ соломою зашумитъ, то, какъ путникъ запоздалый, къ намъ въ окошко застучитъ.

Зимнее утро.

Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась; на мутномъ небѣ мгла носилась; луна, какъ блѣдное пятно, сквозь облака едва смотрѣла... А нынче: посмотри въ окно! Подъ голубыми небесами, великолѣпными коврами, блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ; прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ, и ель сквозь иней зеленѣетъ, и рѣчка подо льдомъ блеститъ!

Коляда на новый годъ.

Ай, во борѣ, борѣ
Сосенка стояла,
Зелена, кудрява!

Мосточекъ мостили,
Сугномъ устилали,
Гвоздями убивали.

Ой, Овсенъ! ой, Овсенъ!
Ѣхали бояре,
Сосенку срубили,
Дощечки пилили,

Ой, Огсенъ! ой, Овсенъ!
Кому жъ, кому ѣхать
По тому мосточку?
Ѣхать тамъ Овсену
Да новому году!

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

1-го января.

Вчера вечеромъ у насъ были гости: встрѣчалъ но-

вый годъ. Но я не дождался двѣнадцати часовъ и заснулъ, не раздѣвшись. Сегодня всѣ поздравляютъ другъ друга съ новымъ годомъ и желаютъ другъ другу счастья. Мамаша надѣла на меня новенькую рубашку. Приходили крестьянскія дѣти и обсыпали всѣхъ ячменемъ и пшеницею: желали хорошаго урожая въ новомъ году. Сегодня мы ѣдемъ въ гости къ тетускѣ. Я знаю, что тамъ будутъ играть въ фанты, гадать и пѣть подблюдныя пѣсни. — „Какой начался сегодня годъ, спросили меня: простой или високосный?“ а я и не зналъ.

Какъ вы встрѣтили и провели первый день новаго года?

Подблюдныя пѣсни.

1) Дивная щука.

Щука шла изъ Новгорода;

Слава!

Она хвостъ волокла изъ Бѣлаозера;

Слава!

Какъ на щукѣ—чешуйка серебряная,

Слава!

Что серебряная, позолоченая,

Слава!

Какъ у щуки спина жемчугомъ сплетена;

Слава!

Какъ голова у щуки унизанная,

Слава!

А на мѣсто глазъ—дорогой алмазь.

Слава!

2) Русскому царству слава.

Слава Богу на небѣ!

Слава!

Государю нашему на всей землѣ;

Слава!

Чтобы Государю не старѣться,

Слава!

Его цвѣтному платью не изнашивать,

Слава!

Его добрымъ конямъ не изъѣживаться,

Слава!

Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,

Слава!

тобы правда была на Руси,

Слава!

Краше солнца свѣтла;

Слава!

Чтобъ по большимъ-то рѣкамъ

Слава!

Слава неслась до моря,

Слава!

По малымъ-то рѣчкамъ—до мельницы,

Слава!

А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,

Слава!

Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ,

Слава!

Шѣ дѣтскихъ воспоминаній.

6-го января.

Вчера мы обѣдали очень поздно, при свѣчахъ: до-

жидались святой воды. Ночью был страшный морозъ; я самъ слышалъ, какъ трещало. Говорятъ, что въ саду нашли двухъ замёрзшихъ воронъ. Даже и меня не взяли сегодня на Иорданъ—такъ холодно!

Приходилъ священникъ съ причтомъ: кропили весь домъ святой водой и пѣли, какъ Иоаннъ Предтеча крестилъ Спасителя во Иорданѣ, какъ сходилъ Духъ Святой въ видѣ голубя и какъ слышенъ былъ съ неба голосъ Бога Отца. Дьячекъ нарисовалъ у насъ на дверяхъ большой красный крестъ.

Сердце сжимается, какъ подумаешь, что завтра классы. Но мамаша говоритъ, что если бы я все гулялъ, то и праздники не были бы для меня такіе весёлые. Какъ бы разсчитать, далеко-ли до масленицы?

Таково ли было крещеніе въ этомъ году? Разскажете, какъ крестился Спаситель?

Крещенскій вечеръ.

Разъ въ крещенскій вечерокъ	Ярый воскъ топили;
Дѣвушки гадали:	Въ чашу съ чистою водой
За ворота бапмачокъ,	Клади перстень золотой,
Снявъ съ ноги, бросали;	Серги изумрудны;
Снѣгъ пололи, подъ окномъ	Растилали бѣлый платъ,
Слушали, кормили	И надъ чашей пѣли въ ладъ
Счетнымъ курицу зерномъ,	Пѣсенки подблюдны.

Силенъ морозъ: бревна рветъ, на лету птицу бьетъ.— Въ морозъ заснуть легко, проснуться трудно.— Трещи, не трещи: прошли водокрещи!

2-го февраля.

Сегодня большой праздникъ — Срѣтеніе Господне. Отецъ прочёлъ намъ изъ Евангелія, какъ Симеонъ Богопріимецъ встрѣтилъ Спасителя въ храмѣ. Бабушка при этомъ заплакала и всѣхъ насъ перецѣловала. Я долго потомъ думалъ: отъ чего это заплакала бабушка?

Зима начинаетъ надоѣдать. Дни замѣтно стали длиннѣе, но солнышко всё ещё плохо грѣетъ. Масленица близехонько. Въ прошломъ году она была ранѣе. — Ахъ, еслибъ весна приходила поскорѣе!

Дуй, не дуй! не къ Рождеству пошло, къ Велику дню.— Февраль три часа дня прибавитъ.— Февраль воду подпуститъ, мартъ подберетъ.— Солнце на лѣто—зима на морозъ.

Весна.

Ожиданіе весны.

На зимнихъ поляхъ не ищите цвѣтовъ: всю землю одѣлъ еще снѣжный покровъ. Подъ снѣгомъ цвѣточкамъ тепло почивать; когда же малютки проснутся опять? Не все же морозы и вьюги одни, придутъ къ намъ и тёплые красные дни. Весна по полямъ всюду станетъ бродить: и рощу, и поле, и рѣчки будить; она, разбивая лдяные оковы, холодные сниметъ съ природы покровы, разбудитъ цвѣточки отъ долгаго сна; проглянуть малютки и скажутъ: „весна!“

Масляница—семикова племянница.—Звалъ, позывалъ честной семикъ широкую масляницу къ себѣ погулять: на горахъ покататься, въ блинахъ повалаться.—Не все кому масляница: придетъ и великій постъ.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

Чистый понедѣльникъ.

На масляницѣ мы славно повеселились: и съ горъ покатались, и блиновъ поѣли. Было шумно и весело: за то сегодня — какая тишина и въ домѣ и на улицахъ! Только слышенъ печальный и протяжный благовѣстъ. Мамаша и бабушка надѣли темныя платья и собираются говѣть. Приходитъ священникъ: прочёлъ молитву и поздравилъ всѣхъ съ великимъ постомъ.

Въ воздухѣ уже пахнетъ весною. Въ полдень солнышко замѣтно пригрѣваетъ; съ крышъ свѣсились брильянтовыя сосульки; снѣгъ рыхлѣетъ; въ саду показываются проталинки. Какъ бы мнѣ хотѣлось знать будетъ-ли Пасха на снѣгу, или на зеленой травкѣ? Ученья всего шесть недѣль; на седьмую насъ распустятъ. Надя и Вѣра уже начали собирать цвѣтныя тряпочки для писанокъ. Раненько, мои милыя!

Какъ вы провели масляницу? Что вы знаете о великомъ постѣ?

Заговляюсь на хрпизъ, на рѣдьку да на бѣлую ка-

пусту!—Недѣля средокрестная — переломъ поста.—
Шука хвостомъ ледъ разбиваетъ.



Что нарисовано на этой картинкѣ?

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

Вербное Воскресенье.

Вотъ и пролетѣло шесть недѣль поста! Вчера нашу школу распустили. Когда я пришёлъ домой, отецъ спросилъ меня: „когда воскресенье бываетъ въ субботу?“ Я не зналъ; а выходитъ, что на вербной недѣлѣ въ субботу празднуется воскресеніе Лазаря.

Сегодня всѣ наши, кромѣ дѣтей, ходили очень рано къ заутренѣ. Когда мамаша и бабушка воротились домой съ вербами, то нашли насъ еще въ постеляхъ: стали

насъ, шутя, вербами бить и приговаривать: „не я бью, верба бьётъ—вставайте, дѣти, и будьте здоровы!“

Вскочили мы, а у насъ, у каждаго, за кроватью заткнуто по вербочкѣ, съ румянымъ восковымъ херувимчикомъ! Херувимчики были похожи на Надю — такіе же толстухи!

Но вотъ что хорошо! На вербочкахъ ужъ есть пушистые барашки, а сегодня у насъ выставили первую раму!

Выставляется первая рама!
И въ комнату шумъ ворвался,
И благовѣсть ближняго храма,
И говоръ народа, и стужъ колеса.

Такъ ли вы провели Вербное Воскресенье? Что празднуется въ этотъ день?

Призывъ весны.

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостью, радостью,
Съ великою милостью: со льномъ высокимъ,
Съ корнемъ глубокимъ,
Съ хлѣбомъ обильнымъ!

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

Сегодня начали мы съ папашей говѣть: ходимъ къ заутренѣ, къ часамъ и къ вечернѣ. Священникъ въ черныхъ ризахъ. Когда онъ читаетъ молитву: „Господи, Владыко живота моего!“ всѣ кладутъ земные поклоны.

Солнышко каждый день работаетъ прилежно. Дороги испортились; снѣгъ проваливается; вездѣ лужи; лёдъ на рѣкѣ почернѣлъ; у береговъ полыньи; на припѣкѣ, какъ будто, зеленѣетъ травка; на деревьяхъ почки вздулись: въ водостокахъ шумятъ ручейки.

Какіе устѣхи сдѣлала ваша весна къ этому дню?

Весеннія воды.

Ещё въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ. Онѣ гласятъ во всѣ концы:
А воды ужъ весной шумятъ, «Мы молодой весны гонцы,
Бѣгутъ и будятъ сонный берегъ, «Она насъ выслала вперёдъ...
Бѣгутъ, и блещутъ, и гласятъ; «Весна идѣтъ! весна идѣтъ!»

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

Страстной четвергъ.

Вчера я исповѣдывался во второй разъ въ моей жизни. Со страхомъ пошелъ я за ширмочки, гдѣ сидѣлъ священникъ въ черной эпитрахили. Передъ нимъ, на налоѣ, лежали крестъ и Евангеліе.

Сегодня я приобщался и цѣлый день не бѣгалъ, а все сидѣлъ возлѣ бабушки и читалъ ей Евангеліе.

Вечеромъ мы ходили на Страсти. Священникъ посреди церкви читалъ, какъ страшно мучили Спасителя. Не даромъ, послѣ каждаго Евангелія, на клиросѣ славили долготерпѣніе Твое, Господи! Всѣ мы стояли съ зажженными свѣчами. Кончилъ священникъ тѣмъ, какъ похоронили Спасителя и приставили стражу къ Его гробу.

Трудно было выстоять всё двѣнадцать Евангелій; но я выстоялъ. Вечеръ былъ тихій, и мнѣ удалось безъ фонаря донести домой зажженную страстную свѣчу. Бабушка взяла у меня свѣчу и выжгла на дверяхъ кресты.

Такъ ли вы говѣли? такъ ли вы ходили на страсти?



Что нарисовано на этой картинкѣ?

Страстная пятница.

Сегодня я былъ на выносѣ плащаницы и ходилъ со свѣчою вокругъ церкви. День былъ ясный; солнышко сильно грѣло; птички носились у церковной крыши и весело щебетали. Свѣчи наши тихо теплились, и мнѣ

было какъ-то грустно, но пріятно слушать, какъ прекрасный Іосифъ обвилъ чистою плащаницею тѣло Спасителя.

Мы не прикладывались сегодня къ плащаницѣ, потому что не вытерпѣли — и утромъ напились чаю.

Снѣгъ ещё бѣлѣетъ кое-гдѣ въ тѣни; но на дворѣ у насъ совсѣмъ сухо и весело идти по сухой землѣ. На рѣкѣ только чернѣетъ бывшая дорога. Вотъ бы теперь по ней проѣхать! Переправы уже два дня нѣтъ. Милое солнышко! работай прилежнѣе: помни, что послѣ завтра праздникъ.

Какъ вы провожали плащаницу? Какіе устѣхи съдѣлала ваша весна?

Сегодня не таетъ, а завтра Богъ знаетъ. — Вѣтеръ снѣгъ съдѣлетъ. — Весна и осень на пѣгой кобылѣ ѣздятъ. — Весенній ледъ толстѣе, да простѣе; осенній тонкѣе, да цѣпокѣе.

Страстная суббота.

Рано утромъ, до чаю, ходили мы приложиться къ плащаницѣ. Утро было ясное, но маленькій морозъ затянулъ лужицы льдомъ. Я всякій разъ пробую ледокъ ногою: хочу помочь солнышку.

Плащаница лежитъ посреди церкви; кругомъ горятъ большія свѣчи. Кто это положилъ на плащаницу души-

стый вѣнокъ? По угламъ плащаницы вышиты золотомъ терновый вѣнокъ, трость и копье. Я знаю, зачѣмъ они здѣсь.

Я видѣлъ уже сегодня куличъ и пасху. Бабушка приготовила по пасочкѣ каждому изъ насъ, и всѣ подьрость; моя, конечно, больше всѣхъ.

Ахъ, какая радость! ледъ на рѣкѣ тронулся. Весело смотрѣть, какъ плывутъ громадныя льдины: шумятъ, сталкиваются, тѣсняются, взбираются одна на другую. Прощайте, льдинки, до будущаго года!

Такая ли у васъ въ церкви плащаница? Когда вскрывалась ваша гроба?



Что нарисовано на этой картинкѣ?

Свѣтлое Воскресенье.

Я рѣшился не спать эту ночь; но когда стемнѣло, братья и сестры заснули, то и я, сидя въ креслахъ, задремалъ, хоть и зналъ, что въ залѣ накрывали большой столъ чистою скатертью и разставляли пасхи, куличи, крашенки и много-много хорошихъ вещей.

Ровно въ полночь ударили въ соборѣ въ большой колоколь; въ другихъ церквахъ отвѣтили, и звонъ разлился по всему городу. На улицахъ послышалась ѣзда экипажей и людской говоръ. Сонъ мигомъ соскочилъ съ меня, и мы всѣ отправились въ церковь.

На улицахъ темно; но церковь наша горитъ тысячами огней и внутри, и снаружи. Народу валитъ столько, что мы едва протѣснились. Мамаша не пустила меня съ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви. Но какъ обрадовался я, когда наконецъ за стеклянными дверьми священники появились въ блестящихъ ризахъ и закрили: „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ!“ Вотъ ужъ именно изъ праздниковъ праздникъ!

Послѣ ранней обѣдни пошли святить пасхи, и чего только не было наставлено вокругъ церкви!

Мы воротились домой, когда уже разсвѣтало. Я похристосовался съ нашею нянею: она, бѣдняжка, больна и въ церковь не ходила. Потомъ всѣ стали разговляться; но меня одолѣлъ сонъ.

Когда я проснулся, яркое солнышко свѣтило съ неба и по всему городу гудѣли колокола.

Так ли вы встретили и провели Светлый Праздник?

Христосъ воскресъ.

Повсюду благовѣсть гудить,
Изъ всѣхъ церквей народъ валить:
Заря глядитъ уже съ небесъ...
Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!

* * *

Съ полей ужъ снятъ покровъ снѣговъ,
И рѣки рвутся изъ оковъ,
И зеленѣетъ ближній лѣсъ...
Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!

* * *

Вотъ просыпается земля,
И одѣваются поля...
Весна идетъ полна чудесъ!
Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!

Пчѣлка.

Только что по проталинкамъ весеннимъ показались ранніе цвѣточки, какъ изъ царства воскового, изъ душистой келейки медовой вылетаетъ первая пчѣлка. Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ о красной веснѣ развѣдать: скоро-ли луга зазеленѣютъ, распустятся клейкіе листочки, зацвѣтѣтъ черемуха душиста?

Ласточка.

Травка зеленѣетъ, Ласточка съ весной
Солнышко блеститъ; Въ сѣни къ намъ летитъ.

Съ нею солнце краше, Дамъ тебѣ я зѣренъ;
И весна милѣй... А ты пѣсню спой,
Прощебечъ съ дороги. Что изъ странъ далѣкихъ
Намъ привѣтъ скорѣй! Принесла съ собой.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

(Радоница).

Бабушка и мамаша взяли меня и двухъ сестѣрь на кладбище. Тамъ, подъ крестами, много спитъ нашихъ родныхъ: тамъ и моя сестрѣнка — Лиза. Какъ обросла травой ея маленькая могилка!

Повсюду проглянули желтые одуванчики, а длинныя космы плакучихъ березъ будто осыпаны зелѣнымъ пухомъ. Пташки носятся и щебечутъ: та тащитъ соломенку, та пѣрышко — видно принялись онѣ вить гнѣзда. За кладбищемъ крестьяне уже пахутъ яровое поле.

Что такое Радоница? Устѣхи вашей весны къ этому дню?

Пѣсня пахаря.

Ну, тащися, сивка, пашней-десятиной! Выбѣлимъ желѣзо о сырую землю. Красавица зорька въ небѣ загорѣлась, изъ большаго лѣса солнышко выходитъ. Весело на пашнѣ! Ну, тащися, сивка!... Я самъ-другъ съ тобою, слуга и хозяинъ. Весело я лажу борону и соху, телѣгу готовлю, зѣрна насыпаю. Весело гляжу я на гумно, на скирды, молочу и вѣю. Ну, тащися, сивка!... Пашенку

мы рано съ сивкою распашемъ: зёрнышку сготовимъ колыбель святую. Его вспоить, вскормить мать земля сырая; выйдетъ въ полѣ травка... Ну, тащися, сивка!... Выйдетъ въ полѣ травка, выростетъ и колосъ: станетъ спѣть, рядиться въ золотыя ткани. Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь, зазвенятъ здѣсь косы: сладокъ будетъ отдыхъ на снопахъ тяжѣлыхъ! Ну, тащися, сивка!... Накормлю до-сыта, напою водою, водою ключевою. Съ тихою молитвой я вспашу, посею: уроди мнѣ, Боже, хлѣбъ—мое богатство!

Орель и ворона.

Жила была на Руси ворона, съ няньками, съ мамками, съ малыми дѣтками, съ ближними сосѣдками. Прилетѣли гуси, лебеди, нанесли яицъ; а ворона стала ихъ обижать, стала у нихъ яички таскать.

Случилось сычу мимо летѣть, и видитъ онъ, что ворона птицъ обижаетъ, полетѣлъ и сказалъ орлу: „Батюшка, сизый орель! дай намъ праведный судъ на воровку ворону“.

Сизый орель послалъ за вороной лёгкаго посла, воробья. Воробей полетѣлъ, захватилъ ворону; она было упираться, а онъ давай ее пинками, и поволокъ-таки къ орлу.

Вотъ сталъ орель ворону судить: „Ахъ ты, воровка ворона, глупая голова! Про тебя говорятъ, что ты на

чужое добро ротъ разѣваешь: у большихъ птицъ яйца таскаешь.“

— Напралина, батюшка, сизый орель, напралина! Это все слѣпой сычъ: старый хрычъ, про меня навралъ. „Про тебя сказываютъ, говоритъ орель: что выйдетъ мужикъ съять, а ты выскочишь со всѣмъ своимъ содомомъ—и ну разгребать.“

— Напралина, батюшка, сизый орель, напралина! „Да еще сказываютъ: станутъ бабы снопы класть, а ты со всѣмъ своимъ содомомъ выскочишь—и ну снопы ворошить“.

— Напралина, батюшка, сизый орель, напралина! Осудилъ орель ворону въ острогъ посадить.

Весеннее утро пахаря.

Весеннее солнце взошло надъ землѣй; пахарь ужъ въ поле идѣть за сохой. Тихо идѣть онъ и громко поѣтъ: „Кто-то весною, какъ пахарь, живѣтъ!“

Пахарь и цвѣтокъ.

Цвѣтокъ смиренный полевой!
Въ недобрый часъ ты встрѣченъ мной.
Какъ вѣлъ я плугъ, твой стебелёкъ
 Былъ на пути...
Краса долины! я не могъ
 Тебя спасти.

* *
*

Ты скромно въ зелени мелькаль,
 Какъ синенькй глазокъ; ты ждалъ
 Привѣта солнышка—и вдругъ,
 Тебя свосилъ мой острый плугъ
 И погубилъ.

Орелъ и кошка.

За деревней весело играла кошка со своими котятами. Весеннее солнышко грѣло и маленькая семья была очень счастлива. Вдругъ, откуда ни возьмись—огромный степной орелъ: какъ молнія, спустился онъ съ вышины и схватилъ одного котѣнка. Но не успѣлъ еще орелъ подняться, какъ мать вцѣпилась уже въ него. Хищникъ бросилъ котѣнка и схватился со старой кошкой. Закипѣла битва на смерть.

Могучія крылья, крѣпкй клювъ, сильныя лапы съ длинными, кривыми когтями давали орлу большое преимущество: онъ рвалъ кожу кошки и выклевалъ ей одинъ глазъ. Но кошка не потеряла мужества, крѣпко вцѣпилась въ орла когтями и перекусила ему правое крыло.

Теперь уже побѣда стала клониться на сторону кошки, но орелъ всё ещё былъ очень силенъ, а кошка уже устала; однако же она собрала свои послѣднія силы, сдѣлала ловкй прыжокъ и повалила орла на землю. Въ ту же минуту откусила она ему голову и, забывъ свои собственныя раны, принялась облизывать своего израненнаго котѣнка.

Сравните орла съ кошкой.

Вечерняя заря весной.

Слети къ намъ, тихй вечеръ, Какъ тихо всюду стало,
 На мирныя поля; Какъ воздухъ охладѣлъ!
 Тебѣ поемъ мы пѣсню, И въ ближней рошѣ звонко
 Вечерняя заря, Ужъ соловей пропѣлъ,
 Темнѣеть ужъ въ долинѣ, Слети-жь къ намъ, тихй вечеръ,
 И ночи близокъ часъ: На мирныя поля!
 На маковѣ березы Тебѣ поемъ мы пѣсню,
 Послѣднй лучъ угасъ. Вечерняя заря!

**Въ потѣ лица твоего будешь ты вѣтъ хлѣбъ
 твой!**

Земля кормить человѣка, но кормить не даромъ. Много должны потрудиться люди, чтобы поле, вмѣсто травы, годной только для скота, дало рожь для чѣрнаго хлѣба, пшеницу для булки, гречу и просо для каши.

Сначала земледѣлецъ пашетъ поле *сохою*, если не нужно пахать глубоко, или *плугомъ*, если пашетъ *новину*, или такое поле, что его пахать нужно глубже. Соха легче плуга и въ неѣ запрягаютъ одну лошадку. Плугъ гораздо тяжелѣе сохи, берѣтъ глубже, и въ него впрягаютъ нѣсколько паръ лошадей или воловъ.

Вспахано поле; всё оно покрылось большими глыбами земли. Но этого еще мало. Если поле новое, или земля сама по себѣ очень жирна, то *навозу* не надобно; но если на *нивтѣ* что-нибудь уже было сѣяно и она истощилась, то еѣ надобно удобрить навозомъ.

Навозъ вывозятъ крестьяне на поле осенью или весною и разбрасываютъ кучками. Но въ кучахъ навозъ мало принесётъ пользы: надобно его запахать сохою въ землю.

Вотъ навозъ перегнилъ; но сѣять всё еще нельзя. Земля лежитъ комьями, а для зёрнышка надобно мягкую постельку. Выѣзжаютъ крестьяне на поле съ зубчатыми боровами: боронятъ, пока всё комья разобьются, и тогда только начинаютъ сѣять.

Сѣютъ или весною, или осенью. Осенью сѣютъ *озимый* хлѣбъ: рожь и озимую пшеницу. Весною сѣютъ яровой хлѣбъ: ячмень, овёсъ, просо, гречиху и яровую пшеницу.

Озимь всходитъ еще съ осени, и когда на лугахъ трава уже давно пожелтѣла, тогда озимыя поля покрываются всходами, словно зелёнымъ бархатомъ. Жалко смотрѣть, какъ падаетъ снѣгъ на такое бархатное поле. Молодые листочки озими подъ снѣгомъ скоро вянутъ; но тѣмъ лучше растутъ корешки, кустятся и глубже идутъ въ землю. Всю зиму просидитъ озимь подъ снѣгомъ, а весною, когда снѣгъ сойдетъ и солнышко пригрѣетъ, пуститъ новые стебельки, новые листики, крѣпче, здоровѣе прежнихъ. Дурно только, если начнутся морозы прежде, чѣмъ ляжетъ снѣгъ; тогда, пожалуй, озимь можетъ вымерзнуть. Вотъ почему крестьяне боятся морозовъ безъ снѣгу, и не жалѣютъ, а радуются, когда озимь прикрывается на зиму толстымъ снѣжнымъ одѣяломъ

Какъ обрабатываютъ и сплотъ хлѣбъ?

Поле и школа.

Люди пахутъ поле, зерномъ посыпаютъ; дѣти ходятъ въ школу слово Божье слушать. Зёрнышко ложится въ мягкую землю: слово Божье входитъ въ души молодыхъ. Дождёмъ землю смочить, солнышкомъ пригрѣть: умнымъ словомъ, лаской душу согрѣваютъ. Подъ землёй, въ потёмкахъ не улежать зёрна: не загинетъ въ сердцѣ доброе ученье. Выглянуть посѣвы яриной зелёной: скажется ученье умными рѣчами. Поле обольётся жатвой золотистой: взойдетъ Божье слово добрыми дѣлами. Господи, пошли намъ въ пору дождь и ведро! Отче, возрасти въ насъ сѣмена благія!

Сравните то, что дѣлается на полѣ, съ тѣмъ, что дѣлается въ школѣ.

Посѣвъ льна.

Ужъ я сѣяла, сѣяла ленокъ,	Я полола-полола ленокъ,
Я сѣяла, приговаривала,	Я полола, приговаривала,
Чеботами приколачивала:	Чеботами приколачивала...
Ты удайся, удайся, ленокъ!	(Повторяется тотъ же припевъ).
Ты удайся, мой бѣленькій ле-	* * *
нокъ!	Ужъ я дѣргала-дѣргала ленокъ,
Лѣнь мой, лѣнь!	Я дѣргала, приговаривала,
Бѣлый лѣнь!	Чеботами приколачивала...

* *

* *

Ужь я стлала, я стлала ленокъ, Чеботами приколачивала...
 Ужь я стлала, приговаривала, * * *
 Чеботами приколачивала... Я чесала-чесала ленокъ,
 * * * Я чесала приговаривала...
 Я сушила-сушила ленокъ, Чеботами приколачивала...
 Я сушила приговаривала, * * *
 Чеботами приколачивала, Ужь я пряла-то, пряла ленокъ,
 * * * Ужь я пряла, приговаривала,
 Ужь я мяла-то, мяла ленокъ, Чеботами приколачивала,
 Ужь я мяла приговаривала, Ты удайся, удайся ленокъ!
 Чеботами приколачивала... Ты удайся, мой бѣленькій
 * * * ленокъ!
 Я трепала-трепала ленокъ, Лѣнь мой, лѣнь!
 Я трепала, приговаривала, Бѣлый лѣнь!

Обезьяна.

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой надъ полосой своей трудился; трудился такъ крестьянинъ мой, что градомъ потъ съ него катился: мужикъ работникъ былъ прямой. За то кто мимо ни проходитъ, отъ всѣхъ ему: спасибо, исполать! Мартышку это въ зависть вводитъ. Хвалы приманчивы — какъ ихъ не пожелать! Мартышка вздумала трудиться: нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться! Хлопотъ Мартышкѣ полонъ ротъ: чурбанъ она то понесётъ, то такъ, то сякъ его обхватить, то поволочить, то покатить; рѣкой съ бѣдняжки льётся потъ, и наконецъ она, пыхтя, насилу дышетъ; а всё ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.

И не диковинка, мой свѣтъ! Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.



*Что нарисовано на этой картинкѣ?
 Не приходитъ Вознесенье въ среду, а въ четвергъ.*

Май.

Дождались мы свѣтлаго мая;
 Цвѣты и деревья цвѣтутъ;
 И по небу синему, тая,
 Румяныя тучки плывутъ.

Троицынъ день.

Рано мы проснулись сегодня. Мы знали, что у насъ на дворѣ цѣлый возъ молоденькихъ берёзокъ и что надобно разставлять ихъ и по двору, и на воро-

тахъ и на крыльцѣ, и въ комнатахъ по угламъ, и за образами, гдѣ еще торчатъ высохшія вербочки. Чуть-чуть накрапываетъ весенній тёплый дождикъ, отчего липкіе листочки на берѣзѣ ещё ярче и душистѣй. Правду говорятъ, что Троицынъ день—зелёный праздникъ.

Мнѣ и двумъ старшимъ сёстрамъ поручили нарвать букеты въ церковь; я наломалъ душистой сирени. и нашёл одно *счастье* о девяти листочкахъ.

Въ церкви на полу набросана трава, свѣжія вѣтки нависли на образа. У всѣхъ въ рукахъ цвѣты или хоть какая-нибудь вѣточка. У одной бѣдной дѣвочки не было ничего. Костя отдалъ ей свой букетъ. Какой добрякъ, нашъ маленькій Костя!

Завтра Духовъ день, а сегодня гремѣлъ первый громъ.

Какъ вы провели Троицынъ день? Что празднуется въ Духовъ день?

Весенняя гроза.

Люблю грозу въ началѣ мая, И солнце нивы золотить.
 Когда весенній первый громъ, Съ горы бѣжитъ потокъ про-
 Какъ-бы рѣзвися и играя, ворный,
 Грохочетъ въ небѣ голубомъ. Въ лѣсу не молкнетъ птицій
 Гремятъ раскаты молодые... гамъ,
 Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль И гамъ лѣсной, и шумъ на-
 летить. горный,
 Повисли перлы дождевые, Все вторить весело громамъ...

Майское утро.

Утро свѣжестью пахнуло; поле зеленью одѣто; сквозь волнистые туманы улыбнулось уже лѣто.

Выхожу я въ лѣсъ сосѣдній; тамъ, подъ зеленью тѣнистой, ужъ разцвѣлъ питомецъ мая—ландышъ бѣлый и душистый.

И кругомъ ковѣръ зелёный, въ золотистыхъ переливахъ; и роса въ алмазныхъ капляхъ—на деревьяхъ и на нивахъ.

Лѣто.

Лѣтомъ.

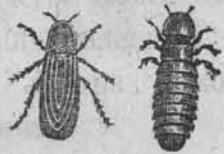
Всю щедрую руку Создатель открылъ,
 И рощи, и нивы богатствомъ залилъ.
 Одѣты деревья, одѣты кусты,
 Кругомъ по травѣ зацвѣтели цвѣты.
 Привольно стадамъ на зелёныхъ лугахъ;
 Привольно и рыбкѣ въ прохладныхъ струяхъ.
 Въ садахъ между листьявъ желтѣютъ плоды
 И пахаря зрѣютъ на нивахъ труды.
 Въ лугу ужъ звенитъ и сверкаетъ коса,
 А въ рощицѣ птички твердятъ голоса:
 «Какъ славно здѣсь, мальчикъ, въ прохладной тѣни!
 «Иди къ намъ скорѣй, на травѣ отдохни;
 «Послушай, какую мы пѣсню поёмъ,
 «Какъ щедрому лѣту хвалу воздаемъ».
 — «Не лѣто хвалите», имъ мальчикъ сказалъ:
 «Хвалите Того вы, Кто лѣто вамъ далъ!»



Ивановскій червячокъ.

Насталъ Ивановъ день, и свѣтлякъ зажгъ свой фонарикъ. Словно зелёная звѣздочка блеститъ онъ въ темнотѣ и падаетъ съ травки на травку.

— Поймаемъ его и положимъ въ стаканъ съ травой. Отчего же это свѣтлякъ потушилъ свой фонарикъ? Не задавили ли мы бѣдняка? Нѣтъ, онъ только испугался; а вотъ теперь опять засвѣтилъ попрежнему. Оставимъ же его на ночь въ покоѣ, а завтра рассмотримъ хорошенько.



— Какъ некрасивъ этотъ червякъ днёмъ! А ночью можно было подумать, что онъ брильянтовый. Его коричневое тѣльце сверху плоско, снизу выпукло: всё состоитъ изъ одиннадцати колецъ. Колечки будто вдѣты одно въ другое. Подъ верхнимъ кольцомъ, какъ подъ щиткомъ, прячется головка съ чёрными усиками, съ большими чёрными глазками. Да это насѣкомое, а не червякъ: у него шесть чёрненькихъ ножекъ. Видите-ли вы эти бѣлыя пятнышки на заднихъ трехъ колечкахъ? Вотъ эти-то пятнышки и свѣтятъ въ темнотѣ.

Крылышекъ нѣтъ у нашего свѣтляка — это самочка; но у самца есть и крылышки, и тёмныя, твердыя надкрылья, какъ у всякаго жучка. Самчикъ также свѣтитъ; но онъ летаетъ отлично, и его поймать не легко.

Самка свѣтляка приклеиваетъ свои крошечныя яички

къ травинкѣ. Изъ яичекъ выходятъ личинки, очень похожія на мать; а къ Иванову дню жучокъ готовъ и зажигаетъ свой фонарикъ.

Опишите свѣтляка: расскажите его превращенія.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

29-го іюня.

Сегодня у меня не одинъ праздникъ, а много: я именинникъ; вчера въ нашей школѣ былъ публичный актъ и мнѣ подарили книгу; сегодня начались каникулы; завтра мы ѣдемъ въ деревню, — а въ деревнѣ-то зелень, цвѣты, поля, рожи, птички, ягоды! Я знаю, что какъ мы приѣдемъ въ деревню, такъ и отправимся съ папашей на сѣнокосъ. Вотъ гдѣ повеселюсь-то я вволю! Не забыть бы купить удочекъ.

Какихъ святыхъ память празднуется 29 іюня? Какъ вы провели ваши каникулы?

На лугу лѣтомъ.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній.)

„Сегодня, дѣти, мы всё ѣдемъ на сѣнокосъ“, сказалъ намъ недавно отецъ — и мы такъ раскричались и разбѣгались, что насъ насилу уняли. Я приготовилъ удочки для рыбы и сачки для раковъ, дѣвочки — корзинки для ягодъ, и послѣ обѣда вся наша семья отправилась на двухъ телѣгахъ.

Часа черезъ два ѣзды по узкимъ просёлкамъ, а подъ конецъ и вовсе безъ дороги, добрались мы до своего заливнаго сѣнокоса на берегу Десны.

Когда мы приѣхали, солнце уже садилось за мѣловыя горы, но работа ещё кипѣла по всему лугу; а лугъ-то лугъ—и глазомъ не окинешь!

Косари въ бѣлыхъ рубахахъ дружно наступали на высокую траву, и за каждымъ быстро вытягивалась позади зелёная грядка. Подальше—крестьянки съ пѣснями сгребали въ копны сѣно, а у ольховой рощи уже складывался стогъ: два работника стояли на верху ростущаго стога и искусно складывали сѣно, а двое другихъ подавали имъ его на вилахъ. Мальчики на лошадакахъ подтаскивали къ стогу новыя копны, зацѣпивъ ихъ верёвкой; двѣ собачёнки барахтались въ сѣнѣ. Весело разносились въ воздухѣ пѣсни, смѣхъ, говоръ, лай собакъ и звонъ косы подъ ударами точильной лопатки, набитой пескомъ.

Но вотъ солнце сѣло; стало темнѣть; на западѣ разгорѣлась заря: журавли съ крикомъ пронеслись въ вышинѣ; пролетѣла вереница дикихъ утокъ на ночлегъ; въ ближнемъ озерѣ, что осталось послѣ разлива, хоромъ заквакали лягушки; ночные кузнечики затрещали.

Работы прекратились. На берегу запылали костры, отражаясь въ водѣ; чѣрные котлы повисли надъ огнями, а вокругъ ихъ задвигались люди, точно громадные тѣни.

Молодые ребята отправились съ огнёмъ шупать ра-

ковъ; одинъ удалецъ взялъ въ руки двѣ горящія голловни и прокатился съ ними огненнымъ колесомъ по скошенному лугу. Палатки наши разбили и мы, набѣгавшись вволю, уснули на душистомъ сѣнѣ. Я попросилъ разбудить себя пораньше: утромъ рыба лучше клюётъ.

Что вы видѣли на сѣнокосѣ? расскажите и сравните съ тѣмъ, что прочли.

Сѣновосъ.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами;	Въ ожиданьи конь убогій,
Пѣсней душу веселя,	Точно вепаный, стоитъ:
Бабы съ граблями, рядами	Уши врознь, дугою ноги,
Ходятъ сѣно шевеля.	И, какъ будто, стоя, спитъ.
Тамъ сухое убираютъ:	Только жучка удалая,
Мужички его кругомъ	Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ
На возъ вилами кидаютъ...	волнахъ,
Возъ растётъ, растётъ, какъ	То взлетая, то ныряя,
домъ.	Скачетъ лая впопыхахъ.

Пѣсня косаря.

Раззудись плечо!	Подкшеная;
Размахнись рука!	Поклонись двѣты
Ты пахни въ лицо	Головой землѣ!
Вѣтеръ съ полудня;	Наряду съ травой
Освѣжи, взволнуй	Вы засохнете.
Степь просторную!	Нагребу копѣнь,
Зажужжи коса,	Намечу стоговъ;
Засверкай кругомъ!	Дастъ возачка мнѣ
Зашуми трава,	Денегъ пригоршни.

Рыбка.

Жарко... а въ рѣчкѣ, въ прибрежной тѣни, рѣзвые рыбки стадами гуляютъ; въ свѣжихъ струяхъ такъ свободно онѣ ищутъ добычи, иль вольно играютъ. Вонъ посмотрите, какъ рыбка одна бойко рѣзвится у самаго дна.

Рыбочка-рыбочка, пожалуй рѣзвись, только стального крючка берегись: съ удочкой мальчикъ подѣ ивой сидитъ и за лесою прилежно слѣдитъ.

Рыбкѣ не видѣнъ коварный крючокъ: лакомый вѣтается на нѣмъ червячокъ. Быстро схватила насадку она, съ нею нырнула до самаго дна. Мальчикъ проворно бѣдняжку подсѣкъ, дернулъ... Ну, рыбка, твой кончился вѣкъ!

Ивушка.

Ивушка, ивушка, зелѣная моя!

Что же ты, ивушка, не весела стоишь?

Или тебя, ивушку, солнышкомъ печётъ;

Солнышкомъ печётъ, частымъ дождичкомъ сбѣтётъ;

Подѣ корешкомъ влючева вода течётъ?

* * *

Вѣхали бояре изъ Новагорода:

Срубили ивушку подѣ самый корешокъ;

Стали они ивушку потѣсывать;

Сдѣлали изъ ивушки два весла,

Два весла, третью лодочку;

Сѣли въ лодочку, поѣхали домой.

Взяли, подхватили меня, молодца, съ собой.

Ворона и ракъ.

Летѣла ворона надѣ озеромъ; смотритъ—ракъ ползѣтъ: цапъ его! сѣла на вербѣ и думаетъ закусить. Видитъ ракъ, что приходится пропадать, и говоритъ: „ай ворона! ворона! зналъ я твоего отца и мать, что за славныя были птицы!“ — Угу! говоритъ ворона, не раскрывая рта. „И сестѣрь, и братьевъ, твоихъ зналъ—отличныя были птицы!“—Угу! опять говоритъ ворона. — „Да хоть хорошия были птицы, а всё же далеко до тебя“.—Ага! каркнула ворона во весь ротъ и уронила рака въ воду.

Левъ и лягушка.

Слышитъ левъ кваканье лягушки и думаетъ: „большой, должно быть, зѣръ кричитъ“. Выскочила лягушка изъ болота, и левъ нечаянно раздавилъ ее лапой.

До солнца пройди три покоса, ходитъ будешь не босо.—Снѣгу надуетъ, хлѣба прибудетъ: вода разольется, сѣна наберется.

Лягушка и волъ.

Лягушка, на лугу увидѣвши вола, затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться. Она завистлива была—

и ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться. „Смотри-ка, квакушка, что буду ль я съ него?“ подругѣ говорить. — „Нѣтъ, кумушка, далеко!“ — Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко... Ну, каково? пополнилась ли я?“ — „Почти что ничего“. — Ну, какъ теперь?“ — „Всѣ тожѣ“. Пыхтѣла, да пыхтѣла, и кончила моя затѣйница на томъ, что, не сравнявшись съ воломъ, съ натуги лопнула и—околѣла.

Волчьи слезы.

Провѣдалъ волкъ, что у пастуха пало все стадо; пришелъ къ нему со слезами на глазахъ и говоритъ: „жаль мнѣ тебя, добрый человекъ!“ Посмотрѣлъ пастухъ на волчьи слезы и молвилъ: „Спасибо, кумъ! Но кто тебя знаетъ, отчего ты плачешь: оттого ли, что тебѣ жаль меня, или оттого, что тебѣ самому нечѣтъ теперь поживиться?“

Лѣтнее утро.

Почка укатила за лѣса, за горы; утренней прохладой въ воздухѣ пахнуло; сѣрые туманы поднялись въ лощинахъ; звѣздочки поднялись одна за другою. Молодикъ рогатый поблѣднѣлъ и меркнетъ; съ высоты небесной видитъ онъ, что тучки всѣ бѣгутъ къ востоку и, завидѣвъ солнце, въ пурпуръ золотистый, въ серебристы ткани спѣшать нарядиться.

Вотъ и показалось! Весело и бодро на небо всплы-

ваетъ солнце золотое. Яркими лучами будить оно рѣчку, поле, лугъ и рощу; будить птицъ на вѣткахъ, будить звѣря въ чащѣ; будить и букашку, что во мху зелѣномъ заспалась немного. Говорить всѣмъ кротко солнце золотое: „отдохнули, полно—пора и за дѣло!“

За ночь всѣ вздохнуло отъ денной работы: и поля, и нивы подъ росой студѣной полны новой силы, свѣжи, серебристы. Листья на деревьяхъ, травка на покосахъ, колосокъ на полѣ... всѣ приободрилось. Пташки пробудились, стали голосистѣй, веселѣй за дѣло прежнее берутся. Коротка ночь лѣтомъ, да богата силой!

Дѣточки проснулись, кинули постельки; вволю отдохнули члены молодые; ножки хотятъ бѣгать; ручки просятъ дѣла; въ головкахъ кудявыхъ, словно пчѣлки въ ульяхъ, мыслишки роятся. Дѣточки одѣлись, студѣной водицей личики умыли; Богу помолились, въ школу собрались. Вотъ бѣгутъ, щебечутъ, словно птички въ полѣ; весело берутся за свои дѣлишки. Солнце смотреть съ неба на прилежныхъ дѣтокъ, говорить имъ кротко: „помогай вамъ, Боже!“

Путешествіе воды.

1. Кому только не нужна вода! И травкѣ, и звѣрю, и птицѣ, и человекъ. Вотъ почему Богъ наполнилъ водою большія моря и океаны.

Но въ моряхъ вода горькая и солѣная, да не всѣ

и живутъ у самаго моря. Какъ же очистить воду? Какъ перенести её за тысячи верстъ? Какъ поднять на высокія горы?

Работу эту задалъ Господь прилежному солнышку. Своими тёплыми лучами передѣлываетъ солнышко воду въ лёгкіе пары. Водяные пары оставляютъ соль въ морѣ, поднимаются кверху и кажутся намъ серебряными облаками на голубомъ небѣ.

2. Подымутся пары облаками; но не стоятъ же имъ надъ моремъ! Выходитъ тутъ на работу вѣтеръ и разноситъ громадныя облака, какъ лёгкія пѣрышки, во всѣ стороны свѣта бѣлаго. Въ каждомъ такомъ облакѣ такъ много воды, что если бы она вся разомъ хлынула на землю, то затопила бы города, сѣла, людей и животныхъ. Но Господь устроилъ дѣло иначе: вода изъ облаковъ сѣется, какъ сквозь сито, мелкими каплями дождя, или замерзаетъ, и летитъ пушистыми снѣжинками.

3. Освѣжить вода луга и нивы, и начнетъ просачиваться въ землю. Въ землѣ, капля за каплей, собираетъ она въ маленькія струйки. Струйка льнётъ къ струйкѣ, и вотъ пробьются онѣ изъ-подъ земли свѣтлымъ, холоднымъ ключомъ. Бьётъ ключъ и льётся по землѣ ручейкомъ. Пророетъ себѣ ручейкъ русло въ землѣ и бѣжитъ, журчитъ по камешкамъ: встрѣтитъ съ своимъ братомъ, такимъ же говорливымъ ручейкомъ — сольются и побѣгутъ вмѣстѣ. Бѣгутъ они вмѣстѣ; а къ нимъ по дорогѣ пристаётъ третій, четвёртый, пятый товарищъ...

Глядишь! уже порядочная рѣчка течётъ въ зелёныхъ берегахъ. Поить рѣчка людей и животныхъ, освѣжаетъ растенія на лугахъ, вертитъ мельничныя колёса, носить бревенчатые плоты и лёгкія лодки; а въ ея прохладныхъ струяхъ уже играютъ весёлыя рыбки, блестя серебрястою чешуёю.

4. Бѣжитъ рѣчка, встрѣчается съ другою — сольются и побѣгутъ вмѣстѣ. Къ нимъ по дорогѣ пристанетъ третья, четвёртая... И вотъ огромная рѣчка, со множествомъ притоковъ, пробѣгаетъ изъ края въ край большое государство или десятки малыхъ. Плывутъ по рѣкѣ тяжёлыя барки, нагруженныя до верху товаромъ; шумятъ пароходы; а на берегахъ стоятъ промышленныя сѣла и торговые города, одинъ багаче другаго. Несётъ рѣчка большія богатства изъ страны въ страну, въ далёкое море, и вноситъ въ него своимъ широкимъ устьемъ уже не маленькія лодки, а большіе корабли, одѣтые парусами, словно крыльями.

Много воды вливаетъ рѣчка въ море, а солнце всё работаетъ: опять подымаетъ воду въ облака и разсылаетъ её по цѣлому свѣту.

Льются вѣчно рѣчки въ моря и никакъ вылиться не могутъ; черпаетъ вѣчно солнышко воду изъ морей и никакъ вычерпать не можетъ: такъ премудро устроилъ это дѣло Создатель!

Разскажите по порядку, какъ путешествуетъ вода.

Крестьянинъ и рѣка.

Крестьяне, вышедъ изъ терпѣнья отъ разоренья, что рѣчки имъ и ручейки при водопольѣ причиняли, пошли просить себѣ управы у рѣки, куда ручьи и рѣчки тѣ впадали. И было что на нихъ донести! Гдѣ озими разрыты; гдѣ мельницы посорваны и смыты; потоплено скота, что и не счесть! А та рѣка течётъ такъ смирно, хоть и пышно; на ней стоятъ большіе города, и никогда за ней такихъ проказъ не слышно: „такъ, вѣрно, ихъ она уймётъ,“ между собой крестьяне разсуждали. Но что жъ? Какъ подходить къ рѣкѣ поближе стали и посмотрѣли, такъ узнали, что половину ихъ добра по ней несётъ.

Гуси и журавли.

Гуси и журавли паслись вмѣстѣ на лугу. Вдали показались охотники. Легкіе журавли снялись и улетѣли, а тяжелые гуси остались и были перебиты.

На полѣ лѣтомъ.

Весело на полѣ, привольно на широкомъ! До синей полосы далекаго лѣса точно бѣгутъ по холмамъ разноцвѣтныя нивы. Волнуется золотистая рожь; вдыхаетъ она крѣпительный воздухъ. Синѣетъ молодой овесъ; бѣлѣетъ цвѣтущая гречиха съ красными стебельками, съ бѣлорозовыми, медовыми цвѣточками. Подальше отъ дороги запрятался кудрявый горохъ, а за нимъ блѣднозелѣная полоска льна съ голубоватыми глазками. На другой сторонѣ дороги чернѣютъ поля подъ струящимся паромъ.



Жаворонокъ трепещется надъ рожью, а острокрылый орѣль зорко смотритъ съ вышины: видитъ онъ и крикливую перепѣлку въ густой ржи, видитъ онъ и полевую мышку, какъ она спѣшитъ въ свою нору съ зернышкомъ, упавшимъ изъ спѣлаго колоса.

Повсюду трещатъ сотни невидимыхъ кузнечиковъ, а по дорогѣ на двухъ волахъ ползётъ скрипучій возъ съ новымъ сѣномъ и наполняетъ воздухъ благоуханіемъ.

Что сами вы видѣли лѣтомъ на полѣ? Сравните.

Горохъ завидное дѣло. — Государыня гречиха стоитъ боярней, а хватитъ морозомъ—веди на калчій

дворъ.—*Не вѣрь гречихѣ въ цвѣту, а вѣрь въ закрому.—
Ленъ двѣ недѣли цвѣтетъ, четыре спѣетъ, на седьмую
сымя летитъ.—На дорогѣ грязь—такъ овесъ князь.*

Н и в а.

Нива моя, нива,	Надъ тобою туча
Нива золотая!	Грозно пронесётся.
Зрѣешь ты на солнцѣ,	Зрѣешь ты и спѣешь,
Колосъ наливая,	Колосъ наливая,
По тебѣ отъ вѣтру,	О людскихъ заботахъ
Словно въ синемъ морѣ,	Ничего не зная.
Волны такъ и ходятъ,	Унеси ты, вѣтеръ,
Ходятъ на просторѣ;	Тучу градовую!
Надъ тобою съ пѣсней	Сбереги намъ, Боже,
Жаворонокъ вѣтса,	Ниву трудовую!

О р е л ь.



Орѣль сизокрылый
всѣмъ птицамъ царь.
Вѣтъ онъ гнѣзда на
скалахъ да на старыхъ
дубахъ; летаетъ высо-
ко, видитъ далѣко, на
солнце, не мигаючи,
смотреть.

Носъ у орла сер-
помъ, когти крючкомъ;
крылья длинныя; грудь
на выкатъ-молодецкая.

Въ облакахъ орѣль носится: добычу сверху высма-
триваетъ. Налетаетъ онъ на утку шелохвостую, на гуся
краснолапаго, на кукушку обманщицу—только пѣрушки
посыплются.

Сравните орла съ курицей.

Соколы въ клѣткѣ.

Растужится, расплachtetся младъ ясенъ-соколы, си-
дючи-то въ клѣточкѣ, на серебряной напѣсточкѣ. Жа-
лобу-то творитъ младъ-ясенъ соколы на крылышки, на
правильныя свои пѣрушки: „Ой вы крылья мои, крылышки,
вы правильныя мои пѣрушки! уносили меня крылышки,
и отъ вѣтру, и отъ вихря, отъ частаго дождя, отъ осен-
няго; только не унесли вы меня, крылышки, отъ невесѣлой
отъ неволюшки—отъ золотой отъ клѣточки, отъ серебря-
ной отъ напѣсточки!

З а с у х а.

Было сухое лѣто. День за днёмъ вставало солнце на
бозоблачномъ небѣ. Пыль столбомъ стояла по дорогамъ.
Земля затвердѣла, какъ камень, и стала трескаться. Ру-
чейки пересохли. Цвѣты печально опустили головки,
трава пожелтѣла; молодая рожь блѣкнетъ. Съ грустью
смотреть земледѣлецъ на своё поле и думаетъ; „Господи!
я всё сдѣлалъ, что было въ моей власти: глубоко вспа-
халъ я ниву, прилежно взборонилъ её частую борсною,

засѣялъ полными сѣменами — теперь да будетъ Твоя святая воля!»

Что сдѣлала засуха?

Какъ въ маѣ дождь, такъ будетъ и рожь. — Постеешь крупнымъ зерномъ, будешь съ хлѣбомъ и виномъ. — Не земля хлѣбъ родитъ, а небо. — Не поле родитъ, а нива.

Нища растений.

Появились облачки на свѣтломъ небѣ, взгромоzdились они въ темныя тучи; а къ вечеру освѣжающій дождь напоилъ и луга, и нивы. Повеселѣли поблѣкшія полевые растенія; невидимо потянули они своими тоненькими корешками питательные соки изъ размякшей почвы. Трава зазеленѣла; цвѣты приподняли головки; яркіе листья на деревьяхъ жадно впиваютъ влажный воздухъ. Весело заколыхались на нивахъ и рожь, и ячмень, и пшеница! стали быстро наливаться зѣрнышки въ усастыхъ колосьяхъ.

Чѣмъ питаются растенія? почему имъ нуженъ дождь?

Рожь двѣ недѣли зеленится, двѣ недѣли колосится, двѣ недѣли отцвѣтаетъ, двѣ недѣли наливаетъ, двѣ недѣли подсыхаетъ.

Урожай.

Посмотрю-пойду	Словно Божій гость,
Полюбуюся,	На всѣ стороны
Что послалъ Господь	Дню весѣлому
За труды людямъ:	Улыбается;
Выше пояса	Вѣтерокъ по ней
Рожь зернистая	Плывётъ-лоснится,
Дремлетъ колосомъ	Золотой волной
Почти до земли;	Разбѣгается.

Кто деретъ носъ къверху.

Спросилъ мальчикъ отца: „скажи мнѣ, тятя, отчего это иной колосъ такъ и гнется къ землѣ, а другой — торчмя торчитъ?“

— Который колосъ полонъ, отвечалъ отецъ, тотъ къ землѣ гнется; а который пустой, тотъ и торчитъ къверху.

Новый хлѣбъ.

Воскресное солнышко садилось за рощею. Вышелъ крестьянинъ съ дѣтьми въ поле и весело взглянулъ на луга и нивы. На лугахъ стояли уже высокіе стога, а на нивахъ ещё колыхались густые и рослые хлѣба. Перекрестился крестьянинъ и сказалъ; „Божья благодать, дѣтки! Будетъ сѣнцо у скотинки, будетъ и у насъ хлѣбецъ.“ Сорвалъ крестьянинъ ржаной колосокъ, вытряхнулъ зѣрна на ладонь, смотритъ — зѣрнышко потемнѣло; по-

пробоваль на зубъ—хруститъ. „Пора жать, дѣтки! Мать вчера подмела послѣднюю мучицу въ закромахъ“.

На другой день и старъ, и малъ высыпали въ поле. Стали быстро вставать снопы одинъ за другимъ; а къ вечеру уже высокія копны стояли на полѣ рядами.

Ещё жатва не была кончена, а цѣпь уже прыгаль на гумнѣ. Отецъ свѣзъ мѣшокъ ржи на мельницу и привѣзъ оттуда мягкой муки. Мать достала дрожжей, а на другой день дѣти уже ѣли душистый хлѣбъ изъ новой ржи.

Какъ узнаютъ, что рожь поспѣла, и что потомъ съ нею дѣлаютъ?

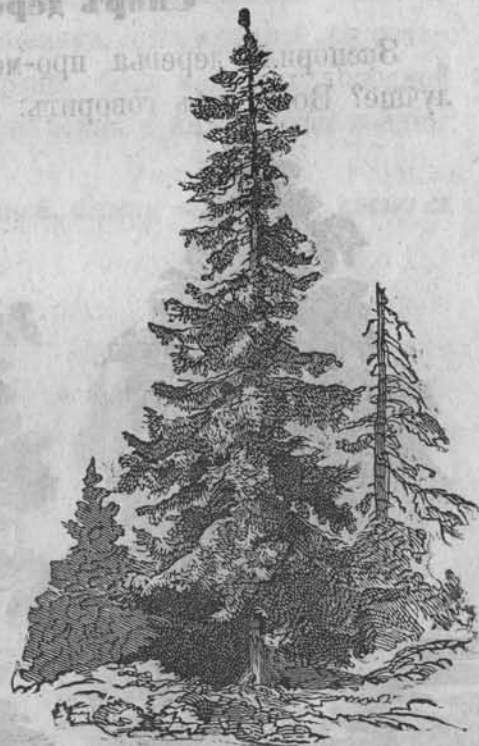
Обработка поля.

Сынъ видитъ, какъ поле отецъ удобряетъ, какъ въ рыхлую землю бросаетъ зерно, какъ поле потомъ зеленѣть начинаетъ, какъ колосъ растѣтъ, наливаютъ зерно. Готовую жатву подрѣжутъ серпами; снопы перевязутъ, на ригу свезутъ, просушатъ, колотятъ, колотятъ цѣпами, на мельницѣ смелютъ и хлѣбъ испекутъ.

Держись за сошеньку, за кривую ноженьку.—Хлѣбъ на хлѣбъ спясть—ни молотить, ни спясть.—Навозъ отвеземъ, такъ хлѣбъ привеземъ.—Клади навозъ густо, въ амбаръ не будетъ пусто.—Глубже пахатъ, больше хлѣба жевать.—Гдѣ пахарь плачетъ, тамъ жнея скачетъ.

Въ лѣсу лѣтошъ.

Нѣтъ въ лѣсу того раздолья, какъ на полѣ; но хорошо въ немъ въ жаркій полдень. И чего только не насмотришься въ лѣсу! Высокія, красноватые сосны развѣсили свои иглистые вершины, а зеленныя ёлочки выгибаютъ свои колючія вѣтви. Красуется бѣлая, кудреватая берѣзка съ душистыми листочками; дрожитъ сѣрая осина; а коренастый дубъ раскинулъ шатромъ свои вырѣзные листья. Изъ травы глядитъ бѣленькій глазокъ земляники, а рядомъ уже краснѣетъ душистая ягодка.

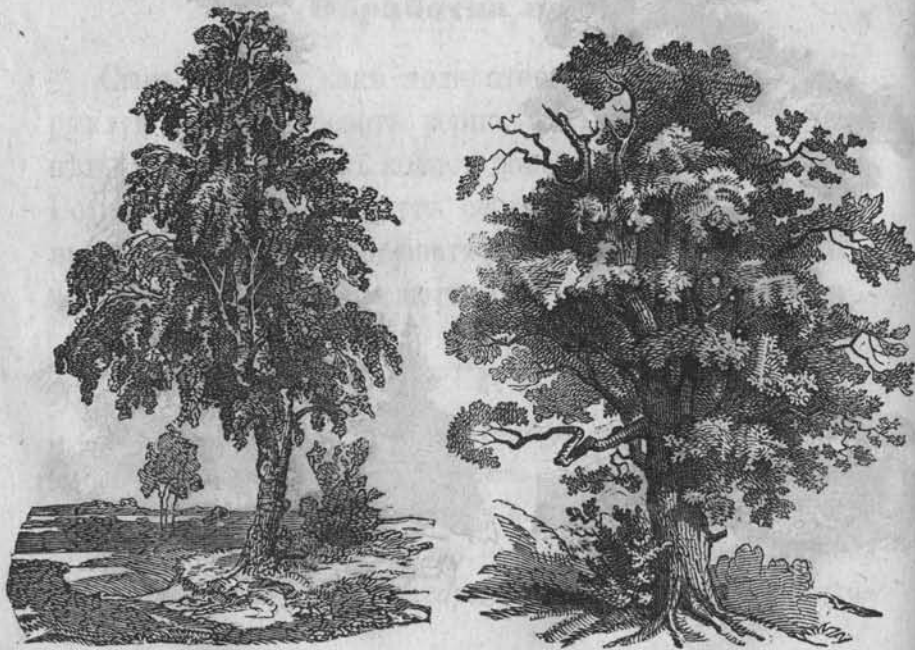


Бѣлыя сережки ландыша качаются между длинными, гладкими листьями. Гдѣ-то рубить крѣпконосый дятель; кричитъ жалобно жѣлтая иволга; отсчитываетъ года бездомная кукушка. Сѣрый зайчикъ шмыгнулъ въ кусты, высоко между вѣтвями мелькнула пушистымъ хвостомъ цѣпкая бѣлка. Далѣко въ чащѣ что-то трещить и ломится: ужъ не гнѣтъ-ли дугъ косолопый Мишка?

Какія растенія, какихъ зверей и птицъ вы сами видѣли въ лѣсу?

Споръ деревьевъ.

Заспорили деревья про-между себя: кто изъ нихъ лучше? Вотъ дубъ говорить: „Я всѣмъ деревьямъ царь!



Корень мой глубоко въ землю ушелъ, стволъ въ три объёма, верхушка въ небо смотрится; листья у меня вырѣзные, а сучья будто изъ желѣза вылиты. Я не кланяюсь бурямъ, не гнусь передъ грозой.“

Услышала яблоня, какъ дубъ хвастаетъ, и молвила: „не хвастай много, дубище, что ты великъ и толстъ: за то растутъ на тебѣ одни жѣлуди свиньямъ на потѣху; а моѣ-то румяное яблочко и на царскомъ столѣ бываетъ.“

Слушаетъ сосенка, иглистой верхушкой качаетъ: „погодите, говорить, похваляться; вотъ придетъ зима и будете вы оба стоять голѣшеньки, а на мнѣ всё же останутся мои зелѣныя колючки; безъ меня въ холодной сторонѣ житья бы людямъ не было; я имъ и печки топлю, и избы строю“.

Сравните дубъ съ яблоней, березу съ сосной, сосну съ елкой.

Чудная бѣлка.

Градъ на островѣ стоитъ
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами да садами.
Ель растѣтъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка тамъ живѣтъ ручная,
Да затѣйница какая!
Бѣлка пѣсенки поѣтъ,
Да орѣшки всё грызѣтъ;
А орѣшки не простые,
Всѣ скорлупки золотыя,



Ядра—чистый изумрудъ.
Слуги бѣлгу берегутъ,
Служать ей прислугой разной—
И приставленъ дьякъ приказный
Строгий счётъ орѣхамъ вестъ;
Отдаётъ ей войско честь;
Изъ скорлупокъ льютъ монету,
Да пускаютъ въ ходъ по свѣту;
Дѣвки сыплютъ изумрудъ
Въ владовья, да подь спудъ.
Всѣ въ томъ островѣ богаты:
Изобъ нѣтъ, вездѣ палаты.

Жалобы зайки.

Растужился расплакался сѣренькій зайка, подь кустикомъ сидючи; плачетъ, приговариваетъ:

„Нѣтъ на свѣтѣ доли хуже моей, сѣренькаго зайки!
И кто только ни точить зубовъ на меня? Охотники, собаки, волкъ, лиса и хищная птица; кривоносый ястребъ, пучеглазая сова; даже глупая ворона и та таскаетъ своими кривыми лапами моихъ милыхъ дѣтушекъ—сѣренькихъ зайчатъ. Отовсюду грозить мнѣ бѣда; а защищаться—то нечѣмъ: лазить на дерево, какъ бѣлка, я не могу; рыть норъ, какъ кроликъ не умѣю. Правда, зубки мои исправно грызутъ капустку и кору гложутъ, да укусить смѣлости не хватаетъ. Бѣгать я таки мастерь и прыгаю не дурно; но хорошо, если придётся бѣжать по ровному полю или на гору, а какъ подь гору—то и пойдѣшь кувыркомъ черезъ голову: переднія ноги не доросли.“

„Всѣ бы ещё можно жить на свѣтѣ, еслибъ не трусость негодная. Заслышишь порохъ—уши подымутся, сердчишко забѣтся, не взвидишь свѣта, пырскнешь изъ куста—да и угодишь прямо въ тенѣта или охотнику подь ноги.“

„Охъ, плохо мнѣ, сѣренькому зайкѣ! Хитришь, по кустикамъ прячешься, по-за кочками слоняешься, слѣды пугаешь; а рано или поздно бѣды не миновать: и потащитъ меня кухарка на кухню за длинныя уши.“

„Одно только и есть у меня утѣшеніе, что хвостикъ коротенькій: собакѣ схватить не за что. Будь у меня такой хвостике, какъ у лисицы, куда бы мнѣ съ нимъ дѣваться? Тогда бы, кажется, пошелъ, и утопился.“

Сравните зайца съ кошкой.



Лиса Патрикѣевна.

У кумушки-лисы зубушки остры, рыльце тоненькое; ушки на макушкѣ, хвостикъ на отлѣтѣ, шубка тёпленькая.

Хорошо кума принаряжена: шерсть пушистая, золотистая; на груди жилеть, а на шеѣ бѣлый галстучекъ.

Ходитъ лиса тихохонько, къ землѣ пригинаясь, будто кланяется; свой пушистый хвостъ носить бережно; смотритъ ласково, улыбается, зубки бѣлые показываетъ.

Роетъ норы, умница, глубокія: много входовъ въ нихъ и выходовъ; кладовыя есть, есть и спаленьки; мягкой травушкой полы выстланы.

Всѣмъ бы лисанька хороша была хозяйюшка, да разбойница лиса, постница: любитъ курочекъ, любитъ утокъ, свернѣтъ шею гусю жирному, не помилуетъ и кролика.

Сравните лису съ зайцемъ.

Ученый медвѣдь.

„Дѣти! дѣти! кричала няня: идите медвѣдя смотрѣть“. Выбѣжали дѣти на крыльцо, а тамъ уже много народу собралось. Нижегородскій мужикъ, съ большимъ коломъ въ рукахъ, держитъ на цѣпи медвѣдя, а мальчикъ приготовился въ барабанъ бить.

— А ну-ка, Миша, говоритъ нижегородецъ, дѣргая медвѣдя цѣпью: встань, подымись, съ боку на бокъ перевались, честнымъ господамъ поклонись и молодкамъ покажись.

Заревѣлъ медвѣдь, нехотя поднялся на заднія лапы, съ ноги на ногу переваливается, на право, на лѣво раскланивается.

— А ну-ка, Мишенька! продолжаетъ нижегородецъ: покажи, какъ малые ребятишки горохъ воруютъ: гдѣ сухо, на брюхѣ; а мокренько—на колѣночкахъ.

И поползъ Мишка: на брюхо припадаетъ, лапой загребаешь, будто горохъ дѣргаетъ.

— А ну-ка, Мишенька! покажи, какъ бабы на работу идутъ.

Идѣтъ медвѣдь, нейдѣтъ; назадъ оглядывается, лапой за ухомъ скребѣтъ.

Нѣсколько разъ медвѣдь показывалъ досаду, ревѣлъ, не хотѣлъ вставать; но желѣзное кольцо цѣпи, продѣтое въ губу, и коль въ рукахъ хозяина заставляли бѣднаго звѣря повиноваться. Когда медвѣдь передѣлалъ все свои штуки, нижегородецъ сказалъ:

— А ну-ка, Миша! теперича съ ноги на ногу перевались, честнымъ господамъ поклонись, да не лѣнись, да пониже поклонись! Потѣшь господъ и за шапку берись: хлѣбъ положить, такъ съѣшь; а деньги, такъ ко мнѣ вернись.

И пошелъ медвѣдь, съ шапкой въ переднихъ лапахъ, обходить зрителей. Дѣти положили гривенникъ; но имъ было жаль бѣднаго Миши: изъ губы, продѣтой кольцомъ, сочилась кровь.

Не ладио свроешь, да крѣпко спитъ.

Бѣленькій, гладенькій зайчикъ сказалъ ежу: „какое у тебя, братецъ, некрасивое, колочее платье!“ — „Правда“, отвѣчалъ ежъ: „но мои колочки спасаютъ меня отъ зу-



бова собаки и волка: служитъ ли тебѣ такъ же твоя хорошенькая шкурка? — Зайчикъ, вмѣсто отвѣта, только вздохнулъ.

Дятель.



Тукъ-тукъ-тукъ! Въ глухомъ лѣсу на соснѣ чѣрный дятель плотничаетъ. Лапками цѣпляется, хвостикомъ упирается, носомъ постукиваетъ — мурашей да козявокъ изъ-за коры выпугиваетъ; кругомъ ствола объжить, никого не проглядить. Испугались мураши: „эти-де порядки не хороши!“ Со страху корячутся, за корою прячутся — не хотятъ вонь идти. Тукъ-тукъ-тукъ! Чѣрный дятель стучить, носомъ кору долбитъ длинный языкъ въ дыры запускаетъ: мурашей, словно рыбку, таскаетъ.

Сравните дятла съ орломъ и курицею.

Кукушечка.



Сѣрая кукушка — бездомная лѣнница: гнѣзда не вѣетъ, въ чужія гнѣзда яички кладётъ, своихъ кукушатъ на выкормъ отдаётъ, да ещё и подсмѣивается,

передъ муженькомъ хвалится: „хи-хи-хи! ха-ха-ха! погляди-ка, муженёкъ, какъ я овсянкѣ на радость яичко снесла.“ А хвостатый муженёкъ на берѣзѣ сидючи, хвостъ развернулъ, крылья опустилъ, шею вытянулъ, изъ стороны въ сторону покачивается, года высчитываетъ, глухыхъ людей обсчитываетъ.

Сравните кукушку съ дятломъ.

Э х о.

Ревётъ-ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ-ли рогъ, гремитъ-ли громъ,
Поютъ-ли пѣсню за холмомъ, —

На всякій звукъ
Свой отеликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

6 августа.

Давно я не писалъ ничего въ своёмъ дневникѣ: не

до того мнѣ было цѣлое лѣто! Теперь ужъ мы не такъ много бѣгаемъ: перепадаетъ дожди и пахнетъ осенью.

Съ торжествомъ понесли мы сегодня въ церковь полное блюдо румяныхъ яблокъ, жёлтыхъ грушъ и синихъ сливъ. Мамаша и бабушка только сегодня начали ѣсть плоды; но мы давнымъ-давно разрѣшили.

На поляхъ уже стоятъ ряды высокихъ кощёнъ; скоро къ намъ принесутъ послѣдній снопъ и поставятъ его подъ образами. Мухи начинаютъ больно кусаться—видно лѣту конецъ.

М у х а.



Не правда ли, какъ красива муха подъ увеличительнымъ стекломъ? Крылышки ея сотканы чрезвычайно искусно и отливаются радужными цвѣтами. На головѣ у нея два большіе глаза; но каждый глазъ состоитъ изъ множества маленькихъ глазковъ. На концѣ мохнатыхъ лапокъ клейкія подушечки, и онѣ-то помогаютъ мухѣ ползати по гладкому стеклу и по потолку.

Муха кладётъ свои яички въ сыромъ мѣстѣ, въ кучи сору. Уже на другой день изъ яичекъ выходятъ червячки (личинки); черезъ двѣ недѣли изъ червяка сдѣлается куколка, а ещё черезъ двѣ изъ куколки вый-

детъ молодая мушка. Эта мушка въ то же лѣто можетъ уже нанести яичекъ; а такъ какъ муха несётъ яйца четыре раза въ лѣто, и каждый разъ по 80 и 90 штукъ, то подумайте, сколько было бы мухъ, если бы ихъ не истребляли холода, птицы и въ особенности пауки.

Опишите муху и ея превращенія.

Красное лѣто никому не надокучило.—Лѣтній день за зимнюю недѣлю.—Лѣто—страдная пора.—Не моли лѣта долгаго, а моли теплаго.—Хорошо бы лѣто, да мухи запли.

О с е н ь.

Примѣты осени.

Мелькаетъ жёлтый листъ на зелени деревь; работу кончилъ серпъ на нивахъ золотистыхъ, и покраснѣлъ уже вдаль ковѣрь луговъ, и зрѣлые плоды висятъ въ садахъ тѣнистыхъ.

Примѣты осени во всёмъ встрѣчаютъ взоръ: тамъ тянется, блестя на солнцѣ, паутина; тамъ скирдь виднѣется; а тамъ, черезъ заборъ, кистями красными повиснула рябина; тамъ жнива колкая щетинится, а тамъ ужъ озимь яркая блеснула изумрудомъ; и курится овинь; и долго по утрамъ, какъ бѣлый холстъ, лежитъ туманъ надъ синимъ прудомъ...

И цѣлый день скрипятъ воза; и далеко токъ отзывается подъ дружными цѣпами; и стая журавлей несётся высоко, перекликаясь поройъ подъ небесами.

По какимъ примѣтамъ вы узнаете осень?

Мизгирь.*(Паукъ.)*

Было лѣто тёплое; народилось комаровъ, мухъ да мошекъ несмѣтное число; стали они людей кусать, горячую кровь пить. Провѣдалъ объ этомъ мизгирь—удалой воинъ: сталъ онъ ножками трясти, да мерѣжки плести, ставить на дорожки, куда летаютъ комары да мошки. Попала къ нему муха-горюха; а мизгирь на неѣ наскочилъ, хочетъ её губить. Тутъ муха взмолилася: „батюшка мизгирь! не губи ты меня; послѣ меня много сиротъ безпріютныхъ останется.“ Сжалился надъ мухой мизгирь: отпустилъ её на всѣ четыре стороны.

Полетѣла муха, забубнила: „Ой, вы, мухи-горюхи, комары да мошки! Проявился мизгирь, сталъ онъ ножками трясти, мерѣжки плести—всѣхъ васъ передушить хочетъ!“ Полетѣли комары и мошки, забились подъ осиновое корыто и лежатъ, словно мѣртвые.

Ждалъ-ждалъ мизгирь—никто къ нему въ гости не летитъ. Отыскалъ онъ тогда таракана-усаца и говорить: „иди, тараканъ! ударь въ барабанъ! скажи всѣмъ комарамъ да мошкамъ, что мизгирия больше въ живыхъ нѣтъ: въ городъ, моль, его отослали и тамъ ему голову отсѣкли“.

Пошѣлъ тараканъ, ударилъ въ барабанъ, подлѣзъ подъ осиновое корыто и кричитъ: „Что вы тутъ запали, словно мѣртвые сидите! Вѣдь мизгирия давно въ живыхъ нѣтъ: его въ городъ услали и тамъ ему голову отсѣкли“.

Обрадовались комары да мошки; вылѣзли изъ-подъ корыта да мизгирию въ сѣти и попали. А онъ, разбойникъ, радъ гостямъ; принялся ихъ душить, да ещё приговариваетъ: „Что вы очень мелки? Почаще-бы ко мнѣ въ гости бывали, моего пивца испивали“. Передушилъ всѣхъ—однѣ шкурочки остались.

Изъ огня да въ полымя.

Крестьянинъ везъ на мельницу рожь. Мпшокаъ былъ дыравый и нпсколька зеренъ рассыпалось по дороге. Голуби налетѣли кучею, но пришелъ птухъ и прогналъ голубей. Голуби стали жаловаться коршуну. Коршунъ разсудилъ по своему: сначала растерзалъ птуха, а потомъ передушилъ и голубей.

Полевая мышка.

Трусливый сѣренькій звѣрёкъ!

Великъ же твой испугъ: ты ногъ

Не слышишь, бѣдный, подъ собой.

Поменьше трусь!

Вѣдь я не золь—я за тобой

Не погонюсь.

* *

Воришка ты; но какъ же быть?

Чѣмъ сталъ бы ты, бѣдняжка, жить?

Неужто колоса не взять

Тебѣ въ запасъ,

Когда такая благодать

Въ поляхъ у насъ?

* * *

Твой бѣдный домикъ разорёнъ;

Почти съ землёй сравнялся онъ;

И станешь вновь искать ты мховъ

На новый домъ;

А вѣтеръ, грозень и суровъ,

Шумитъ кругомъ.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

1 октября.

Покровъ—нашъ храмовой праздникъ. Сколько народу было въ церкви, и какъ всё весело! Въ нынѣшнемъ году большой урожай.

У насъ въ саду вчера сняли послѣднія яблоки: только на одной рябинѣ ещё краснѣютъ ягоды и дожидаются перваго мороза.

Зелѣныя рощи превратились въ разноцвѣтныя; осинка дрожить, вся золотая и пурпуровая; вѣтеръ обрываетъ послѣдніе листья; крылья мельницъ не перестаютъ вертѣться; мой новый змѣй летаетъ высоко; а въ сѣняхъ у насъ уже стоятъ, приготовлены, зимнія рамы.

Не сжатая полоса.

Поздняя осень. Грачи улетѣли,

Лѣсъ обнажился, поля опустѣли;

* * *

Только не сжата полоска одна...

Грустную думу наводитъ она.

* * *

Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:

„Скучно намъ слушать осеннюю вьюгу,—

* * *

„Скучно склоняться до самой земли,

„Спѣлыя зѣрна кушая въ пыли.

* * *

„Насъ, что ни ночь, разоряютъ станицы

„Всякой пролетной, прозорливой птицы;

* * *

„Заяцъ насъ топчетъ, и буря насъ бѣтъ:

„Гдѣ же нашъ пахарь—чего ещё ждѣтъ?“

* * *

Вѣтеръ несётъ имъ печальный отвѣтъ:

„Вашему пахарю моченьки нѣтъ.“

Осень.

Ласточки пропали,

А вчера съ зарёй

Всѣ грачи летали

Да какъ съѣтъ мелькали

Вонъ надъ той горой.

Съ вечера всё спится,

На дворѣ темно;

Листъ сухой валится;

Ночью вѣтеръ злится

Да стучитъ въ окно.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

Въ ноябрѣ.

Проснулись мы сегодня и видимъ, что въ комнатѣ

ужь очень свѣтло, хоть солнышка и не видно. Бросились мы къ окну и вскрикнули отъ радости.

Блестящій пушистый снѣгъ толстымъ слоемъ покрылъ и дворъ нашъ, и заборъ, и конуру жучки, и крышу сарая. Дядя Кондратій проѣхалъ уже на дровняхъ, а Васька бѣжитъ изъ кухни и отряхиваетъ лапки.

„Зима, зима!“ кричали мы и хлопали въ ладоши; проворно одѣлись, проворно позавтракали — и скорѣе на дворъ. Костя сталъ ладить свои салазки, а я, не подумавъ хорошенько, схватилъ коньки — и къ рѣкѣ, а она, темная и синяя, течётъ среди бѣлыхъ береговъ.

Осенней озими въ закромы не кладутъ. — Корми меня въ весну, а въ осень я самъ сытъ буду. — Въ осень и у воробья пиво. — Осень — то matka: кисель да блины; а весною — то гладко: сиди да гляди.

Волшебница зима.

Пришла волшебница зима!	Проказамъ матушки зимы.
Пришла, разсыпалась; влоками	Опрятнѣй моднаго паркета,
Повисла на сукахъ дерѣвъ;	Блится рѣча льдомъ одѣта;
Легла волнистыми коврами	Мальчишекъ радостный народъ
Среди полей, вокругъ холмовъ;	Коньками звучно рѣжетъ лёдъ;
Брега съ недвижною рѣкой	Мелькаетъ, вѣется первый
Сравнила пухлой пеленой;	снѣгъ,
Блеснулъ морозъ — и рады мы	Звѣздами падая на брегъ.

О Т Д Ъ Л Ъ Ш.

ОБРАЗЦЫ УПРАЖНЕНІЙ.

№ 1. *Мыло споро, да моетъ бѣло. — Бѣла береста, да деготь черенъ. — И красно, и нестро, да линюче.*

Цвѣта предметовъ. Что бываетъ бѣлаго цвѣта? чернаго? зелѣнаго? желтаго? синяго? голубаго? краснаго? сѣраго? Какого цвѣта бываютъ глаза у людей? Какого волосы? Какого цвѣта бываетъ шерсть у лошадей? Какіе цвѣтки синіе? Какіе — желтые? розовые? бѣлые?

№ 2. *Денежки круглы: день и ночь катятся. — Остеръ топоръ, да и сукъ зубастъ. — Горбатаго къ стѣнѣ не приставишь. — Малъ, да конопляникъ; велика, да моховина.*

Форма предметовъ. Что бываетъ кругло и что плоско? что длинно и что коротко? что толсто и что тонко? что прямо и что криво? что велико и что мало? что гладко и что шероховато? что остро и что тупо?

№ 3. *Есть — слово, какъ медъ сладко; нѣтъ — слово, какъ полынь горько. — Сладкимъ портятъ, а горькимъ лечатъ. — Камзолы зелены, а щи не солены. — На вкусъ, на цвѣтъ мастера нѣтъ.*

Плотность, тяжесть, вкусъ. Что бываетъ жидко? густо? твердо? мягко? чѣрство? хрупко? упруго? ломво? тяжело? легко? Что висло? сладво? горько? солоно? прѣсно?

№ 4. *Линейка пряма, а серпъ..? Хорошая бумага гладка, а дурная..? Воскъ мягокъ, а желѣзо..? Свинецъ тяжелъ, а пухъ..? Щавель висель, а полынь..? Сталь упруга, а стекло..?*

Травка зелёнаго цвѣта, а небо..? Золото желто, а серебро..? Молоко бѣло, а чернила..?

№ 5. Яблоки бываютъ: (по формѣ) круглыя или продолговатыя; (по цвѣту) жёлтыя, зелёныя, красныя, розовыя; (по плотности) твёрдыя, мягкія, рассыпчатыя; (по вкусу) кислыя, сладкія, кисло-сладкія.

Какова груша: по формѣ? по цвѣту? по плотности?

Какова вишня: по формѣ? по цвѣту? по вкусу?

Какова морковь: по формѣ? по цвѣту? по вкусу?

Каковъ серебряный рубль: по формѣ? по цвѣту? по плотности? по тяжести?

Каковъ мѣдный пятакъ: по формѣ? по цвѣту? по плотности? по тяжести?

№ 6. Безрукій клѣтъ обокралъ, голому за пазуху наклалъ, слѣпой подглядывалъ, глухой подслушивалъ, нѣмой караулъ закричалъ, безногий въ погоню погналъ. — За правое дѣло стой смѣло! — Ерема въ воду, Тома ко дну: оба упрямы — со дна не бывали.

Люди бываютъ: высокіе и приземистые, худощавые и полные, стройные и горбатые, сильные и слабые, большые и здоровые, молодые и старыя, зоркіе и близорукіе, бѣдные и богатые.

Люди должны быть: добры, справедливы, честны, прилежны, ласковы, учтивы, сострадательны, терпѣливы, бережливы, щедры, правдивы, смѣлы, уступчивы, скромны.

Люди не должны быть: злыми, лживыми, гордыми, сварливыми, мстительными, жадными, скупными, упрямыми, трусливыми.

№ 7. Противоположныя качества: Ваня прилеженъ, а Митя лѣнивъ. Лиза послушна, а Соня..? Костя смѣлъ, а Петя...? Ваня и Митя добры, а Соня и Гриша...? Не должно

быть скрытнымъ, но..? Пусть богатый дѣлится съ... съ кѣмъ..? Молодые люди должны уважать... (кого?)? Не должно быть расточительнымъ, но..? Не должно быть скупымъ, но..? Не должно быть упрямымъ, но..? Не должно быть грубымъ, но..? Не должно быть трусливымъ, но..?

№ 8. Толкуй про еловый, а сосновый крѣпче. — Не тужи, наживемъ ременьны гужи.

Какую посуду дѣлаютъ изъ дерева? Изъ дерева дѣлаютъ деревянную посуду. Какую посуду дѣлаютъ изъ мѣди? изъ чугуна? изъ глины? Какую монету чекаютъ изъ золота? изъ серебра? изъ мѣди? Какое платье шьютъ изъ сукна? Какія верёвки вьютъ изъ пеньки? Какіе вѣнки вьютъ изъ цвѣтовъ? Какія въ окнѣ рамы и какія оконницы?

№ 9. Шуба овечья, да душа человѣчья. — Человѣческому дѣлу не до вѣку стоять. — Сегодняшней работы на завтра не откладывай. — Лисій хвостъ, да волчій ротъ. — Гречневая каша сама себя хвалитъ.

Гнѣздо птицы, или птичье гнѣздо. Хвостъ лошади, или лошадинъ хвостъ. Лапа медвѣдя, или..? Крыло вороны, или..? Хвостъ лисицы, или..? Книги дѣтей, или..? Грива коня, или..? Пѣнье соловья, или..? Дѣло человѣка, или..? Вѣрность собаки, или..? Мѣхъ буницы, или..? Площадь города, или..? Звонъ колокола, или..? Лапка лягушки, или..? Рыба изъ Волги, или..? Салопъ изъ мѣха лисицы, или..?

№ 10. Меньше говори, да больше слушай. — Держись сохи плотнее, будетъ прибыльнее. — Скупой богатъ бѣднее нищакъ. — Правда свѣтлѣ солнца. — Худое колесо громче скрипитъ.

Желѣзо тяжело, но свинець ещё тяжелѣе. Лошадь высокая, но верблюдь ещё выше. Бѣлка хитра, но лисица еще..? Серебро дорого, но золото еще..? Мѣдь тверда, но желѣзо..? Нитки тонки, но волосъ..? Верёвка толста, а канать..? Со-



на крѣпка, а дубь..? Груша сладка, а мѣдь..? Муха мала, а мошка..? Мѣсяць свѣтитъ ярко, а солнце..? Сосна горитъ жарко, а берѣза..? Молоко жидко, а вода..? Ножъ остѣръ, а бритва..? Рѣка глубока, а море..? Церковь наша высока, а колокольня..?

№ 11. *Что дѣлается утромъ?* Солнце всходитъ. Становится свѣтло. Птицы просыпаются и поютъ, летаютъ, ищутъ корма и вьютъ гнѣзда. Крестьяне встаютъ, одѣваются, молятся Богу, завтракаютъ и идутъ на работу. Хозяйки топятъ печи и начинаютъ стряпать обѣдъ. Дѣти берутъ свои книги и отправляются въ школу.

Что дѣлалось вчера утромъ? Что будетъ дѣлаться завтра утромъ?

№ 12. *Что дѣлалось вчера вечеромъ?* Солнце садилось. Птички замолкали и прятались въ гнѣзда. Стада возвращались въ село. Крестьяне переставали работать и шли домой. Дѣти ложились спать.

Что дѣлается сегодня вечеромъ? Что будетъ дѣлаться завтра вечеромъ?

№ 13. *Весна теперь.* Снѣгъ таетъ. Рѣки вскрываются. Новая трава показывается. Скотъ выгоняютъ въ поле. Крестьяне прячутъ сани и ладятъ телѣги.

Что дѣлалось весной въ прошедшемъ году? Что будетъ дѣлаться въ будущемъ году?

№ 14. *Что дѣлалось прошедшее лѣто?* Дни были длинные и жаркіе. На поляхъ созрѣвалъ хлѣбъ. Крестьяне косили и жали. Дѣти бѣгали въ лѣсъ за ягодами.

Что дѣлается нынѣшнимъ лѣтомъ? Что будетъ дѣлаться будущимъ лѣтомъ?

№ 15. *Будущая осень.* Настанетъ осень. Дни будутъ коротки, ночи долги и темны. Пойдутъ дожди и начнутся замо-

розки. Крестьяне станутъ молотить хлѣбъ, крестьянки прясть пряжу. Въ домахъ будутъ вставлять зимнія рамы. Начнутъ топить печи.

Настоящая осень? Прошедшая осень?

№ 16. *Зима теперь.* Настаетъ зима. Начинаются морозы. Земля покрывается снѣгомъ, а рѣки льдомъ. Люди надѣваютъ шубы и тулупы. Ложится санный путь. Обозы тянутся по дорогамъ. Мальчики катаются по льду.

Прошедшая зима? Будущая зима?

№ 17. Къ доброму мостись, а отъ худа пятайся! — Куй же-лѣзо, пока горячо! — Упалъ — такъ цалуй мать-сыру землю, да становись на ноги! — Любишь кататься — люби и саночки возить! — Ходи — не шатайся! Ышь — не объѣдайся! стой — не качайся.

Не лѣнись, а трудись! Днемъ работай, а ночью..? Свое береги, а чужаго..? Гулять гуляйте, а дѣла..? Раньше вставайте, руки и лицо мойте..? волоса..? платье..? Богу..? уроки..? Что приказано въ пятой заповѣди? что въ третьей? что въ шестой?

№ 18. Дѣвочка бѣгаетъ по полю, рветъ цвѣты и ловитъ бабочекъ.

Я бѣгаю по полю..? Ты бѣгаешь по полю..? Онъ бѣгаетъ по полю..? Мы съ братомъ бѣгаемъ по полю..? Вы съ сестрой бѣгаете по полю..? Братъ и сестра бѣгаютъ по полю..?

№ 19. *Вхалъ, да не допхалъ; еще подемъ, авось додемъ.*
— Учился читать да писать, а выучился пѣть да плясать.
— За него грошъ дать — не додать, а два дать — передать.
— Умный шутитъ — умный и отшучивается.

Ваня шелъ, да не дошелъ. Птицы садились на крышу, да не сѣли. Воробей вилъ гнѣздо, да не..? Крестьянинъ рубилъ дерево, да не..? Я хотѣлъ крикнуть, да не..? Я подымалъ ка-

мень, да не..? Птица падала, да не..? Онъ давалъ мнѣ яблоко, да не..? Я зажигалъ свѣчу, да не..?

№ 20. *Люди хвалятъ—не захвалятъ, люди хулятъ—не захулятъ; вѣтры вѣютъ—не развѣютъ; солнце сушитъ—не засушитъ; дожди мочатъ—не размочатъ.—Ждали обозу, а дождались навозу.—Авосякаль, авоськаль—да и доавоськался.*

Я рвалъ веревку, да не..? Кошка ловила мышъ, да не..? Мы запирали двери, да не..? Мальчикъ лѣзь на яблоню, да не..? Ваня училъ урокъ, да не..?

№ 21. *Высокая гора.* Видна изъ далека высокая гора.— Камни часто валяются (съ чего?)..? Мы подходимъ (къ чему?)..? Трудно взойти (на что?)..? Опасно жить (подъ чѣмъ?)..? Весело стоять (на чемъ?)..?

У насъ на Кавказѣ *высокія горы.* Снѣгъ часто валится (съ чего?)..? Облака часто сходятся (куда? къ чему?)..? Трудно переѣзжать (черезъ что?)..? Глубокія долины лежатъ (между чѣмъ?)..? Снѣгъ и ледъ лежатъ (изиму, и лѣто (на чемъ? гдѣ?)..?)

№ 22. *Добрый человекъ.* Не помнитъ зла (кто?)..? (Худо тому мѣсту, гдѣ нѣтъ (кого?)..?) Поклонись въ поясъ (кому?)..? Поминай добромъ (кого?)..? Хорошо имѣть дѣло (съ кѣмъ?)..? Вспоминай чаще (о комъ?)..?

(*Добрые люди.*) Вездѣ нужны (кто?)..? (На свѣтъ не (безъ кого?)..?) Дай Богъ здоровья (кому?)..? (Ищи со свѣчей (кого?)..?) (Свѣтъ держится (кѣмъ?)..?) Приятно говорить (о комъ?)..?

№ 23. *Послушныя и прилежныя дѣти.* Родителямъ на утѣшеніе и людямъ на пользу растутъ (кто?)..? Худо той школь, гдѣ мало (кого?)..? Богъ даетъ разумъ (кому?)..? Всѣ любить (кого?)..? Приятно толковать (съ кѣмъ?)..? Весело говорить (о комъ?)..?

№ 24. *Свои два глаза.* Дороже алмаза (что?)..? Я не отдамъ ни за что (чего?)..? Трудно не вѣрить (чему?)..? Береги

пуще всего (что?)..? Мы видимъ и небо, и землю (чѣмъ?)..? Кто-жъ не заботится (о чемъ?)..?

№ 25. *Пять пальцевъ.* На рукѣ (что?)..? Плохо пришлось бы человекъ (безъ чего?)..? Тепло въ рукавицѣ (чему?)..? Плотникъ отрубилъ себѣ (что?)..? Многое можно сдѣлать (чѣмъ?)..? Не мало искусства (въ чемъ?)..?

№ 26. *Пахаль.* (Кто?) *Крестьянинъ* пахаль. (Что?) *Крестьянинъ* пахаль *поле.* (Чѣмъ?) *Крестьянинъ* пахаль *поле сохою.* (Гдѣ?) *За нашимъ садомъ* крестьянинъ пахаль *поле сохою.* (Когда?) *Вчера* за нашимъ садомъ крестьянинъ пахаль *поле сохою.* (Какъ?) *Вчера* за нашимъ садомъ крестьянинъ пахаль *поле сохою очень усердно.*

Копаль. Кто? что? гдѣ? когда? чѣмъ? какъ?

Рубилъ. Кто? что? когда? гдѣ? чѣмъ? какъ?

Писалъ. Кто? что? когда? чѣмъ? кому?

№ 27. *Лошадь бѣжала.* Какая? когда? куда? гдѣ? какъ?

Канарейка улетѣла. Какая? откуда? куда? когда?

Дѣвочки рвали цвѣты. Гдѣ? когда? какіе? для кого?

Собрали грибы. Кто? гдѣ? когда? во что?

Жали. Кто? гдѣ? когда? чѣмъ? какъ?

№ 28. *Яблоко упало.* Какое? когда? гдѣ? съ чего? на что?

Учитель похвалилъ дѣтей. Когда? гдѣ? какихъ? за что?

Упалъ и ушибся. Кто? гдѣ? когда? съ чего? обо что? какъ?

Бѣжалъ на лошади. Кто? гдѣ? когда? куда? откуда? на какой лошади? какъ?

№ 29. *Шьетъ спортукъ.* Кто? гдѣ? кому? изъ чего? чѣмъ?

Сапожникъ шьетъ. Что? гдѣ? кому? изъ чего? для кого?

Каменьщики строятъ. Что? гдѣ? изъ чего? какъ? *)

*) Всѣ эти упражненія №№ 26, 27, 28 и 29 слѣдуетъ передѣлать по различнымъ числамъ и временамъ: изъ прошедшаго въ настоящее, изъ настоящаго въ будущее, изъ единственнаго во множественное и наоборотъ.

№ 30. *Столъ*. Что такое столъ? Кто дѣлаетъ столы и изъ чего? Что внизу стола? Что вверху стола? Что кладутъ на столахъ?

№ 31. *Перочинный ножикъ*. Что такое перочинный ножикъ? Изъ чего дѣлаютъ лезвее перочиннаго ножика? Изъ чего дѣлается черенокъ? Гдѣ дѣлаются перочинные ножики? Что дѣлаютъ перочинными ножиками?

№ 32. *Домъ*. Что такое домъ? Изъ чего строятся дома? Кто и изъ чего строить деревянные дома? Кто и изъ чего строить каменные дома? Что у дома сверху? Что съ боковъ? Что снизу? Что продѣлываютъ въ стѣнахъ дома?

№ 33. *Хлѣбъ*. Кто и изъ чего дѣлаетъ хлѣбъ? Изъ чего дѣлается тѣсто? Кто, гдѣ и изъ чего дѣлаетъ муку? Гдѣ и когда созрѣваютъ хлѣбныя зерна? Кто, гдѣ и когда сѣетъ хлѣбныя зерна? Кто и чѣмъ обрабатываетъ поле? Что нужно для роста хлѣба?

№ 34. Напишите также о стулѣ; о грифельной доскѣ; о классной доскѣ; о томъ, что дѣлается въ классѣ; о томъ, что дѣлается дома и т. п. (Поставьте сначала вопросы, а потомъ напишите отвѣты на нихъ).

№ 35. Напишите такъ же о кошкѣ, о собакѣ, о лошадекѣ, о коровкѣ; объ уточкѣ; опишите садъ, огородъ, вашъ домъ и т. п.

№ 36. Напишите о воробѣ, канарейкѣ. Напишите, что вы дѣлали сегодня въ классѣ. Напишите, что думаете дѣлать завтра. Напишите, что вы дѣлали прошлое лѣто. Напишите товарищу, какъ вы провели Свѣтлый праздникъ, какъ провели Рождество. Напишите отцу, чѣмъ вы занимаетесь въ классѣ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРАГО ГОДА

РОДНОГО СЛОВА *).

ОТДѢЛЪ I.		Стр.
Вокругъ да около.		
Въ школѣ и дома.		
Наша семья		12
Пятая заповѣдь		13
Мать и дѣти (съ <i>новогр. Майкова</i>)		—
При солнышкѣ тепло, при матери добро		14
Лекарство		—
Колыбельная пѣсня (съ <i>новогреч. Майкова</i>)		15
Родимому (Народн.)		—
Дѣдушка (изъ <i>Гримма</i>)		—
Пища и питье		16
Хлѣбъ		17
Вода		18
Мельница (Никитина).		—
Одежда		19
Какъ рубашка въ полѣ выросла		20
Сиротка Ваня		22
Столъ и стулъ		23
Посуда		—
Горшокъ котлу не товарищъ		25
Какъ аукнется, такъ и откликнется (Народн.)		—
Братецъ Иванушка и сестрица Аленушка. (Народн.)		26
Комнатныя животныя.		
Бишка		29
Прилежная собака (Народн.)		30

*). Всѣ неподписанныя въ оглавленіи статьи принадлежатъ составителю, который покорнѣе проситъ не перепечатывать ихъ въ изданіи, имѣющія одно назначеніе съ «Роднымъ Словомъ». Народныя сказки и т. д. все передѣланы составителемъ.

Охота (перев. съ нѣм.)	Стр. 30
Васѣлка	31
Ученый котъ (Пушкина)	32
Двѣ мыши	33
Мышки	—
На мышку и кошка звѣрь (Крылова)	34
Не все то золото, что блеститъ (Хемницера)	—
Заднимъ умомъ крѣпокъ (перев. съ нѣм.)	35
Птичка (Туманскаго)	—
Плутиска котъ (Народн.)	—

Конюшня, скотный дворъ и птичникъ.

Лошадка	38
Конь (Народн.)	39
Печальный конь (Пушкина)	40
Боровка	—
Споръ животныхъ (перев. съ нѣм.)	41
Козель	—
Лиса и козель (перев. съ нѣм.)	42
Овца (перев. съ нѣм.)	43
Ягненокъ въ волчьей шкурѣ (Крылова)	—
Хавронья	44
Птѣушокъ съ семьею	45
Уточка	—
Бѣлая лебедушка и сѣрые гуси (Народн.)	46
Гуси	—
Гусь и журавль (перев. съ нѣм.)	47
Голуби	48
Не смѣйся чужой бѣдѣ, своя на грядѣ (Крылова)	—
Сивка-бурка (Народная сказка)	—

Огородъ и садъ.

Огородъ	54
Мужикъ и медвѣдь (Нар. сказ.)	55
Капустная бабочка	—
Садъ	56
Садъ (Народная пѣсня)	57
Какія бываютъ растенія?	—
Пѣсенки цвѣтовъ (Перед. изъ журн. г-жи Пчельниковой)	58
Роза	—
Не красиво, да спасибо	59

Тюльпанъ	Стр. 59
Съ кѣмъ поведешься, отъ того наберешься (Дмитріева)	—
Исторія одной яблонки	60
Вожья коровка	62
Мотылекъ	63
Воронъ и сорока	64
Ласточка	—
Планъ двора	65
Не плюй въ колодець — пригодится воды напиться (Народ. сказка)	—

На улицѣ и на дорогѣ.

Приглашеніе на улицу (Народная пѣсня)	69
Наша улица	70
Двѣ бочки (Крылова)	—
Булочникъ	71
Какъ Митѣ сшили сюртукъ	72
Сапожникъ	—
Въ дорогѣ (Пушкина)	73
Тихе ѣдешь, дальше будешь	74
Куй желѣзо, пока горячо	—
Какъ человѣкъ ѣздитъ по землѣ	75
Шоссе и проселокъ (Аксакова)	77
Обозъ (Хемницера)	78
Какъ ѣздитъ безъ лошадей	—
Чугунка (Изъ азбуки г-жи Вельтманъ)	79
Какъ человѣкъ ѣздитъ по водѣ	80
Корабль (Пушкина)	81
По водѣ на колесахъ	—
Какъ летаютъ люди по воздуху	82
Село и деревня	83
Новоселовка и Михайловка (Народная пѣсня)	—
Городъ	84
Чудный работникъ (Изъ азб. г-жи Вельтманъ)	85
Ярмарка (Никитина)	86
Зимнее утро въ столицѣ (Пушкина)	—
Змѣй и цыганъ (Народная сказка)	87

ОТДѢЛЪ II.

Времена года.

Зима.

Что сдѣлала зима (Баратынскаго)	91
---	----

Проказы старухи зимы (Перед. съ нѣм.)	Стр. 91
Маленькій мужичекъ (Некрасова)	94
Зайка (Берга)	—
Двадцать третье декабря	95
Двадцать четвертое декабря	—
Мятежъ (Берга)	96
Коляда подъ Рождество (Народн.)	97
Двадцать пятое декабря	98
Зимній вечеръ (Пушкина)	99
Зимнее утро (Его же)	—
Коляда на Новый годъ (Народн.)	—
Первое января	—
Дивная щука (Подблюдная пѣсня)	100
Русскому царству слава! (Тоже)	101
Шестое января	—
Крещенскій вечеръ	102
Второе февраля	103

Весна.

Ожиданіе весны	103
Чистый понедѣльникъ	104
Вербное воскресенье	105
Выставляется первая рама (Майкова)	106
Призывъ весны (Народн.)	—
Страстной понедѣльникъ	—
Весенняя вода (Тютчева)	107
Страстной четвергъ	—
Страстная пятница	108
Страстная суббота	109
Свѣтлое воскресенье	111
Христосъ воскресъ!	112
Пчелка (Пушкина)	—
Ласточка (Плещеева)	—
Радоница	113
Пѣсня пахаря (Колыцова)	—
Орелъ и ворона (Народн.)	114
Весеннее утро пахаря (Изъ Борнса, перев. Михайлова)	115
Пахарь и цвѣтокъ (Тоже)	—
Орелъ и кошка	116
Вечерняя заря весною (Л. М.)	117
Въ потѣ лица твоего будешь ты ѣсть хлѣбъ твой	—
Поле и школа	119
Посѣвъ льна (Нар. пѣсня)	—
Обезьяна (Крылова)	120
Май (Изъ Гейне, перев. Михайлова)	121
Троицынъ день	—

Весенняя гроза (Тютчева)	Стр. 122
Майское утро (Албинскаго)	123

ЛѢТО.

Лѣтомъ	123
Ивановскій червячокъ	124
Двадцать девятое іюня	125
На лугу лѣтомъ	—
Свѣнокость (Майкова)	127
Пѣсня косаря (Колыцова)	—
Рыбка (Л. М.)	128
Ивушка (Народн. пѣсня)	—
Ворона и ракъ (Съ малороссійск.)	129
Левъ и лягушка (Езона)	—
Лягушка и волъ (Крылова)	—
Водячи слезы (Лессинга)	130
Лѣтнее утро	—
Путешествіе воды	131
Крестьянинъ и рѣка (Крылова)	134
Гуси и журавли (Езона)	—
На полѣ лѣтомъ	—
Нива (Юліи Жадовской)	136
Орелъ	—
Соколы въ кѣлтѣхъ (Народн.)	137
Засуха	—
Пища растеній	138
Урожай (Колыцова)	139
Кто деретъ носъ кверху (Съ малороссійскаго)	—
Новый хлѣбъ	—
Обработка поля (Некрасова)	140
Въ лѣсу лѣтомъ	141
Споръ деревьевъ (Перев. съ нѣм.)	142
Чудная бѣлка (Пушкина)	143
Жалобы зайки	144
Лиса Патрикѣевна	145
Ученый медвѣдь	146
Неладно скроены, да крѣпко сшиты	147
Дятель	148
Букушечка	149
Эхо (Пушкина)	—
Шестое августа	—
Муха	150

Осень.

Примѣты осени (Грехова)	151
Мизгирь (Народн.)	152

